

Приключения
медвежонка Паддингтона

МАЙКЛ БОНД

Майкл БОНД

МОИ
ЛЮБИМЫЕ
КНИЖКИ

ТАДДИНГТОНА

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY

ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION

1892

RUTLAND

SPRING

AND FALL

Майкл БОНД

Приключения медвежонка ПАДДИНГТОНА

Санкт-Петербург
Издательство «Азбука-классика»
2006

УДК 82-93
ББК 84.4 Вл
Б 81

Illustrations copyright © R.W. Alley 1998

Перевод с английского
А. Глебовской, К. Сиверцевой
Оформление Ю. Колесниковой
Иллюстрация на обложке Р. В. Элли
Иллюстрации П. Фортнум

Бонд М.

Б 81 Приключения медвежонка Паддингтона: Рассказы /
Пер. с англ. А. Глебовской, К. Сиверцевой. — СПб.: Аз-
бука-классика, 2006. — 368 с.: ил.

ISBN 5-352-01835-0

Истории английского писателя Майкла Бонда о медвежонке по имени Паддингтон давно уже стали классикой детской литературы. Если речь заходит о самых знаменитых литературных медведях, англичане обязательно называют Винни Пуха и Паддингтона.

Началась эта история, когда мистер и миссис Браун познакомились на Паддингтонском вокзале с медвежонком, приехавшим из Дремучего Перу. Назвали медвежонка Паддингтоном, и он прочно обосновался в доме Браунов на улице Виндзорский Сад. Если вы читали первую книгу про Паддингтона, вам уже знакомы его проделки и приключения. В новой книге Паддингтон оказывается в будке суфлёра, в мармеладной бочке, в печной трубе и даже в кресле у стоматолога. Он берётся настраивать телевизор, чинить водопровод, участвовать в телевизионной викторине. И всегда выходит победителем, хотя и после множества приключений. Такой уж это медведь: где он, там никогда не бывает скучно.

© А. Глебовская, перевод, 2006

© К. Сиверцева, перевод 2006

© «Азбука-классика», 2006

ISBN 5-352-01835-0

А ВЫ ЕЩЁ НЕ ЗНАКОМЫ С МЕДВЕЖОНКОМ ПАДДИНГТОНОМ?

Нет? Ну тогда слушайте. Мистер и миссис Браун познакомились с Паддингтоном на железнодорожной платформе. Строго говоря, именно потому, что дело было на Паддингтонском вокзале, медвежонку и дали такое удивительное имя.

Брауны приехали встречать свою дочь Джуди. На вокзале было очень шумно, и мистеру Брауну, который первым заметил Паддингтона, пришлось трижды сказать об этом жене, прежде чем она поняла, в чём дело.

— Вот, смотри! — Мистер Браун торжествующе указал пальцем в самый тёмный угол. — Что я тебе говорил!

Миссис Браун посмотрела туда, куда он показывал, и действительно различила в полутьме

какого-то маленького мохнатого зверя. Он сидел на чемодане, а на шее у него висела бирка.

Чтобы рассмотреть как следует, миссис Браун подошла поближе. Таких медведей она ещё никогда не видела. мех у него был коричневый — довольно грязно-коричневый, надо сказать. На голове красовалась нелепая широкополая шляпа. Из-под широких полей на миссис Браун уставились два больших круглых глаза.

Поняв, что от него чего-то ждут, медвежонок встал и вежливо приподнял шляпу. Под ней обнаружились два чёрных уха.

— Добрый день, — сказал он тонким, звонким голоском.

— Э-э... Добрый день, — нерешительно ответил мистер Браун.

Наступила пауза. Медвежонок вопросительно посмотрел на Браунов:

— Может быть, я могу вам чем-то помочь?

— М-м... Пожалуй, нет. Э-э... На самом деле мы хотели узнать, не можем ли мы помочь тебе.

Медвежонок выпятил грудь.

— Я очень редкий медведь, — важно заявил он. — Там, откуда я приехал, нас осталось совсем мало.

— А где это «там»? — поинтересовалась миссис Браун.

Медвежонок тщательно огляделся по сторонам и только потом ответил:

— В Дремучем Перу. Вообще-то я тут не должен быть. Понимаете ли, я эмигрировал. Раньше

я жил в Перу со своей тётей Люси, но ей пришлось переселиться в Дом для престарелых медведей.

— А что ты собираешься делать дальше? — поинтересовался мистер Браун. — Нельзя же просто сидеть на Паддингтонском вокзале и ждать, что из этого выйдет.

— Ничего, всё будет в порядке, наверное.

Медвежонок нагнулся закрыть чемодан. Тут миссис Браун бросилась в глаза бирка, которая висела у него на шее. На ней было написано, просто и ясно:

ПОЖАЛУЙСТА, ПОЗАБОТЬТЕСЬ
ОБ ЭТОМ МЕДВЕЖОНКЕ.
БЛАГОДАРЮ ВАС.

Миссис Браун в растерянности обернулась к мужу:

— Генри, что же делать? Его ни в коем случае нельзя оставлять тут одного!..

Итак, медвежонок Паддингтон поселился у Браунов и очень скоро сделался полноправным членом семьи. Мистер и миссис Браун, их дочь Джуди и сын Джонатан, а уж тем более миссис Бёрд, которая вела у них хозяйство, уже и представить себе не могли, как без него обходились. У медвежонка появились знакомые — торговцы с соседнего рынка Портобелло, а ближайшим его другом стал антиквар мистер Крубер, в лавке у которого было столько интересных книг и

вещей. Паддингтон каждый день приходил к нему на «послезавтрак» из булочек и горячего какао. Паддингтон, медведь деятельный и любознательный, очень не любил сидеть сложа лапы — правда, его затеи часто перерастали в приключения и даже недоразумения, и это нравилось далеко не всем, а меньше всех — сварливому и скаредному соседу Браунов мистеру Карри. Обо всём этом рассказывается в книге «Медвежонок по имени Паддингтон».

Но приключений у Паддингтона было столько, что одна книга ну никак не смогла все их вместить. И вот сегодня у вас в руках — новые приключения неугомонного медвежонка по имени Паддингтон!

«УХОДНОЙ» МИСТЕРА КРУБЕРА *

По утрам, когда работы в саду не было, Паддингтон частенько заходил к мистеру Круберу. А на следующий день после злополучной истории с бензокосилкой он отправился в свой ежеутренний поход по магазинам даже раньше обычного.

Паддингтон предпочёл бы денька три-четыре не встречаться с мистером Карри, и, когда за завтраком миссис Бёрд сказала, что лучше не будить лихо, пока оно тихо, он от всей души с нею согласился.

Надо заметить, что будить мистера Карри не пришлось: с раннего утра он торчал у себя в саду, таращась на дыру в заборе и время от времени кидая яростные взгляды в сторону дома Браунов.

---

* Перевод Катерины Сиверцевой.

Так что Паддингтон, поспешно удаляясь со своей сумкой на колесиках по улице Виндзорский Сад, всё время опасливо оглядывался, и, только очутившись в лавке мистера Крубера, среди медной посуды и прочих знакомых предметов, он наконец почувствовал себя в полной безопасности и вздохнул с облегчением.

Не считая двух-трёх застрявших в шкурке травинок, вчерашнее злоключение никак не отразилось на Паддингтоне, и, пока мистер Крубер варил им на «послезавтрак» какао, медвежонок преспокойно восседал на диванчике в задней комнате и раскладывал на тарелке свежие булочки.

Прихлебывая какао, они ещё раз припомнили вчерашние события, и мистер Крубер тихонько рассмеялся.

— Как послушаешь, что с другими приключается, так, бывает, и самому захочется чего-нибудь эдакого, да ещё в такой славный денёк, — сказал он, глядя в окно на яркое утреннее солнышко. — Вот что я надумал, мистер Браун. Закрою-ка я лавку после обеда и устрою себе выходной. Так вот, — мистер Крубер прокашлялся, — не хотели бы вы составить мне компанию, а, мистер Браун? Мы бы прогулялись по парку, кое-что посмотрели бы?

— Ох, ну ещё бы, мистер Крубер! — воскликнул Паддингтон. — С удовольствием!

Он просто обожал гулять с мистером Крубером, потому что тот очень много всего знал про Лондон и с ним всё вокруг казалось интересным.

— Мы могли бы захватить Джонатана и Джуди и устроить пикник, — добавил мистер Крубер. Чем дальше, тем больше он воодушевлялся. — Я считаю, мистер Браун, что порой можно и отложить дело да погулять смело. Давненько не было у меня выходного.

С этими словами он принялся наводить порядок в лавке и даже против обыкновения решил не выставлять «всякую всячину», хотя обычно на тротуаре у входа всегда стоял лоток с разными безделушками и диковинками за умеренную цену.

Пока мистер Крубер занимался своими делами, Паддингтон сидел в задней комнате и старательно писал красными чернилами записку, которую надо было уходя повесить на дверь. В записке говорилось:

**УВАЖНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ
ПОСЛЕ ОБЕДА МАГАЗИН ЗАКРЫТ
ПО СЛУЧАЮ ЕЖИГОДНОГО
УХОДНОГО ПЕРСОНАЛА!!!**

Подчеркнув написанное остатками гуши какао, Паддингтон аккуратно вытер лапы и ненадолго попрощался с мистером Крубером, чтобы успеть забежать в магазины.

Услышав о предстоящей прогулке, миссис Бёрд тотчас же взялась за дело и наготовила целую кучу бутербродов — с ветчиной и двумя сортами джема для мистера Крубера, Джонатана и Джуди и отдельно, с мармеладом, для Паддингтона. Когда же к этому добавили жестянку свежего

печенья и несколько бутылок лимонада, оказалось, что рюкзак Джонатана полон доверху.

— Что ж, помоги боже мистеру Круберу, — изрекла миссис Бёрд после обеда, глядя, как удаляется на совесть снаряжённая компания.

Возглавляли её мистер Крубер с большим путешводителем и Паддингтон с чемоданом, театральным биноклем и целым ворохом карт.

— По-моему, Паддингтон сказал, что они идут в парк, — заметила миссис Браун. — А поглядишь на них, можно подумать, что на Северный полюс собрались.

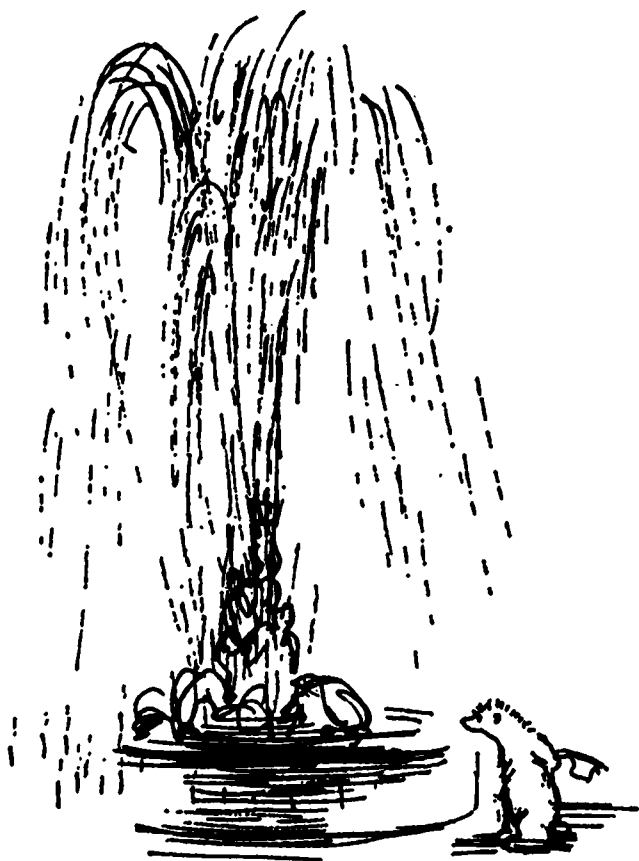
— Поскольку с ними Паддингтон, может, и неплохо, что их ничто не застанет врасплох, — многозначительно отозвалась миссис Бёрд. Она на своём опыте убедилась, что прогулка в обществе Паддингтона всегда чревата какой-нибудь катастрофой, и была совсем не прочь на этот раз остаться в стороне.

Однако даже миссис Бёрд осталась бы довольна, глядя, как чинно вся компания направляется к парку. А когда мистер Крубер подал знак, что они хотят перейти дорогу, сам постовой им одобритительно кивнул. Одной рукой он остановил поток машин, а другую поднёс к каске, когда Паддингтон, поравнявшись с ним, приподнял шляпу.

До парка они добрались нескоро, поскольку по дороге оказалось множество витрин, перед которыми так и хотелось постоять, а ещё время от времени мистер Крубер останавливался, чтобы обра-

тить их внимание на какой-нибудь интересный вид, который никак нельзя пропустить.

Паддингтону и раньше случалось бывать в парках, но такого огромного он ещё не видывал. Они вошли через высокие кованые ворота, и у Паддингтона просто дух захватило. Помимо травы и деревьев тут были ещё фонтаны, и качели, и садовые стулья, а чуть подальше сверкало под ярким

солнцем озеро. Так много всего было вокруг, что Паддингтон сперва крепко зажмурился, а открыв глаза, убедился, что он всё ещё в Лондоне.

Мистер Крубер просиял от удовольствия, взглянув на выражение Паддингтоновой мордочки.

— Перво-наперво, мистер Браун, пойдём-ка мы к озеру. Посидим, съедим наши бутерброды, а вы тем временем сможете окунуть лапы в воду, — предложил он.

— Спасибо, мистер Крубер. Это вы хорошо придумали, — с благодарностью откликнулся Паддингтон.

Он всегда быстро уставал шагать по нагретым тротуарам, а после этого что может быть лучше, чем болтать лапами в холодной воде и жевать кусок булки с мармеладом!

Расположившись у озера, компания надолго притихла. Не считая отдалённого уличного гула, слышался лишь плеск воды под медвежьими лапами да побрякивала жестянка, из которой Паддингтон выскребал мармелад на последний кусок булки.

Когда пикник подошёл к концу, мистер Крубер повёл их к огороженной площадке, где размещались всевозможные горки и качели. Сам мистер Крубер остался ждать у ограды, а Паддингтон, Джонатан и Джуди побежали на площадку, где каждому нашёлся аттракцион по вкусу. Паддингтон ужасно любил всякие горки, и сейчас ему не терпелось съехать с самой высокой — он её приметил ещё издали.

Веселье было в полном разгаре, когда мистер Крубер вдруг приставил ладонь к уху и потребовал тишины.

— Сдаётся мне, где-то там играет оркестр, — сказал он.

И в самом деле, прислушавшись, они уловили звуки музыки, несущиеся из глубины парка. Иг-
рали, видимо, за рощей, и, пока, предводительст-
вуемые мистером Крубером, они шагали туда, му-
зыка становилась всё громче и громче.

Наконец, завернув за угол, они увидели ещё од-
ну огороженную площадку. В одном её конце по-
мещалась эстрада, перед ней рядами стояли сту-
лья, а на них сидели люди и слушали музыку.

— Нам с вами повезло, мистер Браун, — радост-
но воскликнул мистер Крубер, указывая на эстра-
ду. — Это же Гвардейцы!

Пока мистер Крубер объяснял, что Гвардейцами
называется особый полк, очень знаменитый, кото-
рый охраняет Букингемский дворец* и прочие важ-
ные места, Паддингтон сквозь ограду разглядывал
музыкантов на эстраде. Форма на них была очень
яркая, красная с синим, на головах высокие чёрные
меховые шапки, а начищенные инструменты так
сверкали на солнце, что глазам делалось больно.

— Страшно подумать, мистер Браун, сколько
лет я не был на концерте военного оркестра в пар-
ке, — сказал мистер Крубер.

---

* Вы помните, что в Букингемском дворце живет английская королева?..

— А я вообще никогда не был, — признался Паддингтон.

— Тогда уж и сам Бог велел, — решил мистер Крубер, и, когда номер кончился и публика захлопала, он подвёл их к входной калитке и купил четыре билета, по шесть пенсов каждый. Едва они успели занять места в одном из задних рядов, как дирижёр, очень важный дяденька с большими усами, поднял палочку, подавая знак к началу следующего номера.

Паддингтон уселся поудобнее. Они столько ходили сегодня, что он был даже рад посидеть и дать лапам отдых. И когда музыка закончилась громом фанфар, а дирижёр повернулся к публике и раскланялся, Паддингтон старательно захлопал и несколько раз крикнул «браво!».

Тут Джуди толкнула его в бок.

— Вон там можно прочесть, что они дальше будут играть, — прошептала она, указывая на эстраду. — Видишь, на афише написано.

Паддингтон достал театральный бинокль и, свесившись в проход, принялся с интересом изучать афишу. Первые несколько номеров назывались «фрагменты», и Паддингтон не сразу понял, что это такое. Затем шли военные марши, один из которых только что сыграли, а после них — опять «фрагмент» из вещи под названием «Симфония-сюрприз», что показалось Паддингтону весьма заманчивым. Но вот он дошёл до последнего номера, и тут странное выражение появилось у него на мордочке. Он хорошенько подышал на стёкла,

протёр их тряпочкой, которую всегда хранил в чемодане, и снова уставился на афишу в бинокль.

— Видишь, там написано «Фрагмент из „Неоконченной симфонии“ Шуберта», — шёпотом пояснила Джуди под звуки следующего марша.

— Что?! — возмутился Паддингтон, чьи худшие подозрения подтвердились. — Мистер Крубер заплатил по шесть пенсов за билеты, а они её даже не закончили!

— Так ведь Шуберт умер уже давно, — прошептала Джуди, — а последнюю часть так и не нашли.

— По шесть пенсов каждый! — сокрушался Паддингтон, не слушая её. — Вместе целых два шиллинга!

— Ш-ш-ш! — зашикали сзади.

Паддингтон откинулся на спинку стула и несколько минут кряду мерил суровым взглядом дирижёра, наведя на него свой бинокль.

В музыке меж тем началась тихая часть, и постепенно слушатели стали закрывать глаза и откидываться на спинки стульев. Все замерли, и тогда

с бокового места в задних рядах поднялась маленькая бурая фигурка и торопливо направилась к выходу.

Паддингтону крайне не понравилась вся эта история с «Неоконченной симфонией», а больше всего ему было обидно за мистера Крубера, и он твёрдо решил разузнать, в чём тут дело.

— Имейте в виду, — сказал ему служитель у входа, — если раз выйдете, так уж обратно не зайдёте. Это против правил и инструкций.

Паддингтон приподнял шляпу.

— Прошу прощения, мне бы надо повидать мистера Шуберта, — объяснил он.

— Шербета? — переспросил служитель, представив ладонь к уху. Оркестр как раз дошёл до громкого пассажа, и расслышать Паддингтона было нелегко. — Сходите-ка вон туда, — посоветовал он, указывая на киоск неподалёку. — Может, у них и есть стаканчик-другой.

— Стаканчик-другой? — воскликнул Паддингтон вне себя от изумления.

— Ну да, — сказал служитель. — Только уж давайте поживее, одна лапа здесь, другая там, — окликнул он медвежонка, который с озабоченным видом затрусил через газон*, — а то придётся мне взять с вас ещё шесть пенсов.

---

* В Англии нигде не встретишь табличек «По газонам не ходить». Да и вообще английский парк больше похож на лес, очень ухоженный и аккуратно прибранный, — ну и вести себя там нужно соответственно! (Здесь и далее прим. перев.)

Тётенька, работавшая в киоске, не сразу поняла, в чём дело, когда Паддингтон постучал в стенку.

— Ну вот, — сказала она, перегнувшись через прилавок, — не иначе как кто-то из Гвардейцев обронил шапку.

— Я не шапка! — вознегодовал Паддингтон. — Я медведь и пришёл повидать мистера Шуберта.

— Мистера Шуберта? — повторила тётенька, понемногу приходя в себя. — Не знаю никого с таким именем, дружок. Есть тут один Берт, отвечает за садовые стулья, но он сегодня выходной. — Она обернулась к другой тётеньке в глубине киоска. — Ты не знаешь такого мистера Шуберта, Глэдис? — спросила она. — Тут его разыскивает юный джентльмен-медведь.

— Может, это кто из музыкантов, — неуверенно ответила та. — У них у всех имена какие-то чудные.

— Он написал симфонию, — пояснил Паддингтон, — и забыл её закончить.

— Ах вот оно что, — сказала первая тётенька. — Пожалуй, на вашем месте я бы пошла и подождала под самой эстрадой. Когда они будут спускаться, то уж мимо вас не пройдут. Можете там у задней дверцы подождать, — добавила она, — чтобы не отвлекать публику.

Поблагодарив обеих тётенек за помощь, Паддингтон потрусил обратно через газон к дверце в задней стенке эстрады, куда вели ступеньки. На дверце висела табличка: «Посторонним вход воспрещён». Паддингтон, как известно, любил всё

новое, а бывать внутри эстрады ему ещё не приходилось. Эта мысль показалась ему занятой — отчего не попробовать?

Дверь легко подалась под его лапой, но вот тут-то и ждал его один из неприятных сюрпризов: он попытался прикрыть дверь, но она вдруг захлопнулась с жутким клацаньем, и, как Паддингтон ни старался, открыть её не удавалось. Потыкав в дверь старой ручкой от швабры, которую нашёл на полу, Паддингтон пошарил в темноте и отыскал перевёрнутый ящик, на который и уселся, чтобы обдумать создавшееся положение.

Под эстрадой было не только темно, но и страшно пыльно, и каждый раз, когда оркестр исполнял громкий пассаж, поднималось целое облако пыли, пыль оседала у медвежонка на усах и он принимался чихать. И чем больше Паддингтон про всё это думал, тем меньше ему всё это нравилось, и чем меньше ему всё это нравилось, тем больше он думал, что надо бы что-нибудь предпринять.

* * *

— Ну вот, опять, — простонала Джуди. — Вечно этот медведь куда-то исчезает. Открыв глаза, когда закончилась тихая мелодия, мистер Крубер, Джонатан и Джуди немедленно обнаружили, что стул Паддингтона пуст, а его самого нигде не видно.

— Тут осталось его печенье, — сказал Джонатан, — так что он далеко не ушёл.

Мистер Крубер забеспокоился.

— Сейчас будут исполнять «Симфонию-сюрприз», — сказал он. — Надеюсь, он поспеет к началу. — Мистер Крубер знал, как любит Паддингтон всяческие сюрпризы, и не сомневался, что эта вещь должна ему понравиться.

Но тут им пришлось замолчать, потому что дирижёр взмахом палочки призвал оркестр к вниманию и публика вновь притихла. Минут пять спустя после начала вещи лицо у мистера Крубера начало понемножку вытягиваться.

— Очень необычная трактовка, — шепнул он Джонатану и Джуди. — Никогда прежде не слышал, чтобы это так исполнялось.

Похоже, мистер Крубер был прав: в музыке и впрямь слышалось что-то странное. Другие тоже это заметили, а дирижёр стал с озабоченным видом пощипывать усы. Дело было даже не в самой музыке, а в тех странных ритмичных ударах, которые её сопровождали. Казалось, доносились они из-под эстрады, становясь с каждой минутой всё громче и громче.

Дирижёр было грозно уставился на барабанщика, но тот в полном отчаянии поднял палочки над головой, желая показать, что он здесь ни при чём.

И тут произошло нечто ещё более странное: только что дирижёр стоял перед оркестром, оглядывая своих музыкантов, как вдруг с внезапным треском, на глазах у изумлённых слушателей, его приподняло на несколько дюймов над эстрадой, а затем перебросило через перила, за которые он

уцепился, чтобы не упасть. И в наступившей тишине кто-то громко чихнул.

— Ага-а! — закричал Джонатан. — Я этот чих где хочешь узнаю.

С растущей тревогой наблюдали мистер Крубер, Джонатан и Джуди, как настил эстрады поднимался всё выше и выше. Снова раздался треск, показалась ручка швабры и закачалась в воздухе. А вслед за ней появилась знакомая шляпа и не менее знакомые уши.

— Извините, пожалуйста, — вежливо обратился Паддингтон к дирижёру, приподнимая шляпу. — Мне нужен мистер Шуберт.

— Медведи в моём оркестре! — горестно ахнул дирижёр. — Тридцать лет я стою за пультом, но такого, чтоб свалиться, да чтоб свалил меня медведь!..

Хотел ли дирижёр ещё что-то сказать — неизвестно. Дальнейшее потонуло в громе аплодисментов. Сперва захлопал один, потом другой, и вот уже вся публика аплодировала, вскочив с мест. «Браво!» — кричали одни. «Бис!» — вторили им другие.

— Не зря её называли «Симфония-сюрприз», — сказал сосед мистера Крубера. — Медведь из-под пола вылез — вот это сюрприз так сюрприз!

— Совсем недурно, и всего за шесть пенсов, — поддержал его другой слушатель. — Интересно, что они в следующий раз выдумают.

Раздались аплодисменты, дирижёр же тем временем вполне оправился и был даже рад такому

успеху у публики. Он проводил Паддингтона на место и по-военному отдал честь.

— Отличное чувство ритма, медведь, — сказал он с легкой, однако, хрипотцой. — Не хуже, чем у моих Гвардейцев.

* * *

— А всё-таки хорошо, что кто-то захлопал, — заметил Джонатан, когда они уже выходили из парка, — а то, кто его знает, чем бы всё кончилось. Интересно, кто это был?

Джуди посмотрела на мистера Крубера, но тот внимательно разглядывал деревья, и только глаза его смеялись. А продолжить разговор им не удалось, потому что вечернюю тишину вдруг нарушили звуки марша и мерный топот сапог.

— Должно быть, оркестр возвращается в казармы, — догадался мистер Крубер. — Если поторопиться, мы их увидим.

Они поспешили на звук и успели как раз вовремя: на дороге показалась колонна марширующих солдат с офицером во главе.

— Ну вот, мистер Браун, вы и повидали Гвардейцев, — сказал мистер Крубер, когда колонна скрылась из виду и музыка затихла вдали. — Очень рад за вас. Это прекрасное зрелище.

Паддингтон надвинул шляпу и кивнул. Он не мог забыть, как браво маршировали солдаты, и, хотя все они как один смотрели прямо перед собой, медвежонок был уверен — ну почти, — что

самый главный, поравнявшись, на долю секунды всё-таки скосил глаза в их сторону.

— И мне так показалось, мистер Браун, — подтвердил мистер Крубер, когда Паддингтон сказал об этом. — И на вашем месте я непременно бы занёс это в дневник. Вряд ли такое ещё раз случится, и потом, это славный конец чудесного дня.

ПАДДИНГТОН В ТЕАТРЕ

Вы, конечно же, помните, что среди любимых вещей Паддингтона был театральный бинокль. А вот как он к нему попал, вы сейчас узнаете.

В доме у Браунов царило необычайное оживление: мистер Браун взял билеты в театр, да ещё и в ложу, да ещё и на премьеру новой пьесы с ужасно знаменитым актёром Сейли Блумом в главной роли! Паддингтон, понятно, тоже поддался общему оживлению и несколько раз подряд бегал в лавку к мистеру Круберу, чтобы тот объяснил ему всё про театр. Мистер Крубер сказал, что попасть на премьеру — большая удача.

— Вы наверняка встретите там немало знаменитых людей, — веско прибавил он. — Далеко не всякому медведю выпадает такая возможность!

Мистер Крубер одолжил Паддингтону несколько потрёпанных книжек про театр. Паддингтон был медлительным читателем, но в книжках оказалось множество картинок и фотографий, а в одной — даже картонный макет сцены, который расправлялся, едва вы открывали нужную страницу. Паддингтон твёрдо решил, что, когда вырастет, обязательно станет актёром. Для начала он влез на тумбочку и попробовал повторить некоторые из поз, которые видел на фотографиях.

У миссис Браун по этому поводу было своё мнение.

— Только бы пьеса оказалась хорошей, — переживала она. — Вы же знаете нашего мишутку. Он всё принимает так близко к сердцу!

— Гм, — вставила миссис Бёрд, — я-то, слава богу, буду сидеть дома и тихо-мирно слушать радио. Но ему театр в новинку, а он так любит всё новое. И потом, в последние дни он ведёт себя на удивление хорошо.

— Это-то меня и беспокоит, — вздохнула миссис Браун.

Впрочем, оказалось, что как раз из-за пьесы миссис Браун могла не волноваться. По дороге в театр Паддингтон сидел необычайно тихо. Его впервые повезли в центр города вечером, и он в первый раз увидел вечерние огни Лондона. Мистер Браун рассказывал по дороге о знаменитых зданиях и памятниках, мимо которых они проезжали, и когда наконец вся компания вошла в фойе театра, настроение у всех было преотличное.

Паддингтон с радостью отметил, что внутри всё точь-в-точь такое, как рассказывал мистер Крубер, вплоть до швейцара, который распахнул перед ними дверь и вежливо приложил руку к фуражке.

Паддингтон помахал в ответ лапой и принялся. Всё вокруг блестело золотом и красной краской, а кроме того, в театре стоял какой-то свой, тёплый и уютный запах. Маленькое огорчение ожидало медвежонка в гардеробе, где с него потребовали шесть пенсов за хранение чемодана и пальто. А когда он попросил свои вещи обратно, тётенька-гардеробщица подняла страшный шум.

Её возмущённый голос ещё разносился по всему фойе, пока служительница вела Браунов к их местам. У входа в ложу служительница задержалась.

— Программку не желаете, сэр? — обратилась она к медвежонку.

— Да, пожалуйста, — кивнул Паддингтон и взял пять. — Спасибо большое.

— А не подать ли вам кофе в антракте? — поинтересовалась служительница.

У Паддингтона заблестели глаза.

— Да, конечно! — воскликнул он. Какие всё-таки в театре замечательные порядки! Он хотел было проскочить на своё место, но служительница преградила ему дорогу.

— С вас двенадцать с половиной шиллингов, — сообщила она. — Программка стоит шесть пенсов, чашка кофе — два шиллинга.

Бедняга Паддингтон с трудом поверил своим ушам.

— Двенадцать с половиной шиллингов? — ошарашенно повторил он. — *Двенадцать с половиной шиллингов?*

— Ничего, ничего, я заплачу, — тут же вмешался мистер Браун, опасаясь ещё одного скандала. — Иди, Паддингтон, на своё место и садись.

Паддингтон пулей проскочил в ложу, но пока служительница подкладывала подушки на его кресло, он бросал на неё очень подозрительные взгляды. Однако он с удовольствием отметил, что она усадила его в первом ряду и ближе всех к сцене. А он уже отправил тётё Люси открытку, куда аккуратно перерисовал из книги план театра и поставил в уголочке крестик с пояснением: «ТУТ СЕЖУ Я».

Зрителей в тот вечер собралось довольно много, и Паддингтон приветливо замахал лапой сидящим в партере. К великому смущению миссис Браун, многие стали указывать на него пальцем и махать в ответ.

— Лучше бы он вёл себя потише, — шепнула она мистеру Брауну.

— Может быть, ты всё-таки снимешь пальто? — попытался отвлечь Паддингтона мистер Браун. — А то замёрзнешь, когда выйдем на улицу...

Паддингтон влез всеми четырьмя лапами на кресло и стоял там во весь рост.

— Пожалуй, сниму, — согласился он. — А то чего-то жарковато...

Джуди принялась ему помогать.

— Осторожнее! Булка с мармеладом! — вскрикнул Паддингтон, когда Джуди повесила пальто на барьер ложи.

Но было уже поздно. Медвежонок с виноватым видом поглядел на своих спутников.

— Полундра! — воскликнул Джонатан. — Твоя булка свалилась прямо на чью-то голову. — Он перегнулся через барьер. — Ну точно, вон на того лысого дяденьку. Похоже, он здорово рассердился.

— Паддингтон! — Миссис Браун в отчаянии поглядела на медвежонка. — Ну разве можно приносить в театр булку с мармеладом?

— Ничего страшного, — беспечно отозвался тот. — У меня в другом кармане есть ещё кусок, могу угостить. Правда, он немного помялся, потому что я сидел на нём в машине.

— Там, внизу, похоже, что-то случилось, — вступил в разговор мистер Браун, вытягивая шею и пытаясь заглянуть в партер. — Какой-то невежа ни с того ни с сего погрозил мне кулаком. И при чём тут, скажите на милость, булка с мармеладом?

Мистер Браун порой очень туго соображал.

— Ничего страшного, — поспешила успокоить его миссис Браун. Она решила попросту замять происшествие, от греха подальше.

В любом случае медвежонку было не до того — он был поглощён мучительной внутренней борьбой, причиной которой послужили театральные бинокли. Он только что заметил неподалёку ящичек с надписью: «БИНОКЛИ, 6 ПЕНСОВ».

Наконец, после долгих и тяжких раздумий, он открыл чемодан и достал из потайного кармашка шестипенсовик.

— Какой-то он бестолковый, — заметил Паддингтон, поглазев с минуту на зрителей. — В нём все ещё меньше кажутся!

— Да ты его не тем концом повернул, глупышка! — рассмеялся Джонатан.

— Всё равно бестолковый, — упорствовал Паддингтон, перевернув бинокль. — Если бы я знал, ни за что бы его не купил. Впрочем, — добавил он, поразмыслив, — может быть, он в другой раз пригодится.

Как раз в этот момент оркестр закончил играть увертюру, и занавес поднялся. Сцена изображала комнату в большом загородном доме, и сэр Сейли Блум, в роли богатого сквайра*, расхаживал по ней взад и вперёд. В зале загремели аплодисменты.

— Что ты, его нельзя брать с собой, — шепнула Джуди. — Его придётся вернуть, когда мы будем уходить.

— Что?! — так и ахнул медвежонок. Из темноты зашикали, а сэр Сейли Блум приостановился и грозно посмотрел в их сторону. — Так значит... — От расстройства Паддингтон чуть не потерял дар речи. — Шесть пенсов! — прибавил он горько. — На целых три булочки бы хватило!

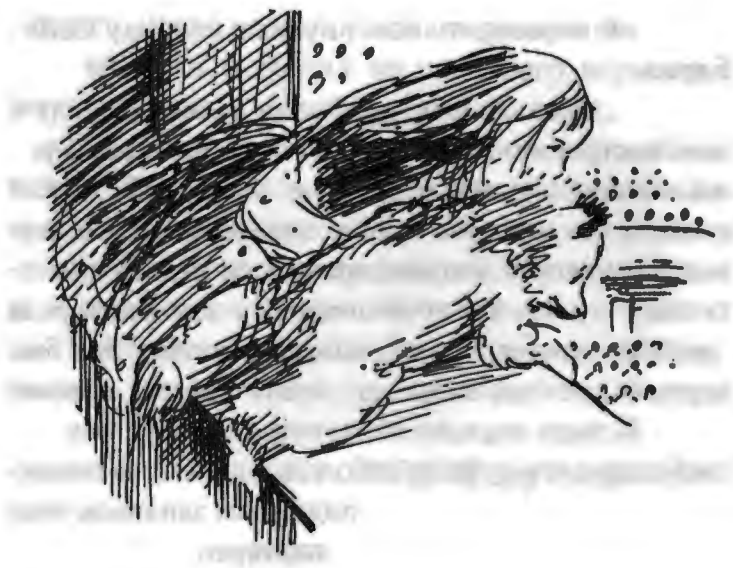
* «Сквайр» по-английски значит примерно то же самое, что по-русски «помещик»: состоятельный человек, живущий в деревне, владелец земельного надела.

Тут он наконец-то повернулся в сторону Сейли Блума.

А тот, надо сказать, пребывал далеко не в лучшем настроении. Он вообще не любил премьер, а эта началась и вовсе скверно. С первой, можно сказать, секунды всё пошло наперекосяк. Во-первых, ему всегда больше нравилось играть симпатичных героев, а в этой пьесе ему досталась роль главного злодея. Кроме того, поскольку это был первый спектакль, он не очень твёрдо помнил текст. И надо же, едва он приехал в театр, как ему сообщили, что суфлёр заболел, а заменить его некем. Потом, перед самым подъёмом занавеса, поднялась какая-то суматоха в партере. На одного из зрителей свалилась булка с мармеладом, как объяснил администратор. Мелочи, конечно, но они окончательно вывели сэра Сейли из равновесия. Он вздохнул про себя. Да, премьера обещала быть хуже некуда.

Но если Сейли Блуму не удавалось вложить в пьесу всю душу, о Паддингтоне этого никак нельзя было сказать. Вскоре он напрочь позабыл о потраченном зря шестипенсовике и с головой ушёл в спектакль. Он быстро раскусил, что Сейли Блум — отъявленный негодяй, и сурово установился на него в бинокль. Медвежонок пристально следил за всеми движениями великого актёра, изображавшего бессердечного отца, и когда в конце первого акта тот выставил дочь из дому без гроша в кармане, Паддингтон встал на кресле во весь рост и негодующе замахал программкой.

Паддингтон был сообразительным медведем, а главное, он твёрдо знал, что хорошо, а что плохо. Поэтому, едва занавес опустился, он решительно положил бинокль на барьер и вылез из кресла.

— Понравилось, Паддингтон? — спросил его мистер Браун.

— Очень интересно, — ответил медвежонок.

Решительные нотки в его голосе сразу же насторожили миссис Браун, и она строго посмотрела на своего питомца. Этот тон она слышала и раньше, и он не сулил ничего хорошего.

— Ты куда собрался, мишка-медведь? — спросила она, когда тот подошёл к двери.

— Пойду прогуляюсь, — туманно отозвался медвежонок.

— Только ненадолго! — крикнула миссис Браун вдогонку. — А то опоздаешь ко второму акту!

— Да не беспокойся ты, Мэри! — оборвал её мистер Браун. — Ну захотелось ему размять лапы или что-нибудь в этом роде. Может, он просто пошёл в гардероб.

На самом-то деле Паддингтон отправился вовсе не в гардероб, а к дверце, ведущей за кулисы. На ней было написано:

СЛУЖЕБНОЕ ПОМЕЩЕНИЕ. ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ АРТИСТОВ

Толкнув дверь, Паддингтон тотчас же оказался в совсем ином мире. Тут не было обитых красным бархатом кресел, одни лишь голые стены. С потолка свисали какие-то верёвки, по углам громоздились декорации, и царила страшная суматоха. В другое время медвежонок одолело бы любопытство, но сейчас на мордочке у него застыла упрямая решимость.

Заметив какого-то дяденьку, который возился с декорациями, медвежонок подошёл поближе и дёрнул его за рукав.

— Извините, пожалуйста, — начал он, — не могли бы вы мне сказать, где этот дяденька?

Рабочий не отрывался от дела.

— Какой ещё дяденька? — буркнул он.

— Этот дяденька, — терпеливо пояснил Паддингтон. — Главный негодяй.

— А, сэр Сейли? — Рабочий указал ему на длинный коридор. — Он в своей уборной. Только

лучше к нему сейчас не приставать, потому что он зол, как сто тысяч чертей... — Тут он поднял голову. — Эй? Да ты откуда взялся? Сюда посторонним нельзя!..

Но Паддингтон уже был так далеко, что не стал бы отвечать, даже если бы расслышал. Он бежал по коридору, внимательно оглядывая каждую дверь. Наконец он увидел нужную — на ней красовалась большая звезда и надпись золотыми буквами: «СЭР СЕЙЛИ БЛУМ». Паддингтон набрал для храбрости побольше воздуха и громко постучал. Никто не ответил, и медвежонок постучал снова. По-прежнему никакого ответа, поэтому он осторожно толкнул дверь лапой.

— Убирайтесь прочь! — раздался зычный бас. — Никого не желаю видеть!

Паддингтон выглянул из-за двери. Сэр Сейли Блум лежал, растянувшись во весь рост, на огромном диване. Вид у него был усталый и недовольный. Приоткрыв один глаз, он глянул на медвежонка.

— Никаких автографов, — буркнул он.

— А мне и не нужен ваш автограф, — ответил Паддингтон, устремив на актёра суровый взгляд. — Я бы не попросил ваш автограф, даже если бы у меня была с собой книжка для автографов, а у меня её нет!

Сэр Сейли так и сел.

— Тебе не нужен мой автограф? — изумлённо переспросил он. — Но зрители всегда просят у меня автограф!

— А я не прошу! — отрезал Паддингтон. — Я пришёл сказать, чтобы вы немедленно пустили свою дочь обратно!

Последние слова он выпалил скороговоркой. Великий артист, казалось, вдруг раздулся, став раза в два больше, чем на сцене, и медвежонок испугался, что он того и гляди лопнет.

После этого сэр Сейли судорожно прижал ладони ко лбу.

— Ты хочешь, чтобы я пустил обратно свою дочь? — повторил он после паузы.

— Вот именно, — твёрдо ответил медвежонок. — А если нет, думаю, она может пока пожить у мистера и миссис Браун.

Сэр Сейли растерянно провёл пятерней по волосам, а потом хорошенько ущипнул сам себя.

— У мистера и миссис Браун, — повторил он, уже совсем перестав что-либо соображать. Потом обвёл комнату диким взглядом и метнулся к дверям.

— Сара! — завопил он на весь коридор. — Сара, поди сюда сию же минуту! — Он попятился вглубь своей уборной, пока между ним и Паддингтоном не оказался диван. — Изыди, медведь! — проговорил он драматическим тоном, а потом, сощурившись, взгляделся в медвежонок, поскольку был довольно близорук. — Ты ведь медведь, верно?

— Верно, — кивнул Паддингтон. — Из Дрему-чего Перу.

Сэр Сейли поглядел на его зелёный берет.

— В таком случае, — сердито проговорил он, чтобы выгадать время, — мог бы ради приличия и не заявляться ко мне в уборную в зелёном берете. Ты разве не знаешь, что в театре зелёный цвет считается несчастливым? Сними немедленно!

— Я тут ни при чём, — начал оправдываться Паддингтон. — Я хотел надеть свою обыкновенную шляпу... — И он пустился было в объяснения по поводу шляпы, но тут дверь со стуком отворилась и вошла барышня по имени Сара. Паддингтон сразу же признал в ней дочь сэра Сейли.

— Не бойтесь, — ободрил её Паддингтон. — Я пришёл вас спасти.

— Что?! — опешила барышня.

— Сара! — Сэр Сейли Блум опасно вышел из-за дивана. — Сара, спаси меня от этого... от этого сумасшедшего медведя!

— Я не сумасшедший! — возмутился Паддингтон.

— Тогда потрудись объяснить, что тебе нужно в моей уборной! — наконец рассвирепел великий артист.

Паддингтон вздохнул. Какие всё-таки бывают непонятливые люди! Набравшись терпения, он ещё раз объяснил всё с самого начала. Когда он дошёл до конца, барышня по имени Сара вдруг запрокинула голову и расхохоталась.

— Не вижу ничего смешного, — буркнул сэр Сейли.

— Но, солнце моё, как же ты не понимаешь? — воскликнула Сара. — Тебе сделали такой компли-

мент! Паддингтон действительно поверил, что ты собираешься выгнать меня из дому без гроша в кармане. А это доказывает, какой ты замечательный актёр!

Сэр Сейли обдумал её слова.

— Хм, — сказал он наконец. — Что ж, вполне понятная ошибка. Да и вообще, если приглядеться, он производит впечатление в высшей степени неглупого медведя.

Паддингтон обескураженно поглядел сперва на одного, потом на другую.

— Так, значит, вы всё время только притворялись? — запинаясь, выговорил он.

Барышня нагнулась и взяла его за лапу:

— Ну конечно, солнышко. Но я всё равно страшно благодарна тебе за то, что ты пришёл мне на помощь. Я этого никогда не забуду.

— Я бы вас обязательно спас, если бы понадобилось! — заверил её Паддингтон.

Сэр Сейли кашлянул.

— А что, мишка, ты действительно интересуешься театром? — спросил он своим густым басом.

— Ещё как! — отозвался Паддингтон. — Мне только не нравится, что за всё надо платить шесть пенсов. Но я обязательно стану актёром, когда вырасту.

Сара вдруг вскочила.

— Сейли, солнышко, я, кажется, что-то придумала! — воскликнула она и прошептала что-то сэру Сейли на ухо, после чего тот ещё раз посмотрел на медвежонка.

— Это, конечно, не совсем по правилам... — замылся великий актёр. — Но отчего не попробовать? Нет, мы обязательно попробуем!

Антракт тем временем уже подходил к концу, и Брауны не на шутку разволновались.

— О господи! — восклицала миссис Браун. — И куда он на сей раз запропастился?

— Если он не поторопится, то пропустит начало второго акта, — философски заметил мистер Браун.

Тут в дверь постучали, и служитель вручил мистеру Брауну записку.

— Это вам от юного джентльмена-медведя, — сообщил он. — Он сказал, что это очень важно.

— Э... спасибо, — проговорил мистер Браун, разворачивая послание.

— Что там? — торопила миссис Браун. — С ним всё в порядке?

Мистер Браун протянул ей бумажку.

— Поди догадайся, — буркнул он.

На клочке бумаги было наспех накарябано карандашом:

Я ПАЛУЧИЛ
ОЧИН АТВЕСВИНОЕ ЗАДАНИЕ.
ПАДИНКТУН.
P. S.
ПАТОМ РАСКАЖУ.

— Ну и что всё это значит? — недоумевала миссис Браун. — Вечно с ним что-то приключается!

— Понятия не имею, — ответил мистер Браун и сел, потому что огни в зале начали гаснуть. — Но что бы с ним ни приключилось, я намерен досмотреть пьесу до конца.

— Надеюсь, вторая половина лучше первой, — вставил Джонатан. — Первая просто никуда не годилась. Этот сердитый артист всё время путал слова.

Вторая половина действительно оказалась намного лучше первой. Едва сэр Сейли вышел на сцену, зал напряжённо замер. Сэр Сейли точно заново родился. Он больше не путал слова, и зрители, которые маялись и кашляли всю первую половину спектакля, теперь сидели как замороженные, ловя каждое слово.

Когда наконец занавес опустился, скрыв счастливую дочь сэра Сейли, вернувшуюся в отцовские объятия, раздался взрыв аплодисментов. Занавес снова подняли, и вся труппа вышла поклониться публике. Потом на сцене остались только сэр Сейли и Сара, но аплодисменты всё не умолкали. Тогда сэр Сейли вышел на авансцену и, подняв руку, потребовал тишины.

— Дамы и господа, — проговорил он, — сердечно благодарю вас за тёплый приём. А теперь, с вашего позволения, я хотел бы представить вам самого юного члена нашей труппы, без которого сегодняшний спектакль обязательно бы провалился. Это молодой... э-э... медведь, который выручил нас в трудную минуту...

Остальная часть его речи потонула в недоумённом гуле. Тогда сэр Сейли подошёл к самому краю сцены, где под небольшим колпаком находилось отверстие в помосте — суфлёрская будка.

Сэр Сейли взял Паддингтона за лапу и потянул кверху. Из будки показалась мохнатая голова. Во второй лапе медвежонок крепко сжимал сценарий.

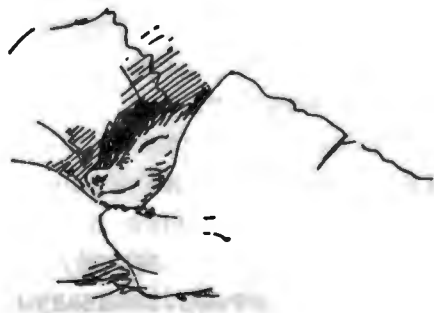
— Вылезай, Паддингтон, — сказал сэр Сейли. — Вылезай и поклонись публике.

— Не могу, — пропыхтел медвежонок. — Я, кажется, застрял!

Он действительно застрял. Только с помощью нескольких рабочих сцены, пожарника и большого количества сливочного масла удалось вызволить его из будки — да и то когда публика уже разошлась. Впрочем, даже сидя в будке, он умудрялся, изогнувшись, махать шляпой в ответ на восторженные крики, которые неслись из зала, пока занавес не опустился в последний раз.

Если бы спустя несколько дней кто-нибудь зашёл вечером в комнату медвежонка, то обнаружил бы, что тот сидит в кроватке со своим дневником, ножницами и тюбиком клея и старательно наклеивает на чистую страницу фотографию сэра Сейли Блума, на которой рукой великого артиста написано: «Паддингтону, с самой искренней благодарностью». Была тут и подписанная фотография барышни по имени Сара, а также радость и гордость медвежонка — газетная вырезка с заголовком «Паддингтон спасает премьеру!».

Мистер Крубер сказал, что за фотографии можно было бы выручить кое-какие деньги, но Паддингтон, крепко поразмыслив, решил их всё-таки не продавать. В конце концов, ведь сэр Сейли вернул ему его шестипенсовик — и даже подарил настоящий театральный бинокль!

II

ПОХОЖДЕНИЯ В ДОМЕ И НА КРЫШЕ

Паддингтон вздрогнул, проснулся, сел в постели и протёр глаза. Поначалу он никак не мог сообразить, где находится, но мало-помалу, наталкиваясь взглядом на знакомые предметы, понял, что лежит в своей собственной кровати.

В окно вовсю светило солнышко. Паддингтон зажмурился и снова улёгся поудобнее, заложив лапы за голову и задумчиво глядя в потолок.

Что именно его разбудило, так и осталось загадкой, но Паддингтон был страшно рад, что проснулся, потому что ему приснился ужасно скверный сон про большую банку его любимого мармелада.

Во сне он пытался открыть эту самую банку, но она оказалась закупорена на редкость плотно, и ничего не помогало. Лучший консервный нож миссис Бёрд сломался пополам, а когда он попро-

бовал зажать банку в дверях, дверь свалилась на пол. Даже молоток мистера Брауна не помог — после нескольких сильных ударов он сорвался с рукоятки и разбил окно гостиной. Кто знает, какие ещё несчастья могли бы приключиться, не проснись он вовремя.

Паддингтон облегчённо вздохнул, сунул лапу в открытую банку с мармеладом (чтобы окончательно удостовериться, что всё в порядке) и снова закрыл глаза.

В доме стояла непривычная тишина, потому что Паддингтон остался в нём один-одинёшенек. Утром Джонатан и Джуди совершенно неожиданно получили приглашение на праздничное чаепитие, а миссис Браун и миссис Бёрд — письмо с просьбой навестить престарелую тётушку, которая жила на другом конце Лондона.

Строго говоря, и Паддингтон оказался дома совершенно случайно, потому что мистер Браун попросил его отнести книги в библиотеку, а заодно посмотреть в справочном отделе всякую всячину по длинному-длинному списку.

Вот из-за этого списка всё и случилось: после обеда Паддингтон унёс его к себе в комнату, чтобы как следует изучить, и сам не заметил, как заснул.

Теперь уже трудно было сказать, что его усыпило: очень плотный обед с двумя порциями сытного сдобного пудинга, или полуденная жара, или то и другое вместе; но, как бы там ни было, он проспал довольно долго, и теперь где-то вдалеке часы отбивали три.

И вдруг, когда затих бой часов, Паддингтон подскочил, сел в кровати и круглыми глазами уставился в потолок. Неужели и это ему снится? Нет, он отчётливо слышал, как прямо над головой кто-то тихонько скребётся. Звук возник возле двери, переместился в другой конец комнаты, прозвучал у окна, замер, а потом всё повторилось в обратном порядке.

Паддингтон не верил своим ушам. А когда наступившую было тишину нарушили удары молотка, у него чуть глаза не вылезли на затылок.

Ущипнув себя разика два, чтобы удостовериться, что это не сон, медвежонок вскочил с кровати и отправился на разведку.

Прежде всего он распахнул окно, но там его ждала новая неожиданность: с крыши свешивалась чёрная змеевидная кишка, которая поплясала в воздухе и рывком втянулась наверх.

Паддингтон проворно отскочил на середину комнаты, а потом схватил шляпу, чемодан и выбежал вон, захлопнув за собой дверь.

После такого кошмарного сна и не менее кошмарного пробуждения он готов был увидеть почти что угодно — но только не то, что ждало его на лестничной площадке! Он едва удержался, чтобы не удрать обратно в комнату.

Он увидел приставную лесенку, которой после обеда здесь и в помине не было. Прислонена она была к люку в потолке, ведущему на чердак. И, что уж совсем неприятно, крышка люка была открыта настежь!

Паддингтон был медведь не робкого десятка, но и ему потребовалось несколько минут, чтобы собрать всё своё мужество. Он поглубже нахлобучил шляпу, поставил поближе чемодан (на всякий пожарный случай) и осторожно начал карабкаться вверх.

На последней ступеньке, откуда было видно, что происходит на чердаке, подтвердились самые худшие его опасения: он увидел злодея в голубом комбинезоне и фетровой шляпе, с фонариком в одной руке, с чем-то вроде длинного ножа в другой, который крался по чердачным балкам!

Несколько секунд Паддингтон наблюдал за ним, затаив дыхание, и наконец сообразил, что надо делать. Осторожно протянув лапу, он нащупал в темноте ручку, захлопнул люк, поплотнее задвинул задвижку и кубарем скатился вниз, в безопасность.

На крыше тут же забили тревогу: оттуда слышались вопли, топот, а потом кто-то отчаянно забарабанил в крышку люка. Но Паддингтон был уже далеко. К шуму, долетавшему с чердака, прибавился хлопок входной двери, и медвежонок быстро зашагал по улице. На его мордочке было очень решительное выражение. Мало того что ему приснился дурной сон, наяву произошли ещё куда более страшные вещи, и он решил, что самое время звать на помощь.

Повернув за угол раз-другой, Паддингтон наконец-то добрался до своей цели. Это был внушительный старинный дом, стоявший в сторонке.

Почти все окна были забраны решётками, а над крыльцом висела голубая лампочка с надписью: «ПОЛИЦИЯ».

Паддингтон поднялся на крыльцо, вошёл внутрь и остановился. Перед ним оказалось сразу несколько дверей, и он никак не мог решить, какая лучше. Наконец он выбрал ту, что была справа — большую и коричневую. Она казалась самой внушительной, а Паддингтон твёрдо верил, что чем главнее начальник, тем скорее придёт помощь.

Он постучал и принялся ждать, прижав ухо к замочной скважине. Наконец сиплый голос проговорил «войдите», и медвежонок вошёл.

В комнате, у окна, стоял стол, за которым сидел один-единственный полицейский. Он бросил на Паддингтона недовольный взгляд.

— Вам не сюда, — буркнул он. — Вход для правонарушителей с другой стороны.

— Для правонарушителей?! — возмутился Паддингтон, пронзив полицейского суровым взглядом. — Я не правонарушитель! Я медведь!

Полицейский так и подскочил.

— Ох, простите, пожалуйста, — извинился он. — В этих потёмках поди чего разбери. Я было принял вас за Волосатого Вилли.

— За Волосатого Вилли? — повторил Паддингтон, не веря своим ушам.

— Мы его между собой зовём «Портобельский проныра», — доверительно сообщил полицейский. — В последнее время от него спасу нет.

Пользуется тем, что мал ростом, и взлезает в окна, пока хозяев нет дома...

Пристальный, суровый взгляд медвежонка заставил его переменить тему:

— Э-э... чем могу быть полезен?

— Мне срочно нужна лупа, — заявил Паддингтон, ставя на пол чемодан.

— Лупа? — поразился полицейский. — Боюсь, дружище, это только в детективных романах сыщики ходят с лупами. Если хотите, в лаборатории наверняка найдётся микроскоп...

— На дверях написано, что это у вас, — настаивал Паддингтон. — Там табличка висит.

Полицейский наморщил лоб и вдруг сообразил.

— А, ясно! — сказал он. — Не лупа, а ЛУП! Так это же совсем другое дело. ЛУП значит Лондонская уголовная полиция, то есть мы занимаемся всякими преступниками.

— Пусть так, — не сдавался Паддингтон. — Видите ли, к мистеру Брауну на крышу как раз залез преступник, и им срочно надо заняться.

— К мистеру Брауну на крышу залез преступник? — оживился полицейский.

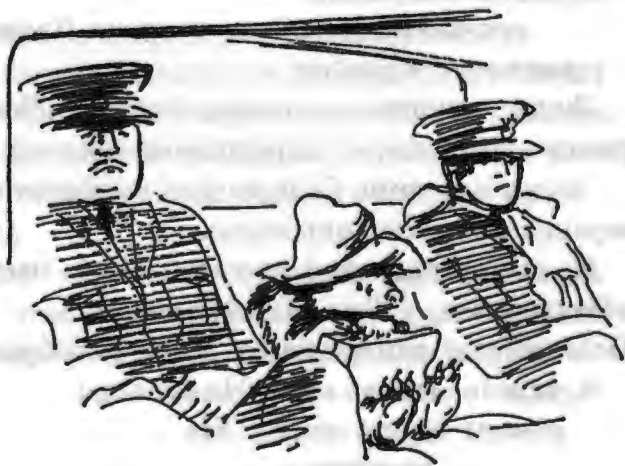
Он взял блокнот и карандаш и тщательно записал рассказ медвежонка.

— Здорово сработано, мишка, — похвалил он, дослушав до конца. — Нам нечасто удаётся взять мошенника с поличным. Сейчас высылаю оперативную группу.

С этими словами он нажал кнопку на столе, и в ту же секунду весь полицейский участок загудел,

как встревоженный улей. Паддингтон едва успел поправить шляпу и подцепить чемодан, как его подхватили, вывели во двор и запихали в огромную чёрную машину.

Машина тронулась и понеслась в сторону Виндзорского Сада. Паддингтон с важным видом сидел на заднем сиденье. Он ещё никогда не ездил в полицейской машине, и это оказалось страшно интересно. Они мчались с бешеной скоростью и даже не остановились на красный свет, потому что постовой специально для них задержал движение.

— Приехали, мишка, — сказал полицейский, когда машина взвизгнула тормозами у дома Браунов. — Показывай дорогу. Только осторожно, если у него нож, надо быть начеку.

Паддингтон поразмыслил и вежливо приподнял шляпу.

— После вас, — сказал он и пропустил полицейского вперёд.

Он справедливо полагал, что на сегодня с него приключений хватит, а кроме того, ему не терпелось проверить, цел ли его запас мармелада.

* * *

— Как?! — вскричал полицейский, глядя сверху вниз на «злодея» в синем комбинезоне. — Вы хотите сказать, что всё это время устанавливали телевизионную антенну?

— Ну да, — подтвердил «злодей». — Если вам нужны доказательства, вот письмо от мистера Брауна. Он-то и дал мне ключ. Сказал, что услал из дому всё семейство, чтобы я мог всё тут спокойно подготовить; он хотел их удивить, поэтому и подстроил так, чтобы они ничего заранее не знали.

Телевизионный мастер перевёл дух и протянул полицейскому визитную карточку.

— Хиггинс меня зовут. Из фирмы «Тип-топ-телли». Если когда зашалит телевизор, звоните.

— «Тип-топ-телли»? — повторил полицейский, негодуя глядя на карточку, а потом обернулся к Паддингтону. — Ты, медведь, кажется, сказал, что у него был нож?

— Это не нож, — поправил мистер Хиггинс. — Это отвёртка.

— Отвёртка! — вскричал Паддингтон, окончательно расстроившись.

— Ну да, — бодро проговорил мистер Хиггинс, доставая инструмент из кармана. — Я её всегда

с собой ношу. Если надо чего подкрутить в старом телевизоре, без неё как без рук. Я вам вот что скажу, — продолжал он, указывая на здоровенную коробку, задвинутую в угол столовой, — у меня почти всё готово. Осталось подсоединить антенну. А потом, если наш косолапый друг не возражает, мы минутку передохнём и выпьем чаю. За чашкой хорошего чая легче договориться.

Мистер Хиггинс лукаво подмигнул медвежонку и добавил:

— А если показывают детектив, попробуем угадать, кто преступник!

Один из полицейских издал какое-то странное шипение, и Паддингтон поспешил убраться на кухню. Ему совсем не понравилось лицо полицейского, которое вдруг стало густо-малиновым.

Впрочем, когда несколько минут спустя он возвратился, сгибаясь пополам под тяжестью подноса, уставленного чашками и блюдечками, да ещё и увенчанного полной тарелкой свежих булочек, даже полицейские заметно повеселели; не прошло и пяти минут, как стены дома задрожали от хохота — каждый вспоминал свою роль в этом забавном приключении. Мистер Хиггинс крутил разные ручки, настраивая телевизор, и заодно объяснял, для чего какая нужна, а между делом потешал публику смешными историями, которые случались с ним на работе. Словом, они так весело провели время, что даже огорчились, когда пришла пора расставаться.

— Я только что продал ещё два телевизора, — шепнул мистер Хиггинс, кивая вслед полицей-

ским. — Так что, если понадобится, зови меня, не стесняйся. Услуга за услугу.

— Большое спасибо, мистер Хиггинс, — от души поблагодарил медвежонок.

Проводив гостей, он запер входную дверь и во всю прыть помчался в столовую. Как здорово, что тайна загадочных шагов на крыше разъяснилась! Теперь ему не терпелось исследовать новый телевизор, пока остальных нет дома. Паддингтон поскорее задёрнул занавески и удобно устроился в кресле.

Он очень любил смотреть телевизор, который стоял в витрине одного из магазинов на улице Портобелло, но управляющий частенько бранил его за то, что во время ковбойских фильмов он дышит на стекло, так что это ни в какое сравнение не шло с тем, чтобы смотреть телевизор дома, в покое и уюте.

Паддингтон посмотрел мультфильмы, крикет*, музыкальную программу, документальный фильм про птиц, и ему уже понемногу стало надоедать. Он съел между делом ещё одну булочку и занялся брошюрой, которую оставил мистер Хиггинс.

Брошюрка называлась «Как правильно пользоваться телевизором». Она почти вся состояла из непонятных рисунков, напоминающих схему

---

* Крикет ни в коем случае не следует путать с крокетом, в который играют шарами и молотками. Для крикета нужны мяч, биты, воротца, большое поле, две команды по одиннадцать человек и хорошее знание довольно сложных правил. Впрочем, в Англии их знает каждый мальчишка, потому что крикет — любимая игра англичан.

метрo, — они показывали, как телевизор устроен внутри. Кроме того, была отдельная глава, где говорилось, как настраивать телевизор и зачем какая ручка. Некоторое время Паддингтон сидел перед зеркалом и крутил вправо и влево ручку «яркость», меняя картинку на разные лады.

Ручек было очень много. Пробуя их по очереди, Паддингтон совсем забылся и был ужасно удивлён, когда часы в столовой пробили шесть.

А когда он, торопясь, поворачивал все ручки на место, случилась непредвиденная неприятность.

Только что по экрану во всю прыть скакал ковбой на белой лошади, преследуя чернобородого злодея, как вдруг в телевизоре что-то щёлкнуло, и на глазах у изумлённого медвежонка картинка начала уменьшаться и превратилась в конце концов в крошечную светящуюся точку.

Несколько минут Паддингтон с тайной надеждой смотрел на экран в театральный бинокль, но точка становилась всё меньше и меньше. Паддингтон зажёл спичку, но и это не помогло: пока он бегал на кухню за коробком, точка пропала окончательно.

Паддингтон понуро стоял перед мёртвым телевизором. Хотя мистер Браун и старался изо всех сил удивить своё семейство, Паддингтон опасался, что теперь, когда они вернутся и обнаружат, что телевизор не работает, удивления будет даже через край.

Паддингтон тяжело вздохнул.

— Ой, мамочки, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Опять я попал в переделку!

— Ничего не понимаю, — недоумевал мистер Браун, выходя из столовой. — Мистер Хиггинс дал мне клятвенное обещание, что к нашему возвращению всё будет готово!

— Не огорчайся, Генри, — утешала его миссис Браун, заглядывая вместе с остальными в открытую дверь. — Мы, честное слово, очень удивились, а телевизор мистер Хиггинс скоро наладит.

— Ну и ну! — протянул Джонатан. — Похоже, ему пришлось немало повозиться. Смотрите, сколько всего на полу!

— Шторы раздвигать не стоит. Поужинаем на кухне, — решила миссис Браун, окинув комнату взглядом. Повсюду валялись какие-то проволочки, железки, а на диване лежали в ряд несколько телевизионных ламп и кинескоп.

Миссис Бёрд озадаченно покрутила головой.

— Мне слышалось, вы сказали, что он не работает, — заметила она.

— Куда там! — махнул рукой мистер Браун.

— Но там на экране что-то движется, — уверяла миссис Бёрд. — Поглядите получше.

Несмотря на полумрак, Брауны уставились в телевизор.

Вопреки всякой логике, миссис Бёрд оказалась права: на экране явно что-то двигалось.

— Похоже, зверь какой-то, — сказала миссис Браун. — Наверное, передача про животных. Их часто показывают.

Джонатан, который стоял ближе всех к экрану, вдруг схватил сестру за руку. Его глаза, привыкнув к темноте, различили хорошо знакомый нос, который изнутри прижимался к стеклу.

— Полундра! — прошептал он. — Это не передача! Это Паддингтон! Наверное, он застрял внутри.

— Что, что там? — заинтересовался мистер Браун, доставая очки. — Эй, кто-нибудь, зажгите свет! Дайте-ка и я погляжу.

Из телевизора долетел приглушённый вопль. Джонатан и Джуди дружно шагнули вперёд, заслонив от мистера Брауна экран.

— Пап, а может, лучше позвонить мистеру Хиггинсу? — предложила Джуди. — Он скорее разберётся, что к чему.

— Давай мы за ним сбегает, — вызвался Джонатан. — Одна нога здесь — другая там!

— Да, пойдём-ка отсюда, Генри, — поддержала миссис Браун. — Лучше уж оставить всё как есть. Мало ли чего можно ждать от этой штуки!

Мистер Браун довольно неохотно позволил увести себя из комнаты. Джонатан и Джуди шли за ним по пятам.

Последней столовую покинула миссис Бёрд. Уже взявшись за дверную ручку, она обвела комнату долгим взглядом и громко проговорила:

— Между прочим, телевизор весь заляпан мармеладом. На месте одного моего знакомого медведя я бы его как следует вытерла к приходу мистера Хиггинса... а то кое-кто может обо всём и догадаться.

Хотя миссис Бёрд частенько ругала Паддингтона за его проделки, она прекрасно помнила, что

слово — серебро, а молчание — золото, особенно когда дело касается такой сложной штуки, как телевизор.

Если мистер Хиггинс и удивился, что ему так быстро представился случай отплатить услугой за услугу, мысли свои он оставил при себе. Только когда миссис Бёрд рассказала ему что-то по секрету, он отвёл медвежонка в сторону и долго объяснял, насколько опасно снимать крышку с телевизора, если не знаешь, как он устроен.

— Вам повезло, мистер Браун, что медвежьи лапы от природы снабжены хорошей изоляцией, — сказал он на прощание, — иначе, боюсь, мы бы тут с вами не разговаривали!

Паддингтон стал извиняться за беспокойство.

— Да что там, пустяки, — беспечно махнул рукой мистер Хиггинс. — Вот, правда, отвёртка немного мармеладом запачкалась, ну да он, думаю, отмоеся.

— Отмоется, всегда отмывается, — тоном знающего подтвердила миссис Бёрд, провожая мастера к дверям.

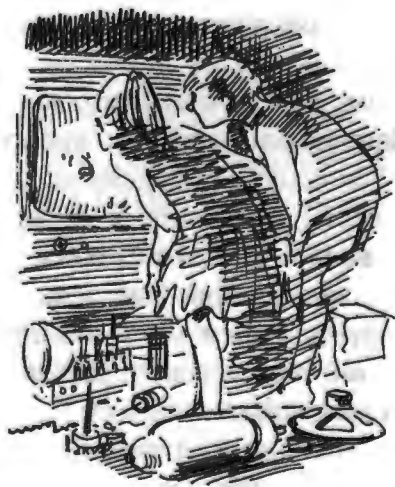
Когда Брауны собрались в столовой на свой первый телевизионный вечер, один из членов семьи старательно выбрал местечко как можно дальше от экрана. Хотя мистер Хиггинс крепко-накрепко привинтил крышку, Паддингтон решил, что лучше не рисковать.

— Между прочим, — вспомнил вдруг мистер Браун, когда миссис Бёрд внесла поднос, чтобы они могли перекусить перед сном, — я так и не понял, что мы тогда видели на экране. Просто загадка!

— Наверное, помеху какую-нибудь, — серьёзным тоном отозвалась миссис Бёрд. — Но я почему-то уверена, что больше таких не будет. А ты, Паддингтон?

При этих словах все взоры обратились к медвежонку, но он предусмотрительно спрятал свою мордочку за большой чашкой какао и только кивнул в ответ. Ему не надо было притворяться, что он устал — если бы не душистый пар, его глаза давно бы уже закрылись. И всё-таки то, как торчали из-за чашки его чёрные уши, говорило, что миссис Бёрд попала в самую точку. По крайней мере одной помехи Брауны ещё долго не увидят в своём телевизоре.

ПАДДИНГТОН- ПОБЕДИТЕЛЬ

— «**Ж**елаем удачи»? — возмущённо вскричал мистер Браун. — Неужели вы собираетесь тратить время на эту чепуху? А по другой программе нет чего-нибудь получше?

Остальные переглянулись.

— Паддингтон спрашивал, нельзя ли посмотреть именно это, — ответила миссис Браун. — Это его любимая передача, а сегодня он особенно настаивал, чтобы мы её не пропустили.

— Ну ладно, а сам-то он где? — пробурчал мистер Браун.

— Выскочил куда-нибудь на минутку, — примирительно сказала миссис Браун. — Сейчас вернётся.

Мистер Браун, ворча, сел на место и с отвращением уставился на экран. Трубный звук фанфар возвестил начало викторины «Желаем удачи»,

и на сцену, весело потирая руки, взобрался Главный Ведущий Ронни Обыграйт.

— Ладно бы он ещё задавал толковые вопросы, — не унимался мистер Браун, — но давать такие призы за такую ерунду просто нелепо!

Шторы в столовой были задёрнуты, и все Брауны, за исключением Паддингтона, который сразу после чая таинственно исчез, сидели тесным полукругом у телевизора.

В последние несколько недель распорядок жизни в доме номер тридцать два по Виндзорскому Саду заметно изменился. Раньше в свободное время Брауны развлекались кто как мог, но с тех пор, как в доме появился телевизор, они проводили почти все вечера в полутёмной столовой, словно приклеившись к экрану.

И всё-таки — хотя никто, кроме мистера Брауна, пока не решался сказать об этом вслух — новое развлечение уже начинало приедаться, и, когда фанфары взвыли во второй раз, никто не выразил должного восторга.

— Надеюсь, с Паддингтоном ничего не случилось, — шепнула миссис Браун. — Он ведь смотрит всё подряд, а уж викторины в особенности... Он их так любит!

— С ним всю неделю творится что-то странное, — подхватила миссис Бёрд. — С тех самых пор, как пришло это письмо. И чуёт моё сердце, одно с другим связано...

— Ну вёл-то он себя просто образцово, — вступилась миссис Браун. — Просто с утра до ночи

читал эти толстые энциклопедии, которые приволок от мистера Крубера... Сегодня за обедом даже забыл попросить добавки.

— Вот именно, — многозначительно кивнула миссис Бёрд. — *Таких* чудес на свете не бывает.

На экране крупным планом маячила физиономия Ронни Обыграйта — он объяснял зрителям в студии и у телевизоров правила игры. Брауны тем временем продолжали обсуждать необычное поведение своего мишутки.

Миссис Бёрд сказала правду: всё началось в то утро, когда Паддингтон получил по почте солидного вида конверт. Никто не обратил на это особого внимания, потому что он часто выписывал себе каталоги и бесплатные образцы, которые рекламировались в газетах.

Однако в тот же день, чуть попозже, он вернулся домой от мистера Крубера и приволок в сумке на колёсиках целую грудку энциклопедий, а на следующее утро взял у мистера Брауна читательский билет, и у его кровати выросла вторая высокая стопка книг.

— А кроме того, он задаёт совершенно невообразимые вопросы, — сказала миссис Браун. — Ума не приложу, откуда они у него берутся.

— Задаёт и ладно, — буркнул мистер Браун, отрываясь от вечерней газеты. — Долго ещё, интересно, его ждать?

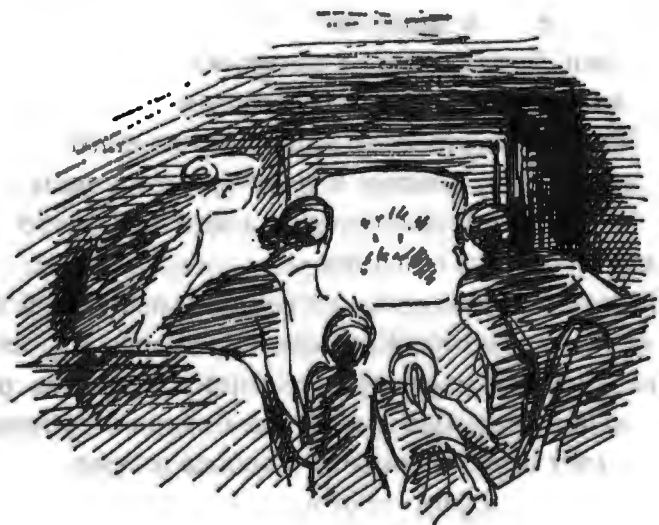
Мистер Браун только что выяснил, что по другой программе вот-вот начнётся очень хороший фильм, а он ужасно любил смотреть фильмы.

Вдруг Джонатан вскочил со стула.

— Вот это да! — завопил он, указывая на экран. — Ясное дело, его здесь нет! Глядите!

— Батюшки! — ахнула миссис Бёрд. — Не может быть!

— И тем не менее это так. — Мистер Браун поправил очки. — Это действительно Паддингтон с мистером Крубером.

Пока они говорили, Ронни Обыграйт закончил объяснять правила игры. Жизнерадостно помахав зрителям рукой, он спрыгнул со сцены в круг яркого света и объявил, что имя первого участника викторины — мистер Браун из Лондона.

Он зашагал по проходу и остановился возле одного из рядов. В кадре тут же появились две

знакомые физиономии. Мистер Крубер был явно очень смущён, а когда заметил себя на одном из мониторов, виновато потупил глаза. Хотя Паддингтон уверял его, что Брауны любят сюрпризы, он побаивался, что этот сюрприз может им не понравиться.

Впрочем, мистер Крубер тут же пропал с экрана, а маленькая мохнатая фигурка повернулась к камере, приподняла потрёпанную шляпу и зашагала следом за Главным Ведущим к сцене.

Увидев, что Паддингтон карабкается на сцену, Брауны онемели от удивления. И не только они. Сам Ронни Обыграйт на миг лишился дара речи, а это случалось с ним крайне редко.

— Э-э... а вы уверены, что вы и есть тот самый мистер Браун? — спросил он нетвёрдым голосом, когда Паддингтон поставил чемодан и приподнял шляпу, приветствуя публику.

— Абсолютно, мистер Обыграйт, — отозвался Паддингтон, с важным видом помахивая листком бумаги. — Вот ваше приглашительное письмо.

— Я... э... я не знал, что в Ноттинг-Хилле* есть медведи, — пробормотал Ронни Обыграйт.

— Я приехал из Перу, — пояснил Паддингтон, — а теперь живу на улице Виндзорский Сад.

— Ну что ж. — Ронни Обыграйт почти пришёл в себя. — Значит, будем смотреть, как играет медведь; и надеюсь, услышим *перу*воклассные ответы.

---

* Ноттинг-Хилл — это район Лондона, в котором живут Брауны.

— Перувоклассные ответы, — повторил он, смеясь несколько дребезжащим смехом собственной шутке.

Впрочем, тут он встретился с медвежонком глазами и сразу умолк. Паддингтону совсем не понравились шутки Ронни Обыграйта, и он смотрел на него очень суровым взглядом.

— Э-э... пожалуйста, подойдите поближе и поприветствуйте своих друзей и близких, — нашёлся бедный Ронни. — Мы всегда предоставляем участникам такую возможность, чтобы они чувствовали себя более раскованно.

Паддингтон нагнулся и достал из чемодана какой-то листок.

— Большое спасибо, мистер Обыграйт, — сказал он и направился к камере.

Брауны зачарованно следили, как его мордочка постепенно заполняет весь экран.

— Привет всем, — произнёс хорошо знакомый голосок. — Миссис Бёрд, я постараюсь вернуться не очень поздно. Мистер Крубер обещал отвезти меня прямо домой и...

Больше Паддингтон ничего не успел сказать, потому что раздался громкий треск и экран опустел.

— Ой! — вскрикнула Джуди. — Неужели телевизор сломался? Ну почему именно сегодня?

— Всё в порядке, — успокоил её Джонатан. — Видишь, они просто включили другую камеру.

И действительно, экран снова ожил. Правда, Паддингтона теперь было видно гораздо хуже. До

поломки его показывали крупным планом, так что можно было различить каждую шерстинку на мордочке, и только в самый последний момент изображение потускнело и расплылось. Теперь же камера была повёрнута к зрителям, а в студии творилось что-то непонятное: один из операторов сидел на полу, весь опутанный шлангами и проводами, и потирал затылок. А Ронни Обыграйт о чём-то горячо спорил с человеком в наушниках.

— Он перешёл черту! — вопил оператор. — Как я, скажите на милость, мог снимать его крупным планом? Я даже не успевал за ним следить!

— *Следить?* — обиделся Паддингтон. — Разве я где-нибудь наследил? Я только сегодня утром принял ванну!

— Не ногами следить, а камерой, — пояснил Ронни Обыграйт, указывая на жёлтую меловую

черту. — Он имел в виду, что ты должен стоять вот здесь, чтобы он мог следить за тобой в объектив. Если ты подойдёшь ближе, тебя нельзя снимать.

— Но вы сами велели мне подойти поближе, — огорчённо напомнил Паддингтон.

— Я сказал «подойти», — сердито ответил Ронни Обыграйт, — а не гулять по всей студии.

Вот уже много лет Ронни Обыграйт был Главным Ведущим, и всё это время передача «Желаем удачи» шла без сучка и задоринки, а уж таким чудовищным скандалом в ней и не пахло. Бедняга с натянуто-несчастливым выражением лица пробирался среди проводов к середине сцены. Паддингтон шёл за ним по пятам, не отрывая глаз от пола, чтобы ненароком снова не переступить жёлтую черту.

— Ну-с, — провозгласил Ронни, когда они добрались до центра и повернулись к камерам, — на вопросы из какой области ты будешь отвечать? — Он кивнул на четыре ящика, стоявшие в ряд на соседнем столе. — У тебя есть выбор: история, география, математика и общая эрудиция.

Паддингтон призадумался.

— Пожалуй, если можно, пусть будет математика, — объявил он под гром аплодисментов.

— Ну и ну! — поразился Джонатан. — Нашёл что выбирать!

— Ну, если вспомнить, как он покупает продукты, — это далеко не худший выбор, — изрекла миссис Бёрд.

На рынке Портобелло всем давно было известно, что надо быть очень ранней пташкой, чтобы перехватить у Паддингтона выгодную покупку.

— Да, этот мишка умеет считать деньги, — поддержала миссис Браун. — По-моему, он выбрал правильно.

— Математика? — переспросил Ронни Обыграйт. — Ну что ж. Тогда вот тебе первый вопрос. — Он сунул руку в один из ящичков, достал листок бумаги и одобрительно кивнул. — Очень симпатичный, простенький вопросик. Как раз подходит для медведя. За правильный ответ — приз пять фунтов.

Барабаны выбили дробь. Ронни Обыграйт поднял руку, требуя полной тишины.

— Разыгрывается приз в пять фунтов! — объявил он. — Вопрос такой: сколько булочек составляют пяток?

— Только не торопись, подумай хорошенько, — предупредил он, подмигивая зрителям. — Может оказаться, что вопрос с подвохом. Итак, сколько булочек составляют пяток?

Паддингтон поразмыслил.

— Две с половиной, — ответил он.

У Ронни Обыграйта отвисла челюсть.

— Две с половиной? — повторил он. — Ты уверен? Не хочешь ещё подумать?

— Две с половиной, — твёрдо повторил Паддингтон.

— Эх ты, мишка-дурашка, — вздохнул Джона-тан. — Надо же ошибиться на самом первом вопросе!

— Что-то здесь не то, — проговорила миссис Бёрд. — Паддингтона на мякине не проведёшь. Наверное, он неспроста так ответил.

— Увы! — сказал Ронни Обыграйт, ударив молотком в большой гонг, который висел у него под рукой. — Очень жаль, но ты выбываешь из игры. Правильный ответ — пять.

— Боюсь, вы не правы, мистер Обыграйт, — возразил Паддингтон. — Правильный ответ — две с половиной. Когда мы едим булочки на «послезавтрак», я всегда отдаю половину мистеру Круберу.

Челюсть Ронни Обыграйта отвисла ещё сильнее, улыбка застыла на губах.

— Ты всегда отдаёшь половину мистеру Круберу? — с трудом выговорил он.

— Дайте ему приз! — раздался голос из зала, когда смолкли аплодисменты.

— Вы сказали, что вопрос с подвохом, вот и получили ответ с подвохом, — подхватил другой голос, покрывая взрывы хохота.

Ронни Обыграйт нервно оправил воротничок и странно скривился, когда человек в наушниках сделал ему знак выдать Паддингтону награду.

— Наверное, ты не станешь играть дальше? — спросил он с тайной надеждой, вручая медвежонку пять новеньких бумажек. — Или попробуешь побороться за приз в пятьдесят фунтов?

— Если можно, мистер Обыграйт, — с энтузиазмом отозвался Паддингтон, поспешно пряча деньги в чемодан.

— Я бы не стал рисковать, — попытался отговорить его Ронни, доставая карточку со следующим вопросом. — Если ты не ответишь, придётся вернуть пять фунтов.

— О господи, — проговорила миссис Браун. — У меня так всё и стынет внутри. Только бы Паддингтон не сглупил и не проиграл свои пять фунтов. Жалобам конца-краю не будет!

— Итак! — возгласил Ронни Обыграйт, снова поднимая руку и требуя тишины. — Разыгрывается приз в пятьдесят фунтов. Вопрос из двух частей. Слушай внимательно: если взять доску восьми футов* длиной, распилить пополам, потом каждую половинку ещё раз пополам, а потом каждый кусок снова пополам, сколько всего получится частей?

— Восемь, — не раздумывая, ответил Паддингтон.

— Браво, медведь, — похвалил Ронни Обыграйт. — А теперь вторая часть вопроса: какой длины будет каждый кусок? — Он указал на секундомер и добавил: — Десять секунд на размышление... Время пошло!

— Восемь футов, — сказал Паддингтон, прежде чем ведущий успел пустить секундомер.

---

* Футы ни в коем случае не следует путать с фунтами: в фунтах измеряют вес (454 грамма) и деньги (тогда они полностью называются фунты стерлингов), а в футах — длину (30,5 сантиметра). На самом деле фут значит «ступня», то есть имеется в виду длина ступни. Правда, придумали эту меру в старину, но здоровые же у них были ноги!

— Восемь футов? — повторил Ронни Обыграйт. — Ты уверен? Может, ещё подумаешь?

— Нет, спасибо, мистер Обыграйт, — твёрдо ответил Паддингтон.

— В таком случае, боюсь, тебе придётся вернуть пять фунтов, — победоносно возвестил Ронни Обыграйт, ударяя в гонг. — Правильный ответ — один фут. Если восьмифутовую доску распилить пополам, получится два куска по четыре фута. А если их ещё раз распилить пополам, получится четыре куска по два фута. А если потом каждый кусок снова распилить пополам, получится восемь кусков, каждый длиной в один фут.

Проговорив всё это, Ронни Обыграйт повернулся к зрителям и расплылся в самодовольной улыбке.

— Тут уж тебе, медведь, нечего возразить, — закончил он.

— Видите ли, мистер Обыграйт, — вежливо проговорил Паддингтон, — для вашей доски это совершенно верно, но только я пилю совсем по-другому.

Улыбка снова застыла на лице у Главного Ведущего.

— Что ты сказал? — переспросил он.

— Я пилю вдоль, а не поперёк, — объяснил Паддингтон. — Вот и получается восемь кусков по восемь футов.

— Но если тебе нужно распилить доску пополам, — растерянно забормотал Ронни Обы-

грайт, — ты же не станешь пилить её по длине! Это просто глупо! Так никто не делает!

— Медведи делают, — возразил Паддингтон, вспомнив свои приключения с плотницкими инструментами. — У медведей поперёк очень плохо получается.

Ронни Обыграйт перевёл дух, вымученно улыбнулся и вручил Паддингтону толстую пачку денег.

— Можешь не беспокоиться, все на месте, — сказал он несколько смущённо, когда Паддингтон уселся прямо на сцене и принялся пересчитывать купюры. — Мы ещё никогда никого не обманывали.

Ронни с тревогой взглянул на часы. Викторина явно затянулась. Обычно он успевал за то же время опросить по меньшей мере пятерых участников.

— У нас остаётся всего пять минут, — сказал он. — Ну как, попытаешься выиграть главный приз — пятьсот фунтов?

— Пятьсот фунтов! — ахнула Джуди.

— На месте Паддингтона я бы не стала рисковать, — сказала миссис Браун. — Хватит и того, что есть.

Брауны невольно придвинулись ближе к телевизору, когда на экране крупным планом появился Паддингтон, погружённый в глубокую задумчивость.

— Пожалуй, я буду играть дальше, — заявил он наконец под гром аплодисментов.

Вообще-то Паддингтон не любил слишком сильно рисковать, особенно когда дело касалось денег, но тут он настолько вошёл в азарт, что не успел ничего толком обдумать.

— Ну что ж, — проговорил Ронни Обыграйт очень торжественным голосом. — Разыгрывается приз в пятьсот фунтов. Последний вопрос сегодняшнего вечера. И учти, он намного труднее предыдущих.

— Ещё бы! — вставила миссис Браун, едва дыша.

— Слушай внимательно, — продолжал Ронни Обыграйт. — Два человека, используя один кран, могут наполнить двухсотлитровую ванну за двадцать минут. Сколько времени потребуется одному человеку, чтобы наполнить ту же ванну, используя два крана? Двадцать секунд на размышление... Время пошло!

Ронни Обыграйт включил секундомер, отошёл в сторонку и стал ждать, когда Паддингтон ответит.

— Нисколько, мистер Обыграйт, — тут же прозвучал ответ Паддингтона.

— Неверно! — воскликнул Ронни Обыграйт, а по залу пронёсся стон. — Боюсь, на сей раз действительно неверно. Ему потребуется ровно в два раза меньше времени.

— Что ж, мишка, мне очень жаль, — добавил он с нескрываемым облегчением и громко ударил молотком в гонг. — Желаю удачи в следующий раз!

— По-моему, вы ошибаетесь, мистер Обыграйт, — вежливо возразил Паддингтон.

— Чепуха, — ответил Ронни Обыграйт, бросив на медвежонка недружелюбный взгляд. — Ответ написан на карточке. И в любом случае он никак не может быть «нисколько». Чтобы наполнить ванну, нужно хоть сколько-то времени!

— Но вы сказали, что это та же самая ванна, — пояснил Паддингтон. — Первые два человека её уже наполнили, а вы ничего не говорили про то, что они потом ещё и вытащили затычку.

Судя по всему, лицо Ронни Обыграйта залилось густо-багровым румянцем, потому что даже на экране телевизора оно стало заметно темнее, а глаза его впились в медвежонка.

— Я ничего не говорил про то, что они вытащили затычку? — медленно повторил он. — Да, разумеется, вытащили!

— Вы этого не говорили! — крикнул кто-то из зрителей, и из зала послышались свистки. — Мишка прав!

— Дайте ему приз! — закричали сразу несколько голосов, вырываясь из общего гула.

Ронни Обыграйт слегка передёрнулся, достал из кармана пиджака шёлковый носовой платок и вытер лоб.

— Поздравляю, медведь, — мрачно произнёс он после долгой паузы. — Ты получаешь титул победителя!

— Что?! — возмущённо вскричал Паддингтон, прозвив Главного Ведущего самым что ни на есть

суровым взглядом. — Титул победителя? А я думал — пятьсот фунтов!

— И пятьсот фунтов тоже, — поспешно добавил Ронни Обыграйт, — одно другому не мешает.

Зал взорвался аплодисментами, а Паддингтон уселся на чемодан, всё ещё не веря своим ушам. Да, он, конечно, знал, что на белом свете существуют такие деньги, как пятьсот фунтов, но ему никогда бы и во сне не приснилось, что в один прекрасный день он их увидит, а тем более — получит!

Ронни Обыграйт снова поднял руку, требуя тишины.

— Прежде чем закончить передачу, я хочу задать тебе ещё один вопрос. Правда, приз за него не полагается. Что ты собираешься делать со всеми этими деньгами?

Зрители затаили дыхание, а Паддингтон довольно долго обдумывал ответ. Ведь он привык считать свои деньги по одному принципу: сколько булочек на них можно купить. После такой арифметики очень трудно привыкнуть к мысли о пятистах фунтах, не говоря уж о том, чтобы решить, что с ними делать; а когда он попытался представить себе гору булочек на все пятьсот фунтов, у него даже потемнело в глазах.

— Наверное, вот что, — сказал он наконец, и оператор тут же показал его крупным планом. — Немножко я оставлю себе на память и на рождественские подарки друзьям. А остальные я хотел бы передать Дому для престарелых медведей в Лиме.

— Дому для престарелых медведей в Лиме? — повторил Ронни Обыграйт, не скрывая удивления.

— Там живёт моя тётя Люси, — пояснил Паддингтон. — Она очень довольна, но, по-моему, им всегда не хватает денег. Мармелад у них бывает только по воскресеньям. Думаю, они очень обрадуются такому подарку.

Слова Паддингтона вызвали бурю аплодисментов, которые стали ещё громче, когда Ронни Обыграйт пообещал от имени телевизионной компании, что по крайней мере в течение ближайшего года в Доме для престарелых медведей в Лиме не будет недостатка в мармеладе.

— В конце концов, — заявил он, — далеко не каждый день победителем телевикторины становится медведь!

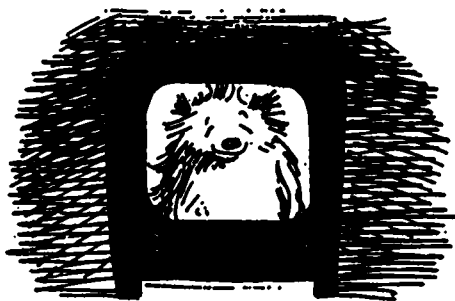
— Уф-ф! — вздохнул мистер Браун и вытер лоб. Программа подошла к концу, по экрануплыли титры, а на заднем плане Паддингтон, стоя посреди сцены, принимал бесконечные поздравления. — Вот уж не думал, когда покупал телевизор, к чему это приведёт!

— Но чтобы Паддингтон отдал свои деньги! — удивлялся Джонатан. — Он всегда так неохотно их тратит!

— Осмотрительность и жадность — совсем разные вещи, — мудро отметила миссис Бёрд. — И говоря по правде, я очень рада. У меня всегда болело сердце за этих медведей, которые видят мармелад только по воскресеньям. Ведь, кроме всего

прочего, — продолжала она, — если бы не тётя Люси, мы бы никогда не познакомились с Паддингтоном. А уж за это знакомство, право слово, никакого мармелада не жалко!

И все дружно закивали в ответ.

ИРИСКИ В МИСКЕ

Миссис Бёрд приостановилась и потянула носом. Они с миссис Браун как раз сворачивали на свою улицу.

— Чувствуете? — спросила миссис Бёрд.

Миссис Браун опустила на землю тяжёлую сумку с покупками и тоже принюхалась. Сомнений не было, пахло чем-то очень странным, не то чтобы неприятно, но очень уж сладко и приторно. Миссис Браун никак не могла разобрать, что это за запах, хотя он и казался смутно знакомым.

— Костёр, наверное, жгут, — предположила она.

Подхватив сумки, они двинулись дальше.

— Между прочим, — хмуро отметила миссис Бёрд, сворачивая на садовую дорожку, — очень уж этот «костёр» близко к дому. Боюсь, дело неладно.

Они зашагали к дверям.

— Я так и знала! — в отчаянии вскричала миссис Бёрд. — Вы только поглядите! Вон туда, на окна кухни!

— Батюшки! — в тон ей ахнула миссис Браун. — Похоже, наш мишка опять что-то натворил!

Глядя на окна, можно было подумать, что, пока они ходили по магазинам, ударил сильный мороз и все стёкла покрылись белыми узорами. И мало того, поверх морозных узоров виднелись неопрятные коричневые подтёки, а из приоткрытой форточки вылетали клубы пара.

Миссис Бёрд уставилась на запотевшие стёкла, а миссис Браун кинулась к чёрному ходу.

— Только бы с Паддингтоном ничего не случилось! — воскликнула она, возвратившись. — Мне никак не войти. Дверь заклинило.

— М-да... — мрачно протянула миссис Бёрд. — Если уж снаружи у окон такой вид, представляю, что там творится внутри!

Обычно стёкла у Браунов сияли чистотой — ни пылинки, ни пятнышка, но сейчас не было даже просвета, сквозь который можно было бы разглядеть, что происходит в доме.

Видела бы миссис Бёрд, что именно там происходит, она сразу бы поняла, что вглядываться бесполезно. Паддингтон, который видел, сам готов был признать, что такого разгрома на его памяти ещё не было.

Когда он ошупью добрался до плиты, на которой в больших мисках шипело и булькало какое-то варево, он подумал, что лучше бы ему вообще

не видеть то небольшое, что ещё можно было разглядеть.

Он вскарабкался на стул, поднял крышку с одной из мисок и с надеждой заглянул внутрь. Потом потыкал туда столовой ложкой. Ему с трудом удалось впихнуть ложку в густую массу, а уж о том, чтобы помешать, не могло быть и речи. Усы медвежонка намокли в пару и обвисли, пока он безрезультатно дёргал ложку взад-вперёд. Наконец он решил вытащить её вовсе, чтобы попробовать варёво на вкус. И тут-то на его мордочке появилось совсем озабоченное выражение, потому что, сколько он ни тянул, ложка и не думала вылезать.

Чем дальше он дёргал, тем сильнее ложка нагревалась, и секунды через три стало ясно, что ничего путного из этого не выйдет. Паддингтон отдёргнул лапу от горячего черенка и спрыгнул на пол, чтобы свериться с инструкцией в толстом журнале.

Да, дело с ирисками явно не ладилось, хотя, если верить журналу, всё было проще пареной репы. Паддингтон никогда раньше не пробовал сам делать конфеты, и неудача его ужасно огорчила.

А началось всё с того, что утром (как раз выдалась скучная минутка) он нашёл у миссис Браун этот самый журнал. Вообще-то ему не очень нравились её журналы, потому что писали там в основном про всякие платья да причёски, но в этом журнале рассказывалось про то, как готовить разные вкусные вещи.

На обложке красовался румяный, аппетитный цыплёнок под белым соусом, окружённый горками ярко-зелёного горошка и поджаристого картофеля. Рядом с цыплёнком высился потрясающий торт — целая башня из мороженого и фруктов, а за ним стояла деревянная доска, на которой лежали всякие-всякие сыры. Их было так много, что Паддингтон даже сбился со счёта. Он лежал поперёк своей кровати и глотал слюнки.

Когда же он открыл журнал, перед ним замелькали страницы одна интересней другой — на одних только цветные фотографии можно было глядеть часами.

Но самый замечательный раздел оказался спрятан в самый конец. Он назывался «Десять несложных способов изготовления ирисок». Вела его старушка по имени Бабушка-Хозяюшка, которая жила в деревне и, похоже, только тем и занималась, что стряпала всякие вкусности.

На фотографиях подле Бабушки-Хозяюшки появлялись всё новые и новые сласти: то самодельные леденцы, то кокосовые карамельки, то ещё какое-нибудь необыкновенное лакомство.

Паддингтон прочитал рецепт несколько раз и с большим вниманием. Ему, правда, приходилось уже готовить обеды, но он и не подозревал, что можно самому делать ириски. Эта идея привела его в полный восторг. Все конфеты Бабушки-Хозяюшки выглядели очень соблазнительно, но замечательнее всех казались домашние молочные ириски. Судя по фотографии, даже сама

Бабушка-Хозяюшка не утерпела и, выходя из столовой на кухню, украдкой сунула одну из них в рот.

Словом, ириски были просто объедение, а кроме того, для их приготовления не требовалось ничего особенного: только сгущённое молоко, сахар, масло, мёд да ещё какая-то штуковина, которая называлась ванильной эссенцией. Всё это нашлось в шкафу у миссис Бёрд...

Теперь Паддингтон попытался понять, в чём же он ошибся, поэтому ещё раз перечитал рецепт и посмотрел на фотографии. Это ему не очень помогло. Кастрюльки и мисочки Бабушки-Хозяюшки сияли, как новенькие, по ним не текли липкие струйки, а все ложки-поварёшки висели ровным строем над кухонным столом. Нигде не говорилось, что им полагается застревать в недоваренных конфетах.

И потом, ириски Бабушки-Хозяюшки были золотисто-кофейного цвета и лежали на тарелочке, нарезанные аккуратными квадратиками.

Сколько Паддингтон мог разобрать в клубах пара, его ириски были скорее цвета засохшего сапожного клея, и он слабо

себе представлял, как вытащить их из мисок, не говоря уж о том, чтобы нарезать на куски.

Паддингтон уже не раз пожалел, что не выбрал какой-нибудь другой из десяти рецептов. Тяжко вздохнув, он добрёл до окна, прочистил отверстие в запотевшем стекле... и тут же отскочил как ошпаренный: с другой стороны на него смотрело знакомое лицо миссис Бёрд.

Она что-то говорила, и, хотя слов Паддингтон разобрать не мог, вид этих слов ему совсем не понравился. Правда, много миссис Бёрд сказать не успела, потому что стекло запотело снова, а Паддингтон тоскливо уселся на пол и стал ждать, что же будет дальше.

Ждать долго не пришлось — почти сразу же в прихожей раздались шаги.

— Господи, что тут происходит? — воскликнула, врываясь в кухню, миссис Бёрд.

— Я просто делаю ириски, — грустно объяснил Паддингтон.

— Ириски! — вскричала миссис Браун, распахивая окно. — Да тут дышать нечем!

— Ничего себе ириски, — проворчала миссис Бёрд, пытаясь вытянуть ложку из горячего мяса, — ими только полки к стенам приклеивать.

— Они, кажется, получились чуть-чуть густоваты, — согласился Паддингтон. — Я, наверное, случайно перепутал Бабушек-Хозяюшек.

— А всю посуду ты тоже случайно перепачкал? — поинтересовалась миссис Бёрд. — Надо же, а я только сегодня всё тут надраила!

Паддингтон привстал и огляделся. Пар рассеялся, и взору открылся Разгром — всем разгромам разгром. На полу блестели лужицы мёда, от стола к плите пролегла белая сахарная дорожка, под сушилкой перекачивались банки из-под сгущённого молока.

— Прямо не знаешь, за что хвататься, — вздохнула миссис Браун, осторожно переступая через медовую лужу. — В жизни не видела такого беспорядка!

— Ну, если мы весь день будем стоять и любоваться, чище тут не станет, — рассудила миссис Бёрд, решительно смахивая в раковину всё, что попадалось под руку. — А одному моему знакомому медведю я посоветовала бы встать на четыре лапы, взять мокрую тряпку и вытереть пол, пока мы все к нему не прилипли!

Миссис Бёрд вдруг осеклась. Во время её речи на мордочке у Паддингтона появилось очень странное выражение, которое ей совсем не понравилось.

— Что с тобой? — спросила она.

— Не знаю, миссис Бёрд, — отозвался Паддингтон. Он сделал ещё

одну попытку встать и тут же скрючился на полу, держась обеими лапами за живот. — Мне немножко больно.

— Надеюсь, ты не ел эту гадость? — вскричала миссис Бёрд, указывая на миску.

— Нет, только попробовал раза два, — ответил Паддингтон.

— Батюшки! — Миссис Бёрд пришла в ужас. — Неудивительно, что у тебя болит живот. Там небось всё слиплось!

— Попробуй встать, — встревоженно попросила миссис Браун.

— Кажется, никак, — пропыхтел Паддингтон, заваливаясь на спину. — Теперь ещё больше.

— Ах, бедняжка! — воскликнула миссис Бёрд, которая напрочь забыла про все кухонные беспорядки. — Надо срочно звонить доктору Мак-Эндрю.

Она помчалась в прихожую, но очень скоро вернулась.

— Доктор уехал на вызов, — сообщила она. — Вернётся не скоро, и связаться с ним не удалось.

— Связать его не удалось! — в полном отчаянии вскричал Паддингтон.

— Так сказал его ассистент, — пояснила миссис Браун. — Не огорчайся. Может быть, дать Паддингтону большую дозу касторки? — продолжала она, обернувшись к миссис Бёрд.

— Боюсь, тут касторкой не отделаешься, — мрачно предрекла миссис Бёрд, глядя, как при упоминании о касторке Паддингтон вскочил, сде-

лав вид, что ему уже гораздо лучше, но тут же с жалобным стоном сел обратно. — Я вызвала «неотложку».

— «Неотложку»! — бледнея, воскликнула миссис Браун. — О господи!

— Если с нашим мишкой что-то случится, мы никогда этого себе не простим, — мудро рассудила миссис Бёрд.

С этими словами она осторожно подняла Паддингтона с пола, отнесла в гостиную и положила на диван, где он и остался лежать, задрав лапы к потолку.

Уложив Паддингтона, миссис Бёрд побежала наверх и вернулась с маленьким чемоданчиком.

— Тут его мыло, полотенце и зубная щётка, — пояснила она. — И ещё банка самого лучшего мармелада, так, на всякий случай.

Последние слова миссис Бёрд произнесла довольно громко, чтобы подбодрить медвежонка, но при слове «мармелад» с дивана донёлся лишь жалобный стон.

Миссис Браун и миссис Бёрд переглянулись. Дела, должно быть, и впрямь очень плохи, если Паддингтону не хочется даже мармелада.

— Пойду позвоню Генри на работу, — миссис Браун побежала в прихожую. — Скажу, пусть немедленно едет домой.

По счастью, ожидание длилось недолго, потому что, едва она повесила трубку, с улицы донеслось завывание сирены, визг тормозов, а потом стук в дверь.

— Вот так так! — изумился санитар, увидев на диване Паддингтона. — А это что такое? Нам сказали, вызов к пациенту с острой болью. Никто не говорил, что пациент — медведь.

— У медведей тоже бывает острая боль, — твёрдо заявила миссис Бёрд. — Так что давайте сюда носилки, и, пожалуйста, побыстрее.

Санитар почесал в затылке.

— Даже не знаю, что скажут в больнице, — проговорил он нерешительно. — У нас есть отделение для тяжелобольных, есть отделение для выздоравливающих, но отделения для медведей нет.

— Нет, так будет, — оборвала его миссис Бёрд. — И если через пять минут этот мишка там не окажется, вам придётся объяснить мне почему.

Санитар нервно посмотрел на миссис Бёрд, а потом на Паддингтона, который издал ещё один громкий стон.

— Кажись, медведю и впрямь худо, — заметил он.

— С поднятыми лапами он чувствует себя нормально, — пояснила миссис Браун. — Но стоит их опустить, у него схватывает живот.

Взгляды миссис Бёрд и стоны Паддингтона, похоже, доконали санитар, и он перешёл к делу.

— Берт! — крикнул он в открытую дверь. — Тащи носилки! Да поживее! Тут, похоже, дело нешуточное, пациент-медведь с острой болью!

По дороге в больницу никто не проронил ни слова. Миссис Бёрд, миссис Браун и санитар сидели рядом с Паддингтоном. Его лапы задирались

всё выше и выше, и у ворот больницы торчали вверх почти под прямым углом.

Даже санитару стало не по себе.

— В жизни ничего подобного не видел, — буркнул он.

Наконец машина остановилась.

— Прикрою-ка я его одеялом, — предложил санитар, обращаясь к миссис Бёрд. — Никто и не увидит, что он медведь. А иначе мы невесть сколько тут проторчим, объясняя что к чему и заполняя бумажки.

Миссис Браун и миссис Бёрд устремились было следом за носилками, но санитар, похоже, не бросал слов на ветер: через секунду Паддингтона уже везли по длинному белому коридору. Он едва

успел высунуть из-под одеяла лапу и махнуть на прощание, как за ним захлопнулась дверь и всё стихло.

— Боже мой, — вздохнула миссис Браун, опускаясь на деревянную скамейку. — Кажется, мы сделали всё, что могли.

— Теперь остаётся только сидеть и ждать, — хмуро добавила миссис Бёрд, пристраиваясь рядом. — Ждать и надеяться...

* * *

Брауны и мистер Крубер сидели, сбившись в кучку, в дальнем конце коридора и провожали несчастными глазами каждую медсестру. Мистер Браун приехал почти следом за «неотложкой» и привёз Джонатана с Джуди, а спустя несколько минут появился и мистер Крубер с букетом цветов и огромной кистью винограда.

— Это от торговцев с рынка, — пояснил он. — Все передают привет и надеются, что наш мишка скоро поправится.

— По-моему, дело сдвинулось, — заметил мистер Браун, когда в дальнюю дверь вошли сразу несколько медсестёр. — Теперь скоро всё станет ясно.

В этот момент в коридоре показался высокий, важный доктор, одетый с ног до головы во всё зелёное. Он кивнул на ходу и скрылся за той же дверью.

— Это, между прочим, сам сэр Мортимер Кэрровэй, — авторитетно пояснила Джуди. — Санитар сказал мне, что он самый лучший хирург.

— Вот это да! — радостно воскликнул Джона-тан. — Паддингтону крупно повезло!

— Всё идёт как надо, — решительно заявила миссис Бёрд. — Ещё нам не хватало второсортных хирургов! Много они понимают!

— Я чувствую себя такой беспомощной, — проговорила миссис Браун.

Остальные испытывали то же самое. Они тесно прижались друг к другу и приготовились к долгому ожиданию. Каждый был занят своими мыслями и втайне опасался, что даже такой знаменитый хирург, как сэр Мортимер Кэрровэй, не сможет спасти положение.

— Ого! — воскликнул мистер Браун, когда всего через несколько минут дверь в конце коридора открылась и показалась длинная фигура сэра Мортимера. — Как быстро всё кончилось!

Миссис Браун схватила мужа за руку.

— Но... ведь ты не думаешь, что случилось что-то дурное, Генри? — пролепетала она.

— Сейчас узнаем.

Сэр Мортимер заметил их и зашагал навстречу. В руке он держал клочок шерсти.

— Вы... э-э... ближайшие родственники этого юного медведя? — осведомился он.

— Он живёт у нас, — пояснила миссис Браун.

— Как его дела? — не вытерпела Джуди, с тревогой косясь на клочок меха.

— Гм... не так уж плохо, — проговорил сэр Мортимер очень серьёзно, однако глаза его как-то подозрительно заблестели. — Рад сообщить, что жизнь его вне опасности.

— Батюшки! — Миссис Бёрд оглянулась на шум в дальнем конце коридора. — Да это же Паддингтон! Неужели он уже на ногах?

— Мы имели дело с крайне тяжёлым случаем острого ирисочного слипания, — пояснил сэр Мортимер. — Очень редко встречается. И потом, прямо на животе. Самое опасное место.

— Ирисочное слипание? — повторил мистер Браун.

— Я, мистер Браун, видимо, пролил несколько капель на живот, когда пробовал, что у меня получилось, — объяснил Паддингтон, подходя.

— Пока он сидел, ириски застыли, — добавил сэр Мортимер. — Ясное дело, ему было не разогнуться.

Знаменитый хирург усмехался, обводя взглядом растерянные лица.

— Боюсь, недельку ему придётся походить с проплешиной, но, если соблюдать строгую мармеладную диету, она скоро зарастёт. К Рождеству всё будет в порядке. Если позволишь, мишутка, — добавил он, уходя, — я сохраню этот клочок шерсти на память. Каких только больных я не перевидал, а вот медведя с острой болью вижу впервые.

— Слава богу, у сэра Мортимера хорошее чувство юмора, — заметила миссис Браун по дороге домой. — Представляю, что сказал бы другой на его месте!

— А здорово, что он оставил мех себе на память, — заметила Джуди. — Небось вставит в рамочку и повесит на стенку!

Паддингтон оскорблённо косился из-за виноградной кисти. Его возмущало, что теперь, когда операция прошла благополучно, все относятся к ней так пренебрежительно. Ему-то было не до шуток — он всё время ощущал, как воздух холодит живот, с которого сэр Мортимер состриг мех.

— Наверное, он просто любит медведей, — предположил мистер Крубер, когда машина сворачивала к дому. — Да и вообще, смех смехом, мистер Браун, — продолжал он, обращаясь к Паддингтону, — а ведь всё могло оказаться куда серьёзнее, и как приятно знать, что есть на свете люди, которые всегда помогут в беде.

Паддингтон, хотя и был не в духе, не мог не кивнуть в знак того, что полностью с этим согласен.

МЕДВЕЖЬЯ УСЛУГА*

Паддингтон стоял на крыльце дома номер тридцать два и вдыхал утренний воздух. Нос медвежонка едва высывался в узкую щель между капюшоном пальто и ярким шарфом, туго завязанным вокруг шеи, а на мордочке под внешне запно побелевшими усами застыло выражение удивления и восторга.

За ночь погода резко переменилась. Вчера ещё день был по-весеннему мягкий, не скажешь, что начало января, а сегодня всё, как белым одеялом, покрыто густым слоем снега, доходившего до самого края Паддингтоновых резиновых сапог. Ничто не тревожило тишину зимнего утра. Лишь из кухни доносилось звяканье ложек и тарелок — миссис Браун с миссис Бёрд мыли посуду после

---

* Перевод Катерины Сиверцевой.

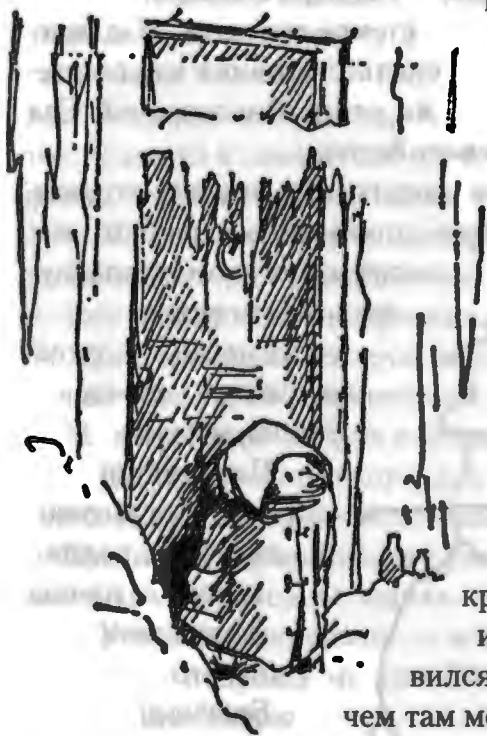
завтрака. Паддингтон словно остался один в целом мире, разве что цепочка следов напоминала о раннем визите почтальона, а на ступеньке торчали из-под снега горлышки молочных бутылок*.

Снег Паддингтону нравился, но сейчас, глядя вокруг, он готов был согласиться с миссис Бёрд, которая всегда говорила, что хорошего должно быть понемножку. С тех пор как медвежонок посе-

лился у Браунёв, «морозцем прихватывало» (как это

называла миссис Бёрд) несколько раз, но ни разу не был снег таким белым, глубоким и мягким.

Не такой медведь был Паддингтон, чтобы упускать удачный случай, поэтому он прикрыл за собой дверь и поспешно отправился в сад посмотреть, чем там можно заняться.

---

* Вот вам и ещё одна нерушимая традиция: каждое утро к каждому английскому дому подъезжает молочный фургон, забирает пустые бутылки и заменяет их полными.

Ему не терпелось поиграть в снежки, а заодно испытать новые резиновые сапоги, рождественский подарок миссис Браун, которые с тех самых пор стояли у него в спальне, дожидаясь как раз такого денёчка.

Добравшись до капустной грядки, Паддингтон принялся сгребать снег лапами и лепить кругленькие твёрдые снежки. Поначалу он целил в шести, между которыми обычно натягивали бельевые верёвки, но, когда пара снежков покрупнее чуть не угодила в стёкла теплицы, Паддингтон сообразил, что лепить снеговика куда интереснее, и постепенно на улице Виндзорский Сад снова воцарилось спокойствие.

Паддингтон уже заканчивал отделку головы, используя для этого лимонадные пробки, как вдруг со стуком распахнулось чьё-то окно.

— Медведь, — громко сказал кто-то. — Это ты, медведь?

Паддингтон подпрыгнул от неожиданности, поднял голову и из-под капюшона увидел, что это сосед Браунов, мистер Карри, высунулся из окна своей спальни. На нём

был халат, надетый поверх пижамы, а лицо скрывал внушительных размеров носовой платок.

— Я уже перестал кидать снежки, мистер Карри, — поспешно объяснил Паддингтон. — Я теперь снеговика делаю.

Мистер Карри отнял от лица платок, и, к удивлению Паддингтона, вид у него оказался непривычно дружелюбный.

— Да уж ладно, медведь, ничего не имею против, — спокойно сказал он. — А вот скажи-ка, хочешь оказать мне услугу и заработать шесть пенсов себе на булочку? У бедя совершенно заложен дос, — продолжал мистер Карри, когда Паддингтон подошёл к самому забору и даже взобрался на ящик, чтобы лучше слышать.

— У вас заложен дос, мистер Карри? — в недоумении повторил Паддингтон.

Ему никогда ещё не приходилось слышать, чтобы люди закладывали свой дос, и теперь он смотрел вверх с явным интересом.

Мистер Карри набрал воздуха.

— Не дос. — Он сглотнул и сделал усилие. — Днос. И вдобавок у меня всё замёрзло.

Тревога Паддингтона всё росла, а тут он и во все чуть не свалился с ящика.

— У вас всё замёрзло! — воскликнул он. — Я сейчас же попрошу миссис Бёрд послать за доктором Мак-Эндрю.

Мистер Карри фыркнул.

— Медведь, мне не нужен доктор, — сердито сказал он. — Мне нужен водопроводчик. Это не

у меня всё замёрзло. Всё замёрзло в водопроводе. Не хватит воды даже грелку налить.

И возле Паддингтона плюхнулось что-то маленькое, но тяжёлое, завёрнутое в бумагу. Слегка разочарованный, медвежонок поднял свёрток.

— Это ключ от парадной двери, — объяснил мистер Карри. — Ты отнесёшь его мистеру Джеймсу, слесарю. Скажи ему, чтобы немедленно шёл сюда. Я буду в постели — пусть войдёт сам. И скажи, чтоб не слишком шумел, — может быть, я засну. И не вздумай по пути заходить в кондитерскую, а то не получишь свои шесть пенсов.

Сказав это, мистер Карри трубно высморкался и захлопнул окно.

Среди соседей мистер Карри славился скупостью. Он имел привычку посылать людей с поручениями, обещая заплатить, но, когда приходило время расчёта, он как сквозь землю проваливался. У Паддингтона возникло скверное предчувствие, что так будет и на этот раз, он постоял ещё минутку под окном и наконец неохотно затрусил к дому мистера Джеймса.

— Карри? — повторил мистер Джеймс. Он стоял на пороге и сверху вниз глядел на Паддингтона. — Карри, говорите?

— Да, мистер Джеймс, — сказал Паддингтон, вежливо приподнимая капюшон. — У него всё замёрзло, ему даже грелку не налить.

— Плохо дело, — сказал слесарь, без особого, впрочем, сочувствия. — Мне сегодня не до этого, как его, мистера Карри, у самого в доме такая же

точно история. К тому же знаю я его и его «одолжения». Он мне ещё за прошлый раз не заплатил, а тому уж полгода. Так ему и передайте — пока своими глазами не увижу денег, ничего делать не стану. Да и тогда ещё десять раз подумаю.

Выслушав мистера Джеймса, Паддингтон совсем приуныл. Сколько он помнил, деньги у мистера Карри обычно были мятые и замусоленные, как будто их долго хранили под замком. Если мистер Джеймс их увидит, ему уж точно не захочется работать за такие деньги.

Слесарь заметил выражение мордочки Паддингтона и немного смягчился.

— Вот что я вам скажу. Пойдите тут минутку. Раз уж вы сюда пришли, да ещё по снегу, я погляжу, чем смогу помочь.

Мистер Джеймс исчез и через минуту вернулся с большим пакетом из плотной бумаги.

— Я одолжу мистеру Карри мою паяльную лампу, — пояснил он. — А ещё там руководство по водопроводному делу. Если застрянет, пускай почитает инструкцию.

— Паяльную лампу! — воскликнул Паддингтон, широко раскрыв глаза. — Боюсь, это не то, что ему нужно.

— Хотите — берите, не хотите — как хотите, — сказал мистер Джеймс. — Мне-то всё равно. Но мой вам совет, медведь, берите. Погода-то лучше не становится, только хуже.

На этом мистер Джеймс попрощался и решительно захлопнул дверь, оставив Паддингтона

на крыльце с озабоченным выражением на мордочке и пакетом в лапах. Мистер Карри и здоровый не отличался покладистым характером, а теперь, когда он так простудился, разбудить его только затем, чтобы вручить паяльную лампу и руководство, — об этом страшно было и подумать.

От таких мыслей мордочка у Паддингтона совсем вытянулась, но, когда он отправился в обратный путь, нос его так присыпало снегом, что встречные ничего не заметили.

* * *

Миссис Браун была занята по хозяйству, когда за кухонным окном торопливо прошагала знакомая фигурка. Миссис Браун вздохнула:

— Боюсь, теперь по всему дому будут отпечатки лап.

— Если такая погода удержится, придётся этому медведю не только вытирать лапы, но и бросить кой-какие привычки и ухватки, — добавила миссис Бёрд, оказавшаяся рядом.

Миссис Бёрд была неумолима, когда дело касалось грязи на полу, особенно если «медведь снегу натаскал на лапах». Когда Паддингтон скрылся в гараже мистера Брауна, на лице её появилось неодобрение.

— Должно быть, кто-то из соседей попросил его помочь, — предположила миссис Браун, когда Паддингтон появился снова, пряча под пальто какие-то инструменты. — Вроде бы у мистера Карри не в порядке водопровод.

— Будем надеяться, что всё остальное у него в порядке, — проворчала миссис Бёрд. — Не нравится мне эта беготня туда-сюда с утра пораньше.

Всякий раз как Паддингтон брался кому-то помочь, она не знала ни минуты покоя, а сегодня медвежонок уже раз пять прошёл мимо кухонного окна, причём пальтишко его подозрительно оттопыривалось, и, кажется, из-под него торчали концы водопроводных труб. Сразу вслед за её словами из ванной мистера Карри раздался стук молотка. Эхо отдавалось по всему дому. Сперва один удар, потом ещё, затем целая серия ударов, переходящая в непрерывный грохот, который всё нарастал, потом оглушительный треск — и в тишине шипение паяльной лампы.

— С ума сойти! — сказала миссис Браун. — Если даже здесь так слышно, каково же должно быть в доме!

— Тут важно не что сейчас слышно, — мрачно ответила миссис Бёрд, — а что потом будет видно.

С этими словами она отошла от окна и принялась хлопотать у плиты. Она всегда считала, что каждый должен заниматься своим делом, и, что там ни вытворяй водопроводчик мистера Карри, уж её-то это никак не касается. Возможно, она посмотрела бы на это иначе, задержись она у окна чуть подольше. Потому что как раз в эту минуту окошко ванной комнаты в доме мистера Карри распахнулось и показалась знакомая шляпа и столь же знакомый нос. Паддингтон высунулся из окна и задумчиво посмотрел вниз. Судя по всему,

он пришёл к тому же выводу, что и миссис Бёрд, — каждый должен заниматься своим делом.

По натуре Паддингтон был оптимистом, но теперь, оглядев с подоконника ванную комнату мистера Карри, он не мог не признать, что опять влип в историю. Не считая паяльной лампы мистера Джеймса, на полу валялись вперемешку инструменты из гаража мистера Брауна, обрезки труб разной длины, кусочки застывшей канифоли, несколько кастрюль и даже садовый шланг, который Паддингтон приволок на всякий случай.

Но не столько беспорядок угнетал Паддингтона, сколько вода. Она была теперь повсюду, и, учитывая, что в водопроводе «всё замёрзло», неясно было, откуда её столько взялось. На полу стояли лужи, сухо было только в углу под раковиной. Там протекала труба, и Паддингтон сразу же подставил под неё собственный сапог в надежде набрать воды для грелки мистера Карри.

Нужно было как можно скорее налить грелку, пока мистер Карри не вздумал сам подняться с постели. Он и так уже несколько раз принимался возиться у себя в спальне и дважды громко поинтересовался, что происходит в доме. Паддингтон оба раза пробурчал что-то, как водопроводчик, занятый делом, но, судя по всему, усыпить подозрения мистера Карри ему не удалось.

Паддингтон попытался было согнать всю воду на полу в одно место, но вода по большей части попадала к нему на мех, и скоро он вымок по уши.

Тогда медвежонок отжал воду с лап в собственный резиновый сапог, тяжело вздохнул и опять обратился к руководству, данному мистером Джеймсом. Книга называлась «Спутник водопроводчика», написал её некий Берт Стилсон. Паддингтон быстро убедился, что для тех, кто решил провести у себя водопровод, руководство просто цены не имело, но вот тем, у кого водопровод уже имеется, но замёрз, толку от него было маловато.

Похоже, мистеру Стилсону необычайно везло с погодой: почти на всех фотографиях, изображающих его за работой, за окнами светило солнце. Замёрзшим трубам посвящалась всего одна глава, на фотографии мистер Стилсон заботливо укутывал трубы полотенцами, предварительно смочив их горячей водой. Горячей воды у Паддингтона не было, поэтому он схватил единственное полотенце мистера Карри и поднёс его к паяльной лампе, чтоб хоть немного нагреть. Но когда на полотенце стали проступать бурые пятна и запахло палёным, от этой идеи пришлось отказаться.

На другой фотографии мистер Стилсон с сосредоточенным видом водил пламенем паяльной лампы вдоль трубы, прогревая её. Этот способ показался Паддингтону более подходящим. Правда, как только лёд в трубе начал таять, возле шва открылась течь. Паддингтон заткнул её лапой и кинулся дочитывать главу. Но по части текущих труб помощи от мистера Стилсона было не больше, чем по части замёрзших. Если в свинцовой трубе течь, говорил он, надо просто стукнуть по

ней молотком, и щель сомкнётся. Но стоило Паддингтону стукнуть молотком в одном месте, как труба тотчас же расходилась в другом, и в конце концов вся она оказалась в дырках, а Паддингтон совсем сбился с лап.

Какое-то время в тишине ванной комнаты слышалось лишь шипение паяльной лампы и мерное «кап-кап-кап». Паддингтон сидел, глубоко задумавшись, и листал руководство. Он перевернул последнюю страницу, и вдруг его мордочка озарилась надеждой. В конце последней главы мистер Стилсон поместил схему под названием «Откуда ждать неприятностей». Паддингтон торопливо разложил её на табуретке и погрузился в изучение.

Мистер Стилсон утверждал, что, имея дело с водопроводом, неприятностей можно ждать отовсюду, но если есть место, доставляющее больше не-

приятностей, чем весь

водопровод, вместе

взятый, то это изги-

бы труб, которые

он называл «коле-

на». Под схемой

он разъяснял, что

в коленях, имею-

щих форму буквы

П, всегда скапли-

вается вода, и по-

этому, стоит на-

ступить холодам,

они замерзают первыми.

Паддингтон оглядел ванную мистера Карри и поразился, сколько там было всевозможных колен в форме буквы П. В сущности, куда ни глянь, везде торчало какое-нибудь колено. Держа в одной лапе книгу мистера Стилсона, а в другую взяв паяльную лампу, Паддингтон влез под раковину, где труба, ведущая к холодному крану, как раз образовывала здоровое колено в форме буквы П.

Он поводил лампой вдоль трубы, стараясь держаться подальше от пламени, чтобы не подпалить усы, и обрадовался, услышав внутри тихое потрескивание. Треск перешёл в звонкие щелчки, подмоченная репутация мистера Стилсона мгновенно высохла, и тут в раковине над головой Паддингтона забулькало и полилась вода.

Паддингтон поднялся с пола и на всякий случай ещё раз провёл лампой вдоль трубы. А потом застыл на месте, как застыла недавно вода в трубах мистера Карри. Всё произошло буквально в мгновение ока: только что он стоял возле раковины с лампой в лапе — и тут что-то зашипело, хлопнуло и прямо на глазах у Паддингтона колено в форме буквы П исчезло. Он едва успел заметить лужицу расплавленного свинца на полу, как струя холодной воды чуть не сшибла его с лап.

Паддингтон проявил большое присутствие духа. Он живо спихнул горячие клочья трубы в ванну и под свистящее бульканье воды снова схватился за мистера Стилсона. Должно же где-то быть сказано, что делать в случае аварии!

Секунду спустя он уже скатился по лестнице, выскочил из дома и в спешке захлопнул дверь. Одновременно с хлопком двери распахнулось окно и где-то над головой раздался голос мистера Карри.

— Медведь! — вопил он. — В чём дело, медведь?

Паддингтон в панике оглядывал заснеженный сад.

— Мне нужна скорей затычка! — крикнул он.

— Что?! — вскричал мистер Карри, приставив к уху ладонь, чтобы убедиться, что не ослышался. — Ты посмел назвать меня «старая затычка»? Да я на тебя миссис Бёрд пожалуюсь!

— Я не про вас сказал «затычка», — оправдывался Паддингтон. — Мне нужна пробка, чтоб заткнуть...

— Заткнуть! — вскипел мистер Карри. — Ну нет, заткнуть меня не выйдет. Что тут происходит? Где мистер Джеймс?

— У вас текут колена, мистер Карри! — прокричал в отчаянии Паддингтон.

— Как полено?! — задохнулся от ярости мистер Карри. — Ты сказал, что я туп, как полено?!!

Он набрал было воздуха, чтобы высказать всё, что думает о медведях вообще и о Паддингтоне в частности, но тут вдруг лицо его перекосилось и, к величайшему изумлению Паддингтона, он заплясал на месте, размахивая руками.

— Откуда здесь столько воды, медведь? — завопил он. — Я же стою в ледяной воде! Откуда течёт вода?

Но все вопросы мистера Карри остались без ответа: хлопнула дверь, положив конец разговору, только теперь это была дверь дома под номером тридцать два. Паддингтон и так уже чувствовал, что достаточно потрудился на сегодня, а вид мистера Карри его окончательно в этом убедил.

* * *

Столовая дрожала от стука молотков. Мистер Браун поднял глаза от утренней газеты.

— Скорей бы уж они кончили, — сказал он. — Ведь который день это тянется. И что они там делают с таким шумом?

— Уж не знаю, — ответила миссис Браун, наливая ему кофе. — Это мистер Карри вызвал строителей. Кажется, по поводу ванной комнаты. Он так странно ведёт себя всю неделю. Вчера специально зашёл отдать Паддингтону шесть пенсов и каждое утро посылает ему булочку прямо из кондитерской.

— Мистер Карри дал Паддингтону шесть пенсов? — Мистер Браун даже газету опустил.

— Насколько я знаю, у него случилась авария во время холодов, — вступила в разговор миссис Бёрд. — Теперь он, можно сказать, получил новехонькую ванную за счёт страховой компании.

— Да уж, конечно, не за свой счёт. Кто-кто, а мистер Карри умеет всё получать задаром, — заметил мистер Браун. — А вот если я попробую чего-нибудь добиться от моей страховой компании, так непременно выяснится, что мне это не

положено. Найдётся в самом низу сноски или приложение мелким шрифтом.

— Сноска или приложение? Да нет, — проговорила миссис Бёрд. — Тут скорее дело в несносном лапоприложении. Мистер Карри это назвал «медвежья услуга».

— Медвежья услуга? — повторил мистер Браун. — Никогда не слышал о такой статье в прейскуранте.

— Она очень редко встречается, — значительно произнесла миссис Бёрд. — Просто крайне редко. В сущности, так редко, что, я думаю, больше мы о ней не услышим. Как думаешь, Паддингтон?

Брауны оглянулись на Паддингтона. Но медвежонок совсем скрылся за банкой своего любимого мармелада и в ответ только громче захрустел поджаренным хлебом. Как и всегда, глухота на Паддингтона напала чрезвычайно кстати. Но что-то говорило Браунам, что миссис Бёрд права и что все ваннные комнаты в округе надолго застрахованы от медвежьих услуг.

НЕБЫВАЛАЯ ЦЕРЕМОНИЯ

Однажды утром, едва Брауны уселись завтракать, раздался громкий стук в дверь, и миссис Бёрд побежала отворять.

— Я побоялся бросать их в ящик, — пояснил почтальон, протягивая два больших белоснежных конверта, — вдруг, чего доброго, затеряются. Один из них этому вашему мишке.

Дело в том, что однажды почтальон неудачно бросил в ящик открытку от тёти Люси и она застряла между досками, после чего Паддингтон несколько дней кряду караулил его возле щели для писем и провожал очень суровым взглядом.

Миссис Бёрд поблагодарила почтальона за его хлопоты и поспешила обратно в столовую. Когда Паддингтон увидел конверт со своим именем, он чуть не уронил мармелад в чашку с чаем. Хотя он частенько получал открытки из Перу и по меньшей

мере раз в неделю какой-нибудь каталог, таких писем ему ещё никогда не приходило!

— Ну-ка, дай лучше я. — Мистер Браун поспешил вооружиться ножом и прийти на помощь. — Жалко будет заляпать мармеладом такой конверт!

— Спасибо, мистер Браун, — обрадовался Паддингтон. — Лапами конверты очень трудно открывать.

Когда мистер Браун извлёк из конверта листок плотной бумаги с золотым обрезом и поднял его, чтобы все видели, по комнате пронёсся вздох удивления.

— Что бы это могло быть? — недоумевала миссис Браун. — Выглядит ужасно солидно!

Мистер Браун поправил очки и прочёл:

«Сэр Хантли Мартин просит мистера Паддингтона Брауна принять участие в торжествах, которые состоятся в понедельник, 20 февраля, в два часа дня. В программе: экскурсия по фабрике, торжественная церемония, праздничное чаепитие».

— Сэр Хантли Мартин, — повторила миссис Бёрд. — Это ведь тот милый старичок, которого мы встретили в «Порчестере» — помните, когда Паддингтон уронил луковицу в оркестр?

— Он самый, — кивнула Джуди. — Мармеладный король. Он тогда ещё сказал, что хотел бы пригласить Паддингтона на фабрику, но ведь это было давным-давно!

— Видите, не забыл. Как мило с его стороны! — проговорила миссис Браун, вскрывая второй конверт.

— Паддингтон на мармеладной фабрике! Вот потеха! — хихикнул Джонатан. — Это всё равно что возить уголь в Ньюкасл!* Интересно, а что это за церемония такая?

— Поглядим, — ответила миссис Браун, поднимая повыше второй листок бумаги. — На неё пойдёт не только Паддингтон. Мы все приглашены, только немного попозже.

— Гм... — Миссис Бёрд придирчиво оглядела медвежонка. — До торжеств осталось меньше недели. Одному моему знакомому медведю придётся основательно помыться и почиститься.

— А может, это липкая церемония? — с надеждой спросил Паддингтон.

Миссис Бёрд принялась убирать со стола.

— Пусть липкая, — сказала она строго, — но в таком виде ты у меня и шагу не ступишь за порог, а уж на церемонию и подавно. Прежде тебя надо отмыть, да и пропылесосить не мешало бы.

Паддингтон вздохнул. Он любил ходить в гости, но связанная с этим возня отравляла всё удовольствие.

Впрочем, после этого разговора он, вопреки обыкновению, несколько раз без всяких уговоров залезал в ванну, и в результате мех его стал блестящим и шелковистым. К понедельнику даже

---

* «Возить уголь в Ньюкасл» — примерно то же самое, что «ездить в Тулу со своим самоваром», то есть привозить с собою то, чего вокруг и так очень много. В Ньюкасле издавна добывали уголь — ну а в Туле, как известно, делали самовары!

орлиный взор миссис Бёрд не сумел выявить никаких огрехов в его внешности.

Чтобы порадовать Паддингтона, было решено отправить его на фабрику самостоятельно, и вот настал торжественный момент: приехало специально заказанное такси, и он забрался на заднее сиденье вместе с чемоданом, пригласительным билетом и большим термосом какао.

Он ещё ни разу не ездил так далеко без взрослых и, помахав на прощание лапой, сперва сверился с картой, а потом прижался носом к окну, за которым стремительно проплывали улицы Лондона.

Паддингтон думал, что до фабрики рукой подать — всего-то три-четыре сантиметра на карте, — однако оказалось, что путь им предстоит неблизкий. Но вот вместо серых многоэтажных зданий вокруг замелькали уютные домики, красные лондонские автобусы стали попадаться реже, и в конце концов такси повернуло за угол и остановилось на неприметной улочке возле ряда высоких строений.

— Приехали, приятель, — сказал шофёр. — Боясь, ближе к воротам мне не подобраться, — вишь чего там понаворочено! Вон они, ворота, чуть подалее. Не промахнёшься. Держи нос по ветру — и вперёд.

Шофёр замолчал и с тревогой взглянул на медвежонка, который, выпрыгнув на тротуар, вдруг завертелся волчком, оступился и бухнулся в придорожную канаву.

— Эй! — крикнул шофёр. — Всё в порядке?

— Кажется, — пропыхтел Паддингтон, ощутив себя на всякий случай. — Я попытался держать нос по ветру, а нос куда-то убежал...

— Ну, для этого первым делом надо узнать, откуда ветер дует, — справедливо рассудил шофёр, поставил медвежонка на ноги и принялся отряхивать. — Ну и перемазался же ты, друг мой косолапый!

Паддингтон огорчённо окинул себя взглядом. Его мех, который только что блестел, как новенькая щётка, покрылся толстым слоем грязи, а на пальто появилось несколько безобразных масляных пятен. Но самое ужасное было не это: хотя в одной лапе он по-прежнему крепко сжимал свой чемодан, в другой ничего не было!

— Кажется, я потерял свой пригласительный билет, — сказал он в отчаянии.

Шофёр уже снова забрался в машину.

— Не везёт тебе сегодня, приятель, — посочувствовал он. — Я бы на твоём месте отправился не мешкая туда, куда ты идёшь, а то ещё что-нибудь приключится.

Паддингтон поблагодарил шофёра за совет и зашагал в сторону большущего здания, на котором сверкала разноцветными огнями огромная мармеладная банка. По дороге он то и дело принюхивался к ветру. В воздухе отчётливо пахло мармеладом и двумя-тремя сортами джема. Паддингтон зашагал быстрее и через минуту поравнялся с маленькой будочкой у ворот, в которой стоял вахтёр в форменной одежде.

Вахтёр смерил Паддингтона взглядом.

— Сейчас медведей на работу не берём, — сказал он недружелюбно. — Попробуй зайти на фабрику мороженого, вон там, подальше.

— Я пришёл не на работу! — возмутился Паддингтон, пронзив вахтёра суровым взглядом. — Я пришёл к сэру Хантли Мартину.

— А, ну-ну, — хохотнул вахтёр. — А кто ты такой, скажи на милость? Князь Старый Сапог?

— Князь Старый Сапог? — повторил Паддингтон. — Я не князь! Я Паддингтон Браун.

— Жаль, жаль, — глумливо посочувствовал вахтёр. — А то поговорка «из грязи — в князи» — это как раз про тебя. Ты в зеркало-то давно последний раз гляделся? Ну что, съел?

— Я пока ещё ничего не съел, — удивлённо сказал Паддингтон. — Я даже ничего не принёс, только какао. Я думал, меня здесь покроят.

— Думал, думал, — не унимался вахтёр. — Много вас здесь таких шляется. А у нас сегодня очень важная церемония. Открывают новый цех, и всяких проходимцев велено гнать в шею. Ещё не хватало, чтобы в такой день вокруг фабрики шатались безработные медведи! Впрочем, если ты ищешь работу, я могу позвать мастера, — смягчился он и поднял телефонную трубку. — Только вот не знаю, что он про это подумает. Правда, нам требуются рабочие руки, вон объявление висит. Так ведь то руки, а не лапы...

Слушая эту речь, Паддингтон всё больше вешал нос.

— Но я пришёл не на работу! — закричал он, как только удалось вставить словечко. — Сэр Хантли Мартин пригласил меня на церемонию!

— Ну да? — издевательски спросил вахтёр. — Что ты ещё скажешь? Конечно, что потерял пригласительный билет?

— Да, да! — выпалил Паддингтон. — Я, когда выходил из такси, не туда повернул нос, и мой билет утонул в канаве.

Вахтёр совсем рассердился:

— Вот что, другим лапшу вешай на уши. Знаю я вашего брата. Бесплатно напиться чаю — вот что у тебя на уме. Ну так учти, приятель: если ты и попадёшь на фабрику, то только через проходную, как и все рабочие.

Тут из главного здания торопливо вышел какой-то человек.

— А, вот и мастер идёт, — сказал вахтёр. — С ним шутить не советую. Он тебя живо выведет на чистую воду.

— Фред, тут пришёл безработный медведь, — доложил он, когда мастер подошёл к воротам. — У нас не найдётся для него местечка?

Мастер смерил Паддингтона взглядом.

— Я говорил на Бирже труда, что нам не хватает рабочих, — хмыкнул он, — но у них, похоже, дела идут ещё хуже, чем у нас! Ты в мармеладе разбираешься? — довольно дружелюбно спросил он у медвежонка.

— Ещё бы! — не задумываясь, ответил Паддингтон. — Дома я его ем каждый день. Миссис Бёрд всегда ворчит из-за липких банок.

— Даже не знаю, что тебе предложить, — задумался мастер, когда Паддингтон бросил на него просительный взгляд. — Ну а сам-то ты чем хотел бы заняться?

Паддингтон поразмыслил.

— Я бы сначала хотел посмотреть цех, где нарезают корочки, — заявил он. — Это, наверное, ужасно интересно!

— Цех, где нарезают корочки? — переспросил мастер, искоса взглянув на вахтёра. — Что-то я не припомню такого цеха. Но, если хочешь, я могу для начала поставить тебя мыть бочки. Там как раз сегодня никто не работает. Я отведу тебя на склад, где хранятся бочки из-под апельсинов, — объяснял он, пока они шли по центральной фабричной площади, на которой стояли несколько рядов стульев и помост, украшенный цветами. — Отсылать их обратно в Марокко полагается отмытыми дочиста. Между прочим, ты найдёшь там вдоволь присохших корочек, если уж они так тебя интересуют.

Войдя на склад на заднем дворе фабрики, Паддингтон, который расслышал, что «отсылать их обратно — морока», понял, что мастер сказал правду. Неотосланных бочек скопилось видимо-невидимо. Были тут большие бочки и маленькие, бочки справа и слева, бочки впереди и даже сверху — такими высокими кучами они были навалены. Паддингтон попробовал было их сосчитать, но очень скоро у него голова пошла кругом.

— Ты не должен мыть их все, — успокоил его мастер. — Сколько сделаешь, столько и ладно. За

большую бочку мы платим три пенса, за маленькую два, так что чем больше успеешь, тем больше получишь. Это называется «сдельная работа».

— Три пенса? — Паддингтон едва поверил своим ушам. Однажды мистер Браун попросил его отмыть бак для воды. Паддингтон провозился почти целое воскресенье, но, по крайней мере, мистер Браун дал ему лишних шесть пенсов на карманные расходы.

— А можно я лучше поработаю пробовальщиком мармелада? — спросил он.

— Губа не дура! — рассмеялся мастер. — Нет, такую работу ещё надо заслужить. Начинать всегда лучше с самых низов.

Прежде чем уйти, мастер указал в дальний угол двора:

— Вон там возьмёшь щётку в ведре, резиновый шланг и пустишь воду. Только не вздумай обливать прохожих. Мы ждём знаменитую кинозвезду, которая должна оставить отпечаток ноги в мемориальном цементе возле нового цеха*, и если я увижу, что ты слоняешься без дела, сразу отправлю обратно на Биржу труда!

Паддингтон проводил мастера долгим взглядом. Да, у него и раньше бывали дни, когда вдруг ни с того ни с сего одна за другой начинали

---

* Такая традиция и у нас существует — скажем, когда какая-нибудь знаменитость кладёт кирпич в фундамент здания. Ну а англичанам больше нравится, когда это делает кино- или поп-звезда: ведь потом можно написать в газете, что ваш цех открыл сам... — и все сразу поймут, что и вы не лыком шиты!

валиться неприятности, но ещё ни разу они не сваливались в таком огромном количестве. И, что самое обидное, Паддингтон чувствовал, что обвал ещё в самом разгаре.

Он глубоко вздохнул, обвёл взглядом груды бочек, и на его мордочке появилось задумчивое выражение. Он вдруг сообразил, что, когда придут Брауны, всё выяснится само собой. Паддингтон был не из тех медведей, которые могут упустить счастливую возможность, когда она так и плывёт в лапы; а часто ли выпадает случай поиграть со шлангом, да ещё получить за это деньги — пусть даже всего три пенса за здоровенную бочку?

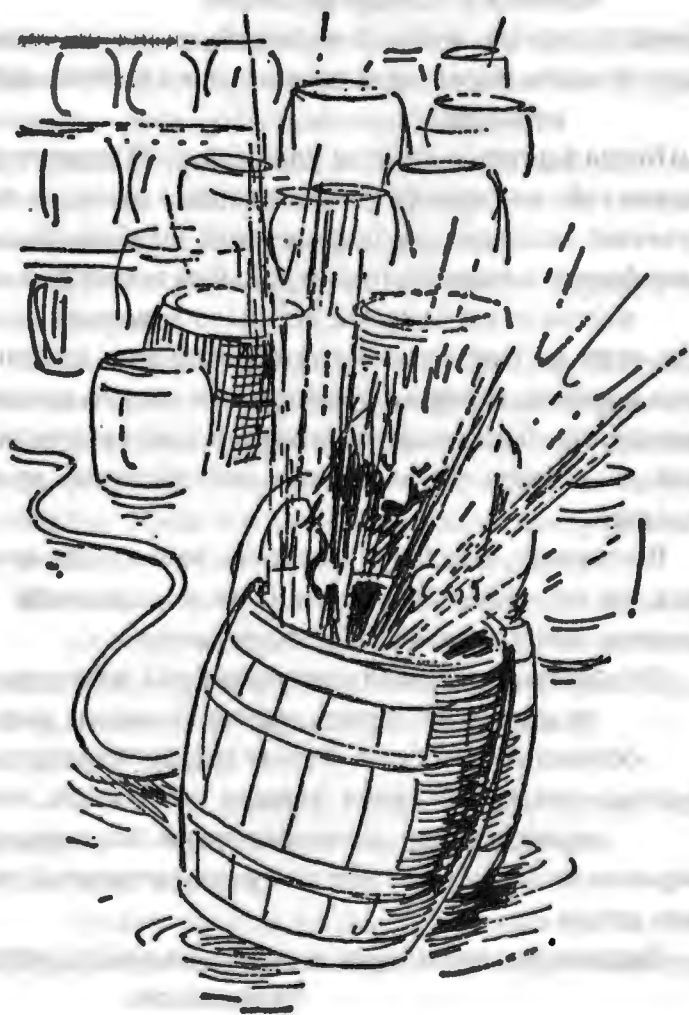
Через несколько минут к отдалённому рокоту фабричных машин прибавилось мерное шипение водной струи, а потом ещё и грохот перекачивающихся бочек — Паддингтон взялся за дело.

В течение следующего часа мастер несколько раз просовывал голову в ворота склада и наблюдал, как он трудится, а под конец даже кликнул вахтёра.

— Славный нам попался парнишка, — одобрительно сказал он. — Не то что все эти бездельники, которые ошивались тут в последнее время!

— Хм, — мрачно заметил вахтёр, — боюсь, в конце рабочего дня его самого придётся мыть из шланга. — Тут он указал в сторону площади, где вот-вот должна была начаться церемония и уже собралась порядочная толпа: — Только бы он не попался на глаза этой компании. Сэр Хантли сей-

час будет говорить речь, и вряд ли он обрадуется, если увидит это косолапое чучело, обвешанное мокрыми корками!

Последнюю фразу вахтёр произнёс довольно громко, нарочно обернувшись в сторону склада, но Паддингтон был слишком занят и ничего не услышал. Неожиданно оказалось, что работать на мармеладной фабрике очень здорово. Он уже вымыл и сложил в сторонке почти все маленькие бочки и теперь, очень довольный, сидел на чемодане и высчитывал свой заработок на клочке мармеладной этикетки.

Когда мастер и сторож удалились, Паддингтон налил себе из термоса какао, не спеша выпил и задумчиво поглядел на здоровенный штабель больших бочек, который стоял в дальнем конце двора.

С маленькими бочками всё было довольно просто: если не считать некоторых особенно противных корочек, которые приходилось отскабливать, достаточно было залезть внутрь и побрызгать водой на стенки. С большими всё обстояло куда труднее.

Во-первых, они были слишком велики. Во-вторых, он не нашёл ни лесенки, ни подставочки — словом, ничего, чтобы забраться наверх.

Паддингтон отложил шланг, выбрал доску подлиннее и просунул между двумя бочками в самом основании штабеля. Утром всё случилось так быстро, что он не успел толком сообразить, что и как, однако твёрдо запомнил слова мастера: на мармеладной фабрике всегда лучше начинать с самых низов.

Паддингтон посильнее надавил на доску, и тут сверху донеслось какое-то гроыхание. Паддинг-

тон не особенно любил грозу, поэтому встревоженно посмотрел на небо и решил поторапливаться. Гром гремел почти над самой головой, а ему хотелось успеть как можно больше, прежде чем хлынет дождь.

Паддингтон и не подозревал, что не его одного встревожила внезапная перемена погоды. Сам сэр Хантли Мартин, который стоял на помосте и произносил речь, обеспокоенно поглядел на небо. День для февраля был довольно тёплый, да и вообще грозы зимой бывают крайне редко, но громоухание ему совсем не понравилось.

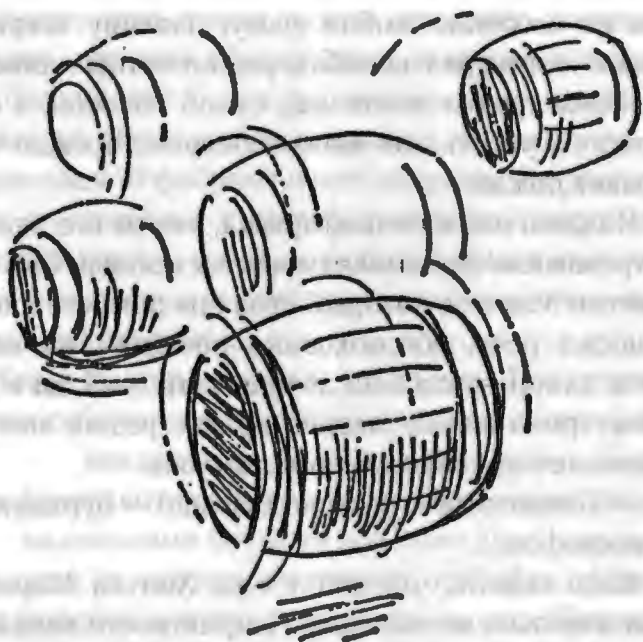
— Только этого нам и не хватало! — буркнул он в микрофон.

Надо сказать, что вид у сэра Хантли Мартина был довольно несчастный. Неприятности начались ещё утром: знаменитая кинозвезда, которая должна была открывать новый цех, заболела и не смогла приехать. Гроза могла окончательно испортить церемонию.

Несколько раз он открывал рот, чтобы продолжить речь, но каждый раз его прерывали раскаты грома. Даже зрители заволновались, а миссис Бёрд, которая сидела в первом ряду, на всякий случай вытащила зонтик.

— Хотела бы я знать, куда запропастился Паддингтон, — проворчала она. — Говорила я ему, чтобы взял плащик!

— Думаю, он под крышей. Застрыл на каком-нибудь мармеладном складе, — отозвался мистер Браун.

— Если он не поторопится, то пропустит церемонию, — заметила миссис Браун. — И очень огорчится!

Мистер Браун снова устремил взгляд на помост.

— Если сейчас хлынет дождь, то никакой церемонии вообще не будет, — заметил он.

— Вот это да! — внезапно закричал Джонатан, указывая в сторону склада. — Смотрите!

— Силы небесные! — ахнул сэр Хантли, посмотрев в ту же сторону. — Это вовсе не гром! Это бочки!

Зрители застыли в изумлении. Несколько бочек уже катились, подпрыгивая, по площади, а ко-

гда сэр Хантли заговорил, ещё несколько штук сорвались с верхушки штабеля и с громким треском посыпались вниз.

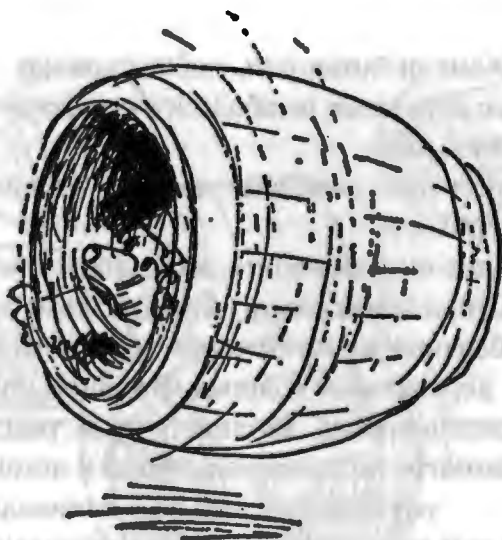
— Берегитесь! — заорал мастер. — Сейчас весь штабель рухнет!

Не успел он договорить, как грохот превратился в рёв, гора бочек разом обрушилась, и на глазах у остолбеневших гостей через ворота на площадь хлынул деревянный водопад. Впрочем, почти все бочки остановились на приличном расстоянии, лишь немногие подкатились прямо к ногам зрителей, а одна, точно живая, всё подскакивала и подскакивала и наконец с громким треском врезалась в помост.

— Батюшки! — вскричала миссис Бёрд, когда из-под обломков показались знакомая шляпа и знакомые уши. — Это Паддингтон!!!

— Это же медведь, которого я утром принял на работу! — удивился мастер.

— На работу? — не поверил своим ушам сэр Хантли. — Но он же мой гость! Слава богу, мишутка цел, — продолжал он, спрыгивая с помоста. — Я не знаю, дорогой, в чём дело, но, если бы с тобой что-то случилось на моей фабрике, я бы никогда себе этого не простил!

— Ты молодчина, что не растерялся и прыгнул в бочку, — похвалила миссис Бёрд. — А то ещё неизвестно, чем бы всё это кончилось!

— Я с самого начала был в бочке, миссис Бёрд, — признался Паддингтон. — Я услышал грохот и забрался в бочку, чтобы меня не убило громом.

— Но что, скажи на милость, всё это значит? — поинтересовался сэр Хантли.

— Наверное, мне не надо было начинать с низов, — грустно сказал Паддингтон, вставая и отряхиваясь.

У него было ощущение, что он разом прокатился на карусели, колесе смеха и американских горках. Даже стоять было как-то неловко, точно с каждым шагом лапы всё глубже и глубже увязали в земле.

— Осторожнее! — закричала вдруг миссис Бёрд, — Не испорти мемориальный цемент!

— Мемориальный цемент? — ошарашенно повторил Паддингтон и усталился на свои задние лапы.

Сэр Хантли Мартин стремительно шагнул вперёд и осторожно снял медвежонка с квадрата сырого цемента.

— Дамы и господа! — возвестил он, жестом требуя тишины. — Полагаю, что торжественный момент настал: разрешите здание нового цеха считать открытым.

Грянули аплодисменты, а сэр Хантли добавил:

— В конце концов, что особенного в том, что новый цех открывает кинозвезда? Таких цехов на свете полным-полно. А многие ли могут похвастаться отпечатком настоящей медвежьей лапы?

Когда стихли аплодисменты. Паддингтон ещё раз осмотрел цементный квадратик.

— Я вам могу сколько хотите отпечатков сделать, сэр Хантли, — предложил он. — У медведей это очень хорошо получается.

— Э-э... спасибо, дорогой, — тактично отказался сэр Хантли. — Думаю, пока хватит. Всё хорошо

в меру. А мы, кстати говоря, не в меру задержались, — добавил он, взглянув на часы. — Чай давно ждёт. По такому случаю мы сделали специальный Директорский Мармелад.

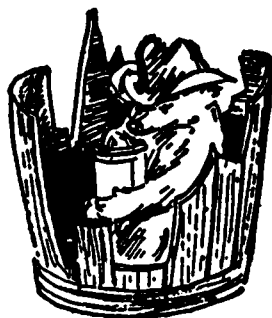
— Директорский Мармелад? — облизнулся Паддингтон. — Я такого ещё никогда не пробовал!

— В нём больше корочек, чем в обычном, — доверительно сообщил сэр Хантли и повёл медвежонка к главному зданию. — Я бы очень хотел узнать, как он тебе понравится.

Пробираясь между обломками изувеченных бочек, миссис Бёрд многозначительно посмотрела на остальных.

— Я знала, что медведи всегда падают на все четыре лапы, — проговорила она, — но надо быть таким медведем, как Паддингтон, чтобы упасть точнёхонько на квадратик мемориального цемента!

— Да ещё попробовать в награду Директорский Мармелад, — напомнила Джуди. — Не забывайте об этом!

КАК ПАДДИНГТОН ВЫЛЕТЕЛ В ТРУБУ

Паддингтон стоял посреди столовой и удивлённо озирался.

Ещё рано утром, когда миссис Бёрд принесла ему завтрак в постель, он заподозрил, что в доме происходит что-то необыкновенное. Завтрак в постель в будний день мог означать только одно: миссис Бёрд нужно, чтобы он не путался под ногами. Снизу с самого рассвета долетали какие-то скрипы и шорохи, и он был готов увидеть почти что угодно — но только не то, что увидел.

Дом Браунов, как правило, содержался в безукоризненной чистоте, но сегодня столовая выглядела так, словно по ней только что пронёсся ураган. Вся мебель была сдвинута в один угол. Тут же стоял ковёр, скатанный в трубочку. С окон исчезли занавески, а со стен — картины. Камин не

топился, и, если бы не электрический обогреватель*, было бы совсем холодно.

— У нас сегодня генеральная уборка, — сообщила миссис Бёрд.

— Гениальная уборка? — удивился Паддингтон. — А куда убирают гения?

— Гений тут ни при чём, — рассмеялась миссис Браун. — «Генеральная» — значит во всём доме, сверху донизу. На очереди твоя комната. И больше мы откладывать не можем!

— Кстати, о делах, которые больше нельзя откладывать, — заметила миссис Бёрд, направляясь к дверям, — если мы сейчас же не пойдём и не купим эти занавески, вся семья останется без ужина.

— Как вы думаете, взять его с собой? — спросила миссис Браун, выходя следом за миссис Бёрд в прихожую. Паддингтон остался в столовой, чтобы без помех разобраться, что к чему. — Ему всегда удаётся купить хорошую вещь по дешёвке.

— Нет, — твёрдо ответила миссис Бёрд, — ни в коем случае. Весенняя распродажа — не время, чтобы водить медведей по магазинам. Обязательно что-нибудь стрясётся. Лучше уж мы заплатим подороже, а он пускай остаётся и присматривает за домом.

---

* В английских домах, как правило, нет центрального отопления. В морозное утро первое дело — затопить камин, а чаще — просто нажать на кнопку, потому что, хотя и теперь каминные есть в каждом английском доме, они всё больше газовые или электрические. Вот уж, что называется, и традицию соблюсти, и заботу отвести!

С этими словами миссис Бёрд поспешила наверх. Миссис Браун проводила её взглядом, полным сомнения. Безусловно, в одном миссис Бёрд была права: походы с Паддингтоном в магазин частенько оканчивались неприятностями, но мысль о том, что он останется один в доме, где в разгаре генеральная уборка, вызвала куда более серьёзные опасения.

— Ну и денёк сегодня, — вздохнула миссис Браун, когда сверху донёсся стук молотка. — Строители чинят крышу, Генри собрался чистить трубу, да ещё и генеральная уборка... Ох, добром это не кончится!

— Наверняка, — подтвердила миссис Бёрд, спускаясь с лестницы и надевая шляпку. — Только не волнуйтесь заранее, этим делу не поможешь. Да, а где этот медведь? Я ещё не дала ему указания.

— Тут я, миссис Бёрд, — откликнулся Паддингтон, выскакивая в прихожую.

Миссис Бёрд покосилась на него с подозрением. Что-то очень уж ярко блестели у него глаза. Впрочем, к счастью для Паддингтона, она была слишком занята и не стала его расспрашивать.

— Сосиски и салат на подносе, — сказала она. — Пудинг с патокой на плите — только смотри, не подпали усы, когда будешь зажигать газ. И следи, чтобы он не подгорел. Я не хочу, чтобы к нашему приходу весь дом пропах дымом.

— Хорошо, миссис Бёрд. А можно я пока тоже немного поубираюсь? — с надеждой спросил

Паддингтон, провожая их к дверям. — Я ещё никогда не делал гениальной уборки!

Миссис Браун переглянулась с миссис Бёрд и ответила:

— Можешь, если хочешь, вытереть пыль. Только не перетруждайся. И не таскай ничего тяжёлого, а то надорвёшься. Боюсь, пару дней нам придётся есть на кухне, пока мистер Браун не сподобится прочистить дымоход. А это ещё неизвестно когда будет.

Миссис Браун последний раз поглядела на Паддингтона и захлопнула дверь.

— Надеюсь, всё будет нормально, — сказала она.

— Похоже, опять медвежья голова покоя лапам не даёт, — отозвалась миссис Бёрд. — Впрочем, если он найдёт себе дело, может, всё ещё и обойдётся.

Миссис Браун вздохнула. По счастью, с каждым шагом они удалялись всё дальше и дальше от дома. Если бы миссис Браун хоть одним глазком увидела, что там творится, она бы ещё сильнее пожалела, что оставила мишку без присмотра.

Паддингтон запер входную дверь и побежал обратно в столовую. Глаза его всё так же блестели. Он обдумывал Идею, на которую его натолкнула большая и страшно заманчивая коробка с ярлычком «Баркридж», стоявшая возле камина.

В последние дни в доме Браунов всё чаще и чаще звучало слово «дымоход». А началось всё с того, что однажды утром миссис Бёрд открыла дверь в столовую и чуть не задохнулась в дыму.

Потом мистер Браун долго не отходил от телефона и в конце концов объявил, что все трубочисты в округе очень заняты и записываться к ним надо за много недель вперёд.

Паддингтон тогда не принял участия в суматохе. Ему было непонятно, почему из-за какого-то дыма подняли такой шум. Он даже попробовал заглянуть в трубу, но ничего не увидел. И даже когда как-то за завтраком мистер Браун обронил, что собирается сам прочистить дымоход, Паддингтон не обратил на это особого внимания.

Но вот мистер Браун сообщил, что намерен приступить к делу, а в доме появилась загадочно-го вида коробка, и тут Паддингтон заметно оживился.

Снаружи коробка была хоть куда. Одна этикетка чего стоила: ряд ярких картинок под заголовком «ДЕЛАЙ КАК МЫ», а внизу надпись крупными буквами: «ТРУБОЧИСТ. ЛУЧШИЙ В БРИТАНИИ НАБОР ДЛЯ ПРОЧИСТКИ ДЫМОХОДОВ».

А ещё ниже мелким шрифтом было напечатано, что с помощью этой штуки даже десятилетний ребёнок способен прочистить самый запущенный дымоход. В доказательство на первой картинке был нарисован малыш, который насаживал трубки одну на другую, собираясь помочь папе.

Сначала Паддингтону было совестно открывать коробку без разрешения, но скоро он так увлёкся, что забыл про всё на свете и лишь время от времени машинально окунал лапу в мармелад.

Правда, в инструкции ничего не говорилось про медведей, но всё выглядело настолько просто и понятно, что Паддингтон даже удивился, зачем люди вообще приглашают трубочистов.

На одной картинке был даже нарисован мешок с надписью «ЗОЛА», а рядом кучка серебряных монет. Подпись гласила: «ВЫ МОЖЕТЕ ЗАРАБОТАТЬ, ПРОДАВ ЗОЛУ СОСЕДЯМ НА УДОБРЕНИЕ!»

Паддингтон сомневался, что мистер Карри станет платить деньги за чужую золу, зато он лишний раз понял, что набор «Трубочист» — вещь на редкость полезная.

В коробке оказалась большая круглая щётка и несколько трубок с металлическими наконечниками — их надо было привинчивать одну к другой и засовывать в дымоход. Внизу, под трубками, лежал мешок для золы и кусок полотна с дырками для рук, которым полагалось накрывать камин, чтобы сажа не летела в комнату.

Прежде всего Паддингтон попробовал просунуть лапы в эти дырки. Потом прикрепил щётку к одной из трубок и весело запрыгал по комнате, тыча в разные щёлочки и уголки.

Но когда дело дошло до дымохода, мордочка его стала задумчивой: щётка скользила на удивление легко, но в камине сразу же выросла целая гора золы.

Паддингтон пересыпал золу в мешок и прикрепил вторую трубку. Ему всё-таки было не по себе. Впрочем, хотя миссис Браун и не упоминала про

чистку дымоходов, он решил, что это занятие можно со спокойной совестью отнести к вытиранию пыли.

Дом номер тридцать два был довольно высок, так что неиспользованных трубок подле медвежонка становилось всё меньше и меньше, а золы в камине всё больше и больше.

Несколько раз ему приходилось прерываться и выгребать золу, чтобы освободить место для лап. Мешок и несколько картонок из-под продуктов уже были полнѐхоньки. Паддингтон почти потерял надежду добраться до конца, как вдруг, без всякого предупреждения, щётка выскочила наружу, а сам он чуть не свалился в камин.

Несколько минут он сидел на куче золы, вытирая лоб краешком полотна, а потом, захватив сверху бинокль, побежал на улицу.

Судя по инструкции на крышке коробки, самым захватывающим в чистке дымохода был как раз тот момент, когда щётка появляется из колпака на трубе, поэтому ему не терпелось увидеть это собственными глазами.

Он тщательно навёл бинокль, вскарабкался по лесенке, которую мистер Бригс, строитель, оставил у стены, и с довольным видом оглядел крышу. Щётка торчала из трубы в точности так, как было показано на картинке.

Несколько минут Паддингтон упивался этим зрелищем, потом слез на землю и зашагал в дом с видом медведя, честно выполнившего свою работу. Он на славу потрудился и был абсолютно уверен, что Брауны ужасно обрадуются, когда вернутся и увидят, что он не сидел сложа лапы.

Вытаскивать щётку оказалось гораздо легче, чем пихать вверх, и не прошло и пяти минут, как Паддингтон нащупал под полотном последнюю трубку.

Но когда он выпростал лапы из полотна и увидел конец трубки, он не на шутку перепугался и даже протёр глаза, на случай если в них попала зола. Это явно была самая последняя трубка, потому что Паддингтон внимательно сосчитал их ещё в самом начале, но щётки на ней не было и в помине!

Медвежонок с надеждой заглянул в дымоход, а потом, совсем расстроившись, уселся прямо в камин и снова уткнулся в инструкцию.

И тут, снимая крышку, он неожиданно увидел на дне коробки большой красный ярлык, которого поначалу не заметил. У Паддингтона даже глаза вылезли на лоб, потому что там было написано:

**ВНИМАНИЕ!
БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ,
ВЫТАСКИВАЯ ЩЁТКУ ИЗ ДЫМОХОДА.
СЛЕДИТЕ, ЧТОБЫ
ОНА НЕ СОРВАЛАСЬ
С РЕЗЬБЫ!**

— Моя щётка сорвалась с резьбы?! — горестно воскликнул Паддингтон, обращаясь в пустоту, и ещё раз поглядел на трубку в одной лапе и крышку от коробки в другой.

Мало того что они засунули это важное предупреждение в самый низ, — единственный совет на случай, если щётка всё-таки сорвётся, гласил:

**ОБРАТИТЕСЬ В МАГАЗИН,
В КОТОРОМ ПРИОБРЕЛИ НАБОР.**

Обескураженный медвежонок так и остался сидеть в камине. Он прекрасно понимал, что вряд ли весь «Баркридж» кинется на выручку, если прийти и объяснить, что щётка мистера Брауна сорвалась с резьбы, да и сам мистер Браун вряд ли обрадуется, когда узнает, что произошло.

Поразмыслив, Паддингтон придумал только один способ загладить вину — навести в комнате хотя бы относительный порядок. Кто знает, может, за этим занятием и возникнет какая-нибудь Идея.

Если утром столовая выглядела так, будто по ней пронёсся ураган, теперь можно было подумать, что следом за ним опустился густой смог*. Полотно не очень помогло — вся комната была присыпана тонким слоем золы, и, оглядевшись, Паддингтон не мог не признать, что давно уже окружающее не представляло ему в таком чёрном цвете.

* * *

Мистер Браун вытащил голову из дымохода и тоскливо поглядел на своё семейство.

— Ничего не понимаю, — пожаловался он. — Вот уже третий раз зажигаю камин, а он всё гаснет.

Миссис Браун взяла газету и принялась отмахиваться от дыма.

— Смотри, опять зола из трубы просыпалась, — сказала она. — Вся комната чёрная. Наверняка в дымоходе пробка. Говорила я тебе, что пора его чистить.

— Как, скажи на милость, я должен был его чистить? — рассердился мистер Браун. — Инструменты прислали только сегодня утром.

Все понуро стояли возле камина и глядели на кучку обгорелых спичек.

---

* Смог — это смесь дыма, копоти и тумана, которая долгие годы была для Лондона настоящим бедствием: мало того, что под завесой смога ничего не видно, но даже и дышится с трудом. Избавились лондонцы от этой напасти только совсем недавно, когда из города были изгнаны все фабрики с дымными трубами и запрещено печное отопление.

— Кстати, — продолжал мистер Браун, — эти инструменты я намерен немедленно отослать обратно в «Баркридж». Они безобразно грязные, а щётки вообще нет на месте. Как прикажете чистить дымоход без щётки?

— Может быть, её Паддингтон взял? — предположила миссис Браун. — Он опять куда-то запропастился.

— Паддингтон? — проворчал мистер Браун. — На что ему щётка?

— Трудно сказать, — хмуро пожала плечами миссис Бёрд.

Ей вовсе не понравились следы торопливой уборки, которые она обнаружила в столовой, а тем более отпечатки перемазанных золою лап по всему дому, но, заметив выражение лица мистера Брауна, она решила оставить свои мысли при себе.

— Он даже не притронулся к пудингу, — добавила миссис Браун, — а это уж совсем на него не похоже.

— Паддингтон, пудингтон — вам только и заботы, — проворчал мистер Браун. — А меня куда больше волнует камин.

Миссис Браун открыла стеклянную дверь и выглянула в сад.

— Вон мистер Бригс идёт, — сказала она. — Может быть, он сумеет помочь?

Услышав зов, мистер Бригс, строитель, вошёл в столовую и с видом знатока приложил ухо к дымоходу.

— Галки! — объявил он, послушав. — Галки свили гнездо в вашей трубе. Даже слышно, как они кашляют.

— Кашляют? — удивилась миссис Бёрд. — Первый раз слышу, что галки кашляют.

— Вы бы тоже кашляли, мадам, если бы под вашим гнездом развели огонь, — здраво рассудил мистер Бригс. — Впрочем, не тревожьтесь. — Он открыл набор мистера Брауна. — Я их мигом оттуда выселю.

Мистер Бригс одну за другой проталкивал трубки в дымоход, а Брауны стояли рядом и смотрели.

— Как он кстати пришёлся, — заметил мистер Бригс, кивая на «Трубочиста». — Иначе мы бы невесть сколько провозились.

Его лицо становилось всё краснее и краснее, потому что трубки пропихивались всё хуже, но вот он поднажал, в трубе раздался хруст, и в камин плюхнулось что-то тяжёлое.

— Во! — гордо сказал мистер Бригс. — Что я вам говорил!

Мистер Браун поправил очки и пригляделся к чёрному круглому предмету.

— Что-то непохоже на птичье гнездо, — заметил он. — По-моему, это скорее щётка для чистки дымоходов — из моего набора!

Мистер Бригс почесал в затылке.

— А ведь и правда, — согласился он. — Точно щётка.

Ещё сильнее он удивился, когда взял щётку в руки и рассмотрел поближе.

— Футляр на ней, что ли? — недоумевал он.

— Это не футляр! — догадалась миссис Браун. — Это Паддингтонова шляпа!

— Батюшки! Она самая! — воскликнул мистер Браун. — Но как она попала в трубу, да ещё вместе с моей щёткой?

— Ой!.. — миссис Бёрд указала в окно. — Смотрите!

Все повернулись в ту сторону.

— Ничего не вижу, — сказал мистер Браун.

Миссис Браун встревоженно взглянула на миссис Бёрд:

— Что-нибудь случилось? Вы так побледнели!

— Мне показалось, что мимо окна прошёл колпак с нашей трубы, — прошептала миссис Бёрд, протягивая руку за нюхательной солью.

Брауны переглянулись. Миссис Бёрд была самым здравомыслящим человеком в семействе. Кому-кому, а ей вряд ли могло что-то привидеться.

— Может, вы присядете? — Мистер Браун подвинул к ней стул. — Вы, наверное, слишком перевозноуались.

— Не бойтесь, миссис Бёрд! — раздался вдруг от двери хорошо знакомый, хотя и несколько приглушённый голосок. — Это я.

Теперь настал черёд остальных удивляться и тарашить глаза. В столовую вошёл чёрный-пречёрный медведь. Вместо привычной шляпы на голове у Паддингтона красовалась половинка колпака с трубы. Она закрывала уши и налезала на глаза, словно цилиндр, купленный на вырост.

— Понимаете, он отвалился, когда мистер Бригс выпихнул меня из дымохода, — пояснил Паддингтон, когда восстановилась тишина.

— Но зачем, скажи на милость, ты вообще полез на крышу? — спросил мистер Браун.

— Я чистил дымоход, — грустно пояснил Паддингтон, — а щётка случайно сорвалась с резьбы, и я пытался её вытащить.

— Паддингтон? — повторил мистер Бригс, начиная стаскивать с него колпак. — Вы говорите, это — Паддингтон? Чучело чумазое, вот что это такое. Ну и перепачкался ты, приятель!

Паддингтон сел на пол, потирая уши. Вид у него был ужасно оскорблённый. Мало того что щётка застряла в трубе, но чтобы потом тебя ещё выпихнули в колпак и обозвали птичьим гнездом — это уж слишком!

— Вот что, — строго обратилась к нему миссис Бёрд, — ну-ка марш в ванну. Второго такого грязного медведя на пятьдесят миль в округе не сыщешь!

Мистер Бригс вдруг усмехнулся.

— Может, оно и так, — проговорил он, пытаясь разрядить обстановку. — Но только и второй такой чистой трубы на пятьдесят миль в округе не сыщешь!

Паддингтон с благодарностью посмотрел на мистера Бригса и поспешил убраться из комнаты, чтобы избежать новых вопросов.

Первый раз в жизни он был абсолютно согласен с миссис Бёрд: нет ничего лучше куска мыла и горячей ванны.

А кроме того, миссис Браун ненароком напомнила ему про пудинг с патокой. Паддингтон очень любил пудинг с патокой и тут же поставил его разогреваться, чтобы съесть, как только вылезет из ванны.

ПОЕЗДКА-ЗАГАДКА

Однажды утром, когда они сидели, потягивая какао, на диванчике из конского волоса, мистер Крубер выглянул в окно и сказал:

— Слава богу, погода вроде бы меняется. Давно пора!

Паддингтон, окутанный клубами душистого пара из чашки, кивнул, не отрываясь от дела — он честно делил на две кучки свежие утренние булочки. Хотя он и любил зиму, весна обещала ещё больше интересных занятий и замечательных приключений. Кроме того, в снегопад или гололедицу не так-то легко было добраться до улицы Портобелло, и он частенько пропускал «послезавтраки» у мистера Крубера.

Паддингтон очень любил бывать в антикварной лавке своего друга, где повсюду стояли шкафы с книгами, сверкала начищенная медь и ла-

тунь, но в последние дни стояли такие холода, что ему редко удавалось высунуть нос из дому. Если в этом и было что-либо хорошее, так только одно: у него скопилось довольно много неистраченных «булочных» денег.

— Неплохо было бы сегодня куда-нибудь выбраться, — продолжал мистер Крубер. — Когда потеплеет, понаедут туристы и у меня дел будет невпроворот, а мы с вами уже сто лет нигде не бывали.

Паддингтон тут же смахнул с мордочки остатки какао.

— Конечно, мистер Крубер! — закричал он. — Ура!

Мистер Крубер задумался.

— Я обратил внимание, что на рынке только что открыли новое бюро путешествий. Там предлагают всякие автобусные экскурсии, в том числе очень любопытную Поездку-загадку за семь с половиной шиллингов.

— Поездку за кадку? — тут же загорелся Паддингтон. — Никогда не пробовал... А за какую кадку?

— Поездку-загадку, — отчётливо произнес мистер Крубер. — В том-то и дело, что вам не говорят заранее, куда вы едете. Это загадка. Но там написано, что завершается поездка осмотром известной лондонской достопримечательности.

— Здорово, — не совсем уверенным тоном проговорил медвежонок. — Только вот у меня нет семи с половиной шиллингов. Разве что они позволят заплатить булочками.

Мистер Крубер тактично кашлянул.

— Ну, думаю, до этого не дойдёт, — проговорил он и поспешно продолжил, чтобы не ставить медвежонка в неловкое положение: — Видите ли, мистер Браун, вы уже столько лет исправно угощаете меня булочками, что мне захотелось хоть как-нибудь вас отблагодарить. Мне доставит огромное удовольствие, если вы позволите мне вас пригласить...

— Ой, конечно, мистер Крубер, — не чинясь, согласился Паддингтон. — Спасибо большое!

Мистер Крубер встал и подошёл к кассе.

— Значит, решено! — заключил он, вручая медвежонку фунтовую банкноту. — Откладывать не зачем, так что, если у вас нет других планов, отправимся прямо сегодня, после обеда. Будьте любезны, купите по дороге домой два билета.

Паддингтон ещё раз поблагодарил своего друга и, допив какао, отправился на рынок, в новое туристическое бюро, которое указал ему мистер Крубер.

На бюро красовалась вывеска: «БЮРО ПУТЕШЕСТВИЙ. ПОЛ ПЛАТИ», и, судя по всему, оно было местом весьма любопытным.

На тротуаре у входа стояла большая чёрная доска* с надписью «ГОРЯЩИЕ ПУТЁВКИ НА СЕГОДНЯ», а ниже было приписано мелом: «По-

---

* Чёрную грифельную доску в Англии можно увидеть почти у каждого небольшого магазина или бюро. Немножко похоже на школу, зато удобно: можно каждый день писать мелом, какие особенные услуги или деликатесы предлагаются сегодня клиентам.

ездка-загадка. 7,5 шил.». Объявления в витрине оказались ещё интереснее. Одни зазывали в однодневные поездки к морю, другие — в автобусные путешествия по всей стране. А больше всего Паддингтона привлекло путешествие на Континент*, называвшееся «9 за 9».

Это объявление сопровождалось фотографией, поэтому Паддингтон разглядывал его довольно долго. Он так увлёкся, что даже не заметил, как в дверях бюро возникла расплывчатая фигура, и страшно удивился, когда с ним заговорили.

— Доброе утро, сэр, — поздоровался дяденька, радостно потирая руки. — Вас заинтересовал один из наших маршрутов?

— Да, — с достоинством отозвался медвежонок, входя вслед за дяденькой в бюро. — Мы поедем вдвоём.

— Вдвоём? — Заказ явно произвёл на дяденьку сильное впечатление, и он почтительно усадил Паддингтона в кожаное кресло рядом со столиком, заваленным брошюрами и буклетами. — Что же привлекло ваше внимание? Я особо рекомендовал бы путешествие на Континент. Девять стран за девять дней, — тут он смахнул с ручки кресла несуществующую пылинку, — и всё не выходя из автобуса. Обычная цена пятьдесят гиней,

---

* «Континентом» (с большой буквы!) англичане называют Европу. «Товары с Континента», «поехать на Континент» — такие фразы часто слышны в английской речи. Хотя теперь Англия и соединена с материком подземным туннелем, её жители никогда не забывают о том, что они — островитяне!

но, если вы платите за двоих, я согласен предоставить вам специальную медвежью скидку.

— Пятьдесят гиней! — в ужасе вскричал медвежонок. — Что вы! Я просто хотел купить два билета по семь с половиной шиллингов на сегодняшнюю Поездку-загадку...

Дяденька наконец увидел Паддингтонову фунтовую бумажку, и улыбка точно по волшебству исчезла с его лица.

— Ну, так мы далеко не уедем! — разочарованно протянул он.

— А я с вами и не собирался никуда ехать, — честно ответил Паддингтон. — Я с мистером Крубером. Вернее, не он со мной, а я с ним. Он меня пригласил.

Дяденька тяжело вздохнул и ушел за стойку.

— Вылезай-ка из кресла, — сказал он довольно грубо. — Оно совсем новое, и я не хочу, чтобы его в первый же день перепачкали!

— Вот. — Он взял у Паддингтона деньги и протянул ему два билета. — Автобус отходит ровно в два. А это пять шиллингов сдачи.

— Пять шиллингов? — от души удивился Паддингтон, глядя на две монетки по полкроны. — Боюсь, вы обсчитались.

— Как так обсчитался? — возмутился дяденька. — Два по семь с половиной получается пятнадцать шиллингов. Ты мне дал фунт. Значит, я должен тебе пять шиллингов.

— Но у вас снаружи написано, что надо платить только половину, — не сдавался Паддингтон.

— Половину? — опешил дяденька. — Где это ты такое увидел, друг мой косолапый?

Паддингтон выбежал из бюро и ткнул в «ПОЛ ПЛАТИ» над дверью.

— Вот! — объяснил он.

Дяденька изумлённо вытаращился сначала на вывеску, а потом на медвежонка.

— Эй, Пол! — крикнул он, просунув голову в дверь. — Тут пришёл медведь и дразнится.

— Это вовсе не значит «Плати половину», — объяснил он, поворачиваясь к медвежонку. — Просто хозяина бюро зовут Пол, а фамилия Плати. И я бы на твоём месте не стал сейчас показываться ему на глаза. Пол у нас, знаешь, обидчивый.

Паддингтон смерил дяденьку долгим суровым взглядом и поспешил восвояси, время от времени тревожно оглядываясь через плечо на случай погони.

— Показала б я им «Девять за девять»! — возмутилась миссис Браун, когда Паддингтон поведал о своих утренних приключениях. — Просто разбойники какие-то! Пытаются отобрать у медведя его кровные деньги!

— Вот уж на этот счёт можно не беспокоиться, — отозвалась миссис Бёрд. — Хотела бы я посмотреть на человека, который сумеет отобрать у этого медведя его кровные деньги. Как раз это и называется: тяжким трудом зарабатывать на хлеб.

Паддингтон оскорблённо покосился на миссис Бёрд и побежал вверх собираться. Сборов оказалось столько, что он вскоре позабыл об утренней

неприятности и в назначенный срок, прихорюшившись и приодевшись, зашагал в сторону улицы Портобелло.

Паддингтон страшно любил куда-нибудь ездить, а с мистером Крубером особенно, поэтому он так и сиял, когда забрался в поджидавший автобус и удобно устроился на переднем сиденье рядом со своим другом.

Мистер Крубер захватил с собой несколько путеводителей и, пока они колесили по улицам Лондона, указывал медвежонку на все интересные здания и объяснял, чем они знамениты.

Время летело быстро, но, когда прошёл почти час, мистер Крубер, похоже, стал о чём-то догадываться. Он ещё раз поглядел на карту.

— Знаете что, мистер Браун, — сказал он, когда автобус повернул за угол и стал притормаживать. — Похоже, вас ждёт замечательный сюрприз. Если я не ошибаюсь, мы пойдём в очень интересное место.

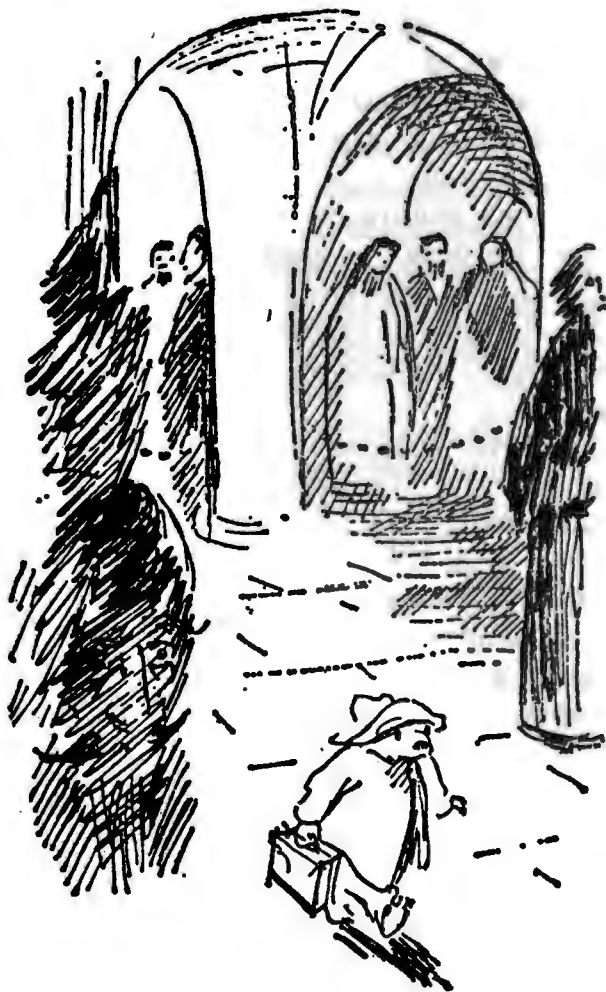
Больше мистер Крубер ничего не успел объяснить, потому что водитель пригласил всех на выход, а потом подвёл их к громадному зданию, стоявшему на оживлённой центральной улице.

Мистер Крубер задержался у входа, чтобы купить путеводитель, а Паддингтон терпеливо дождался, с интересом поглядывая по сторонам.

Вдруг он заметил в дальнем углу вестибюля маленький киоск, и глаза его тут же вспыхнули: в киоске продавались цветные открытки и на некоторых из них были как раз те здания, мимо которых они проезжали.

Вот прекрасный случай отблагодарить мистера Крубера за такую замечательную поездку! Паддингтон знал, что друг его очень любит открытки.

Убедившись, что никто не подглядывает, Паддингтон вытащил из потайного кармашка несколько монет и побежал к киоску.

— Дайте мне, пожалуйста, две цветные открытки! — важно попросил он, стуча по стеклу. — Самые красивые!

Паддингтон был невелик ростом и привык к тому, что его не сразу замечают, но на сей раз это переходило всяческие границы: тётяшка-киоскёрша с отсутствующим выражением лица глядела поверх его головы куда-то вдаль. Паддингтон с тревогой заметил, что их группа уже поднимается по лестнице, и попытался усостыжить тётяшку особым суровым взглядом, но в кои-то веки раз это ничуть не помогло.

— Я хотел купить открытки, — объяснил он мистеру Круберу, который подоспел на помощь. — Но она меня не слышит...

— Боюсь, что и не услышит, — огорчил его мистер Крубер. — Видите ли, мистер Браун, она из воска!

Паддингтон уставился на киоскёршу.

— Из воска? — возмущённо повторил он. — Первый раз вижу продавщицу из воска!

Мистер Крубер усмехнулся.

— Она здесь не одна такая, — сказал он. — Это Музей восковых фигур мадам Тюссо*. А киоск — просто шутка, они такие любят. Вон настоящий, с другой стороны.

---

* Музей восковых фигур появился в Лондоне в восемнадцатом веке и носит имя своей основательницы — мадам Тюссо. Сначала он находился на Бейкер-стрит, а потом переехал на Мэрилебон-роуд. Эта забавная и поучительная экспозиция пользуется колоссальным успехом, тем более что в том же здании находится ещё одна достопримечательность — лондонский Планетарий.

Мистер Крубер повёл его в дальний конец вестибюля, продолжая рассказывать про музей.

— Прежде всего тут собраны фигуры всяких знаменитых людей, — объяснял он, отдавая продавщице деньги за две открытки. — Но не только, есть ещё и такие вот фигуры-обманки! Некоторые выглядят совсем как живые, сразу и не отличишь. Вы не первый, кого обвели вокруг пальца, мистер Браун.

Паддингтон слушал в оба уха. Теперь, зная, в чём фокус, он обратил внимание, что вокруг довольно много до странности неподвижных фигур. У входа, точно аршин проглотив, застыл полицейский, а на лестнице, вытянув руку, замер служитель в форменной куртке, как две капли воды похожий на статуи, которые они с мистером Крубером видели по дороге.

— Вот только день мы с вами, мистер Браун, выбрали неудачный, — посетовал мистер Крубер, прервав его размышления. — Сегодня тут перед нами чуть не половина Лондона!

Не успел Паддингтон кивнуть, как мистер Крубер внезапно исчез в толпе. А сзади, судя по всему, напирала вторая половина Лондона. Кроме того, Паддингтон только что сделал очень неприятное открытие: недоеденная шоколадка, которую он на всякий пожарный случай держал в лапе, совсем размякла от жары.

Хотя Паддингтону и случалось время от времени учинить в доме первостатейный разгром, в душе он был медведем чистоплотным и сразу же

стал искать, куда бы засунуть раскисшую шоколадку, чтобы не слишком заляпать пол. В такой давке и думать нечего было о том, чтобы снять шляпу или открыть чемодан, и он совсем уж было отчаялся, как вдруг приметил совсем рядом того самого воскового дяньку в форменной куртке.

Недолго думая, Паддингтон всунул липкий комок в протянутую руку и завертел головой в поисках мистера Крубера. Но тут, покрывая гул толпы, над ним загремел грозный голос:

— Эй! Кто это тут безобразит?

Медвежонок обернулся, и у него душа ушла в пятки: дянька ни с того ни с сего ожил и теперь высоко поднимал перемазанную шоколадом ладонь, чтобы все видели.

— Твоя работа, мишук? — спросил он, с подозрением глядя на медвежонка.

— Я думал, вы из воска, — огорчённо пояснил Паддингтон. Он отчаянно озибался в поисках помощи, но мистера Крубера нигде не было.

— Эй! — завопил слугитель. — Вернись! Держите мишука!

Но Паддингтон уже мчался вниз по лестнице. Оборот дела совсем ему не понравился. Несколько дежурных уже глядели на него во все глаза, и, протискиваясь сквозь толпу поджидających у входа посетителей, он лихорадочно высматривал, куда бы спрятаться.

Крепко вцепившись в ручку своего чемодана, он протопал через вестибюль и оказался возле ещё одной лестницы. Голос пострадавшего слугителя звучал все ближе и ближе, и Паддингтон даже не успел прочесть табличку над лестницей — да и в любом случае больше деваться было некуда.

Сбежав по ступенькам, медвежонок оказался в просторной комнате, очень похожей на подземелье. Здесь было куда темнее, чем в других залах, и все же Паддингтон разобрал в полумраке, что перед ним открывается длинный, выложенный камнем коридор, в который выходят двери множества узких комнатшек и в каждой сидит по несколько фигур.

Голоса преследователей приближались с каждой секундой, и Паддингтону ничего не оставалось, кроме как перелезть через цепочку и застыть в подобающей позе в дальнем углу одной

из комнатушек. Тут же в зал ввалилась целая толпа служителей, которые принялись обшаривать все закоулки.

Минута проходила за минутой, и Паддингтон уже пожалел, что не выбрал лежащую или хотя бы сидячую позу. Стоять на одной задней лапе, растопырив обе передние, оказалось не слишком-то приятно, тем более в душной комнатушке, где думать об удобствах было попросту некогда.

Наконец вопли и топот замерли в отдалении — преследователи снова умчались наверх. Паддингтон облегчённо вздохнул, но не успел он шевельнуть лапой или даже моргнуть глазом, как наступившую было тишину снова нарушили чьи-то голоса. Они всё приближались и вскоре приблизились совсем.

— В каталоге сказано, это Чарли Пис*, — сообщил дяденька. — Но я никогда не думал, что он такой мохнатый...

— Если это Чарли Пис, — отозвалась его спутница, — то я — царица Савская**. И потом, где на нём номерок? У всех остальных есть номерки.

---

* За такое сравнение не грех и обидеться. Чарли Пис — один из самых печально знаменитых английских преступников девятнадцатого века. На совести у него — и грабежи, и подлоги, и убийства, а поймать с поличным его не могли очень долго, несмотря на особую примету — отсутствие пальца на левой руке. Кстати, Пис отлично играл на скрипке и был талантливым изобретателем — изобрел, например, очень удобный набор воровских инструментов. Родился этот неправильный гений в 1832 году, а закончил свою жизнь в 1879-м, на виселице.

** Царицей Савской тёнька быть ну никак не могла. Царица Савская — из Библии и жила очень давно, во времена царя Соломона.

— Может, это его друг? — предположил детский голосок.

— Экая страхолюдина, — продолжала тётенька. — Они тут все один страшнее другого. Просто все до единого. Не смотри на него, Лил.

— Может, и страхолюдина, — вмешался дяденька, — зато совсем как живая. Представляешь, каково лепить усы из воска? Странно, что они не растаяли от жары.

Этого Паддингтон уже не вынес. Он открыл глаза и уставился на говоривших. А перед комнатухой появлялись всё новые и новые зрители, пока наконец любопытная толпа не запрудила весь коридор. Просто удивительно, в какую можно влипнуть историю, попросту попытавшись избавиться от липкой шоколадки!

— Никакой я не Чарли Пис, — сообщил медвежонок, приподнимая шляпу. — Я Паддингтон Браун из Дремучего Перу.

Что тут началось! Если сравнить, то Паддингтоново удивление, когда дяденька на лестнице вдруг заговорил, казалось просто пустяком.

Увидев, что рты у зрителей открываются сами собой, Паддингтон тут же принял прежнюю позу, закрыл глаза и даже пару раз всхрипнул для верности, но, как вы понимаете, было уже слишком поздно. Те, кто стоял поближе, ахали и охали, а те, кто стоял подальше, нетерпеливо гомонили, пытаясь выяснить, что произошло.

В разгар этой суматохи к общему шуму вдруг прибавился топот тяжёлых сапог, и на плечо медвежонку легла тяжёлая рука.

— Ага, попался! — сказал торжествующий голос. — Если не ошибаюсь, ты тот самый мишук, который перепутал меня с мусорной корзиной.

Паддингтон открыл глаза и упёрся взглядом в тёмно-синюю форменную куртку.

— Я ведь не знал, что вы настоящий, — попытался он оправдаться. — Мне просто надо было куда-то выбросить шоколадку...

— Я тут уже пятьдесят лет работаю, можно сказать, с малолетства, — горько поведал служитель, поднимая ладонь для всеобщего обозрения. — И вот дожил — медведи в меня свой мусор складывают. Пойдём-ка, дружок, повидаем директора. Уж он тебе покажет, где раки зимуют.

— Покажет, где раки зимуют?! — вконец растерялся Паддингтон.

— Вот-вот, — поддакнул служитель и, отвечая на вопрос, долетевший из толпы, добавил: — Да никакой он не Чарли Пис, а только всё равно злодей злодеем...

Пока дяденька разглагольствовал, Паддингтон встал на четвереньки и поглубже нахлобучил шляпу. Через несколько минут по Музею мадам Тюссо снова разнеслись крики и вопли, но на сей раз они двигались в сторону лестницы, по которой со всех лап взлетела маленькая мохнатая фигурка. Паддингтон любил, чтобы затраченные деньги окупали себя, но сегодня приключений и загадок ему хватило с лихвой, на все семь с половиной шиллингов.

— Слава богу, что мы так удачно столкнулись, — сказал мистер Крубер чуть позже, когда они пили чай в его лавке. — Я искал вас по всему музею, но мне и в голову не пришло заглянуть в Комнату Ужасов*.

Паддингтон принялся заново пересказывать всю историю, а мистер Крубер только посмеивался.

— То-то они удивились, когда вы сняли шляпу, мистер Браун! — веселился он. — Они, верно, решили, что вы один из ужасов!

Тут мистер Крубер кашлянул и поспешно переменял тему, чтобы медвежонок, чего доброго, не обиделся; но тот глядел в окно и пропустил шутку мимо ушей.

Дело в том, что мимо как раз проходил мальчишка-газетчик с целой кипой листков последних новостей. Поперёк листка было крупно-крупно напечатано: «НОВОСТИ ИЗ МУЗЕЯ ВОСКОВЫХ ФИГУР. ЕЩЁ ОДНА ЗАГАДКА?»

Газетчик шёл слишком далеко, и разобрать текст было невозможно, но в одном из заголовков явственно различалось слово «медведь».

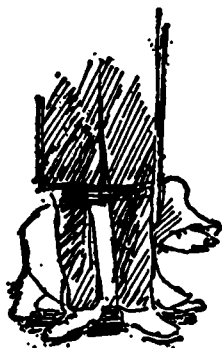
— Ну и дела! — поразился мистер Крубер, поглядев в ту же сторону. — Давайте-ка, мистер Браун,

---

* Комната Ужасов — пожалуй, самая широко известная часть Музея мадам Тюссо. Это подземелье, в котором собраны изображения самых крупных преступников в мировой истории, а также представлены самые распространённые виды казни. Для пущего устрашения там всегда царит полумрак, так что принять медведя за злодея совсем нетрудно!

поскорее купим такой листок. И лучше даже несколько. Один — для вашего дневника, остальные — подарить на память. От желающих, я уверен, отбою не будет.

— Ведь в конце концов, — добавил он, когда медвежонок побежал к дверям, — одно дело — поехать за загадкой на автобусе, а совсем другое — устроить её самому, да ещё по возвращении прочитать о ней в газетах!

ДЕНЬ НА ПЛЯЖЕ

Мистер Браун стоял в дверях дома номер тридцать два по улице Виндзорский Сад и щурился на яркое солнышко, выглядывавшее из-за соседних крыш.

— Кто за поездку к морю — руки вверх! — кликнул он, оборачиваясь через плечо.

— Делать такие предложения — значит напрашиваться на неприятности, — укорила его миссис Браун, когда замерли вопли и взвизги, а три пары ног умчали своих владельцев наверх — собираться.

— Я что-то заметил, что вы с миссис Бёрд рук не подняли, — обиженно проговорил мистер Браун. — Не понимаю почему.

— Знаю я твои поездки, Генри, — тяжело вздохнула миссис Браун. — Мне потом неделю не оправиться.

— А кое-кому, между прочим, приходится делать бутерброды на всю честную компанию, — с намёком добавила миссис Бёрд.

— Бутерброды? — повторил мистер Браун. — Какие ещё бутерброды? — Он залихватски взмахнул рукой. — Мы сегодня обедаем в ресторане! Кутить так кутить! Мы уже сто лет никуда не ездили.

— Гм... — Миссис Браун с сомнением покачала головой. — Ну что ж, мы тебя предупредили.

Может быть, она собиралась добавить и ещё что-нибудь, но тут новый взрыв топота возвестил о прибытии Джонатана, Джуди и Паддингтона, навьюченных пляжными принадлежностями. Больше всего вещей оказалось у медвежонка. Кроме чемодана и неизменной шляпы, при нём были соломенная панамка, надувной мяч, плавающий круг, ведёрко, лопатка, вертушка на длинной палке, бинокль и целый рулон карт.

Миссис Браун придирчиво осмотрела его багаж.

— У покорителей Эвереста и то было меньше поклажи, — вздохнула она.

— Просто они не брали с собой медведей, — пояснила миссис Бёрд. — И кроме того, вряд ли оставляли по всей лестнице след прошлогоднего песка.

Паддингтон огорчённо поглядывал из кучи своих вещичек, выслушивая все эти колкости. Он твёрдо знал, что всегда лучше заранее приготовиться к любой неожиданности, а если судить по предыдущим поездкам, на пляже могло случиться всё, что угодно, — и обычно случалось.

— Ну, вперёд! — выручил его мистер Браун. — Надо трогаться, а то попадём в час пик и вообще никуда не доедем. Денёк на свежем воздухе всем нам пойдёт на пользу. Поможет тебе стряхнуть пыль с ушей, Паддингтон.

Паддингтон насторожил упомянутые уши.

— Пыль с моих ушей, мистер Браун? — растерянно повторил он и с совсем уж унылым видом поплёлся к машине.

Пока Джонатан, Джуди и мистер Браун затакивали сумки в багажник, а миссис Браун и миссис Бёрд переодевались наверху, Паддингтон стоял на переднем сиденье и встревоженно разглядывал себя в зеркале заднего вида. На ушах оказалось несколько клочков ваты и старых пятен мармелада и какао, но, сколько он ни вглядывался, ему не удалось обнаружить ни пылинки.

Всю дорогу медвежонок вёл себя на удивление тихо, и когда машина, миновав вершину холма, зашуршала колёсами по длинному спуску, он ещё пребывал в глубокой задумчивости. Однако, едва они подъехали ближе к пляжу, запах моря и вид многочисленных купальщиков, разгуливавших вдоль кромки воды, вытеснили из его головы все прочие мысли.

Паддингтон страшно любил поездки, особенно к морю, с мистером Брауном, поэтому, пока они колесили вдоль берега, подыскивая, где бы остановиться, он на радостях высунул голову в окно и вертел ею в разные стороны.

— Свистать всех наверх! — скомандовал мистер Браун, пристроив наконец автомобиль на свободном месте. — Разгружай!

Паддингтон сгрёб свои пожитки и выскочил на тротуар.

— Пойду поищу местечко на пляже, мистер Браун! — вызвался он.

На заднем сиденье миссис Браун и миссис Бёрд переглянулись.

— Одно точно, — заметила миссис Браун, помогая своей экономке вылезти из машины. — Хотя в экспедиции на Эверест и не было медведей, у них, по крайней мере, были шерпы, которые несли поклажу!* Вот, полюбуйтесь!

— Сейчас всё будет в порядке, — прокричал мистер Браун, погребённый под грудой сумок и авосек. — Где Паддингтон? Он сказал, что найдёт нам местечко.

— Вон он! — Джонатан указал на пляж, где уже стояли рядом шесть складных стульев. — Он разговаривает с дяденькой, который продаёт билеты.

— Ай-ай-ай! — встревожилась миссис Браун. — Он, похоже, чем-то расстроен. Интересно, что с ним могло случиться?

— Умеет же Паддингтон влипнуть в историю! — заметила Джуди. — Мы тут ещё и минуты не пробыли!

---

* Шерпы — название народа, который живет в восточном Непале, в том числе и в районе горы Эверест. Основное занятие шерпов — помогать альпинистам: альпинисты покоряют вершины, а шерпы тащат следом всю тяжёлую поклажу!

Брауны поспешили вниз по ступенькам, ведущим к пляжу, и вскоре до их слуха донёлся хорошо знакомый голосок.

— Три шиллинга! — горестно восклицал он. — Три шиллинга только за то, чтобы посидеть на стуле!

— Нет, приятель, — поправил дяденька с билетами. — Не только за то, чтобы посидеть на стуле. У тебя этих стульев шесть штук, по шесть пенсов за каждый. Шестью шесть получается тридцать шесть.

Паддингтон окончательно пал духом. Ему так повезло отыскать удобное местечко и целую груду стульев, но не успел он расставить их в ряд, не говоря уж о том, чтобы опробовать на прочность, как из будки неподалёку явился дяденька с большим рулоном билетов и принялся скандалить.

— Три шиллинга! — повторил медвежонок, опускаясь на ближайший стул.

— Знаю я вашего брата, — громко начал дяденька, адресуя свои наставления всем близлежащим купальщикам. — Наберёте себе стульев, а когда я подхожу, притворяетесь, что спите. Или заливаετε, будто ваши билеты сдуло в воду. Убытку от вас компании — сотни фунтов...*

Он не договорил, потому что тут у самых его ног раздался придушенный писк.

---

* Недаром говорят, что Англия — страна частной собственности. Компания, в которой служит Паддингтонов собеседник, по всей видимости, взяла на откуп пляж в Брайтси. Она занимается его благоустройством, следит за чистотой, поставяет все необходимое для купальщиков — ну и конечно, требует за это деньги.

— Эй! — Он нагнулся и уставился на брыкающуюся грудку полосатой материи. — Что стряслось?

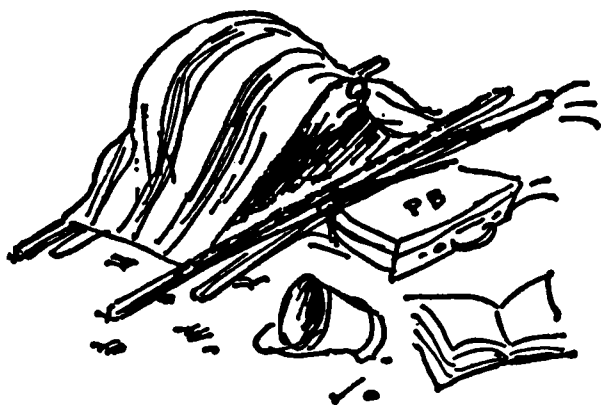
— Помогите! — снова завопил придушенный голос.

— Ах ты, недотёпа, — проговорил дяденька, выгребая медвежонка из-под развалин стула. — Ты, наверное, спинку не выпрямил до конца.

— Как это не выпрямил? — удивился Паддингтон, на всякий случай расправляя плечи.

— Ну так оно и есть, — подтвердил дяденька. — Надо оттянуть её назад, пока не щёлкнет. Понятное дело, ты свалился.

Паддингтон поглядел на дяденьку суровым взглядом, поднялся и раскрыл чемодан. Мало того что с него требовали шесть пенсов только за то, чтобы просто посидеть на стуле, так стул этот ещё и складывался сам собой и к нему не прилагалось никаких инструкций — это уж ни в одни ворота не лезло.

— Инструкции? — повторил дяденька, беря у медвежонка деньги и вручая тому шесть билетов. — Ишь чего придумал, инструкции к складным стульям! Больно ты много хочешь, за шесть-то пенсов.

— Надеюсь, всё у вас в порядке, — проговорил подоспевший мистер Браун, всовывая дяденьке в руку что-то круглое и блестящее.

— Конечно в порядке! — Дяденька ощупал монету, и выражение его лица мигом сменилось на благожелательное. — Так, можно сказать, небольшое недоразумение. Знаешь что, приятель? — продолжал он, оборачиваясь к медвежонку и почтительно прикладывая руку к козырьку. — Я и сам понимаю, что медведю твоих лет накладно бывает ездить к морю, да ещё с такой компанией. Но если хочешь подзаработать деньжат — мой тебе совет: гляди в оба и не пропусти Дэвида Друка.

— Какого Дэвида Друка? — удивился Паддингтон.

— А вот такого, — сказал дяденька, указывая на большой плакат, пришпиленный к стене. — Он один из этих, из газетчиков, и как раз сегодня приехал в Брайтси. Так вот, тому, кто первым предстанет перед ним и скажет: «Вы — Дэвид Друк!», он обещал пять фунтов награды. Только при этом обязательно надо держать в руках его газету. А то ничего не получишь.

С этими словами дяденька снова козырнул и заторопился в сторону ещё одной новоприбыв-

шей компании, а Брауны принялись располагаться на отвоёванном Паддингтоном местечке.

Мистер Браун обернулся, чтобы поблагодарить медвежонка за стулья, но тот уже убежал к стене, которая огораживала пляж, и с задумчивым выражением разглядывал висевший на ней плакат.

Сверху на плакате красовались огромные красные буквы: «НЕ УПУСТИ СВОЙ ШАНС». Чуть ниже помещалась фотография дяденьки в фетровой шляпе и сообщение, что Дэвид Друк, известный журналист из газеты «Дейли глоб»*, сегодня находится в Брайтси.

А ниже совсем мелким шрифтом излагалось то, о чём уже говорил дяденька-билетёр. Паддингтон потратил довольно много времени, прежде чем добрался до конца, поскольку самые интересные места он на всякий случай перечитывал по два раза.

Но как ни прочитай, получалось одно и то же: Дэвид Друк с радостью выдаст пять фунтов любому, кто предстанет перед ним, и более того: если к концу дня у него останется хоть одна невыданная пятёрка, его отдых на море будет безнадёжно испорчен!

— Ого! — не поверил своим глазам мистер Браун. — Паддингтон сегодня так и сорит деньгами! Посмотрите, купил себе газету...

---

* «Дейли глоб» можно приблизительно перевести как «Мир за один день». Это довольно известная английская газета, которая освещает вопросы мировой политики. Но, как видите, несмотря на известность, и она тоже нуждается в рекламе.

— Не дай бог ему попадётся кто-нибудь похожий на этого Друка, — мрачно заметила миссис Бёрд. — Я уже предвижу, что добром дело не кончится...

Мистер Браун натянул купальный костюм.

— Эй, Паддингтон! — окликнул он. — Пошли купаться!

Паддингтон бросил последний взгляд на портрет Дэвида Друка и медленно вернулся к своим. Он с самого утра предвкушал, как поплещется в водичке, но теперь ему что-то совсем расхотелось. Он, конечно, любил купаться в море, но не настолько, чтобы ради этого упустить Дэвида Друка и свои пять фунтов!

— А может, он тоже купается? — предположила миссис Бёрд.

Паддингтона эта мысль окрылила. Он вытащил свой бинокль и принялся разглядывать головы, торчавшие из воды. Среди них не оказалось ни одной в фетровой шляпе, и тем не менее Паддингтон натянул плавательный круг и побежал к морю, в одной лапе крепко сжимая чемодан, а в другой — газету.

Миссис Бёрд вздохнула. Паддингтон, правда, был слишком далеко, чтобы в подробностях разглядеть выражение его мордочки, но то небольшое, что она успела заметить, ей совсем не понравилось. Даже со своего места она видела, какие суровые взгляды бросает Паддингтон на окружающих.

— И почему мы не можем отдохнуть спокойно, как любая нормальная семья? — пожаловалась она.

— По крайней мере, пока он занят, он ничего не натворит, — отозвалась миссис Браун. — И он всё время на виду, что уже немало.

— Ну, это ненадолго, — мрачно предрекла миссис Бёрд, глядя, как медвежонок зашлёпал по мелководью в сторону пирса. — До конца дня ещё ух как далеко. Вот попомните мои слова...

А Паддингтон, и не подозревавший, как за него тревожатся, уходил всё дальше и дальше, время от времени останавливаясь, чтобы сравнить фотографию в газете с лицом кого-либо из окружающих.

На пляже становилось всё многолюднее. Медвежонку попадались толстые дяденьки в шортах, худые дяденьки в купальных костюмах, дяденьки всех видов и размеров. Они были в панамках,

в кепках, в цветных бумажных колпаках, один даже нацепил цилиндр, но на всём пляже не нашлось ни одного, который хоть отдалённо напоминал бы Дэвида Друка.

Во время третьего прохода Паддингтон остановился возле пирса, утёр лоб и ещё раз посмотрел на плакат. Удивительное дело, но с каждым разом выражение лица Дэвида Друка становилось всё менее располагающим. Поначалу это была обычная приветливая физиономия, а теперь на ней явно проступила довольно ехидная ухмылка, которая медвежонку совсем не понравилась.

Вздыхнув, он выбрал уголочек поукромней, сел, прислонившись спиной к горке складных стульев, и решил хорошенько обдумать своё положение. Надо сказать, что в общем и целом оно его совсем не радовало. Если бы ему удалось найти продавца, у которого он купил газету, он скорее всего потребовал бы свои деньги назад. Но с каждой минутой народу на пляже всё прибывало и шансов отыскать провинившегося газетчика, не говоря уж о Дэвиде Друке, становилось всё меньше и меньше...

Паддингтон задумался, и глаза его сами собой закрылись. Несколько раз он пытался открыть их лапой, но вскоре обильный завтрак, несколько порций мороженого и прогулки по горячему песку под горячим солнышком, не говоря уж о мерном шорохе волн, набегавших на берег, сделали своё дело, и к оживлённому пляжному гулу прибавилось негромкое посапывание.

Миссис Браун облегчённо вздохнула.

— Слава богу! — проговорила она, заметив мохнатую фигурку, которая спешила к ним по набережной. — А я уж испугалась, не случилось ли с ним чего!

Мистер Браун снял сумки с последнего свободного стула за их столиком.

— Давно пора, — проворчал он. — Я сейчас умру с голоду!

Чтобы избежать толкотни, Брауны договорились встретиться к обеду на террасе большой приморской гостиницы, и в назначенный час все оказались в сборе — за исключением Паддингтона. А хотя Паддингтон и имел привычку исчезать в самые неподходящие моменты, это очень редко касалось завтраков, обедов и ужинов; однако минуты шли, соседние столики постепенно заполнялись народом, и Брауны беспокоились всё сильнее и сильнее.

— Где, скажи на милость, ты был? — спросила миссис Браун, когда медвежонок подошёл ближе.

Паддингтон с отрешённым видом приподнял шляпу.

— Я смотрел сон, миссис Браун, — туманно пояснил он.

— Сон? — поразилась миссис Бёрд. — Я думала, ты дома выспался.

— Это был специальный пляжный сон, — пояснил медвежонок, слегка обиженный. — Совсем не такой, как дома.

— Ну уж я себе представляю, — вставила Джу-ди, — если ты из-за него даже к обеду опоздал!

Мистер Браун вручил Паддингтону длинню-щее меню.

— Мы заказали тебе суп для начала, — сообщил он. — Выбирай, что ты будешь есть потом...

Брауны глядели на своего мишутку с некото-рой тревогой. Он действительно вёл себя в выс-шей степени странно. Едва усевшись, он тут же вскочил и в страшном возбуждении уставился на кого-то в бинокль.

— Что случилось? — удивился мистер Браун.

Паддингтон подкрутил винтик, чтобы лучше видеть.

— По-моему, это Дэвид Друк, — объявил он, указывая за соседний столик.

— Дэвид Друк? — повторила миссис Браун. — Вряд ли. Смотри, у него же борода!

— А у Друка её и в помине нету, — подтвердил Джонатан. — Я сам видел на всех плакатах.

Паддингтон принял и вовсе загадочный вид.

— Как раз об этом и был мой сон, — пояснил он. — Только, кажется, мне это вовсе и не присни-лось. Пойду предстану перед ним!

— О господи! — Миссис Браун встревоженно проводила его глазами. — А может, не стоит?

Но было слишком поздно — Паддингтон уже стоял за спиной ничего не подозревавшего боро-дача и похлопывал его по плечу.

— Дайте мне, пожалуйста, пять фунтов, мистер Друк, — попросил он, поднимая повыше «Дейли глоб».

Бородач застыл, не донеся до рта ложку с супом.

— Спасибо, не надо, — проговорил он, увидев газету. — У меня уже есть.

— Я не медведь-газетчик, — терпеливо разъяснил Паддингтон. — Вы — Дэвид Друк из «Дэйли глоб», и я пришёл предстать перед вами.

— Предстать передо мной? — совсем растерявшись, повторил дяденька. — Но я никакой не Друк. Я и не слыхивал о таком.

Паддингтон набрал побольше воздуха и бросил на бородача самый суровый взгляд, на какой только был способен.

— Если вы не дадите мне пять фунтов, — заявил он запальчиво, — я позову полицейского!

Бородач ответил почти столь же суровым взглядом.

— Ты позовёшь полицейского? — вскричал он. — Нет, медведь, это я позову полицейского, если ты сию же минуту не исчезнешь с глаз моих!

Паддингтон был медведь честный и не любил нечестности в других, поэтому несколько секунд он стоял как вкопанный, не веря своим глазам, а ушам и подавно. И вдруг, прямо на виду у Браунов и всех прочих посетителей ресторана, он протянул лапу, ухватил дяденьку за бороду и как следует дёрнул.

Зрители были ошарашены таким поворотом событий, а дяденька с бородой и вовсе обалдел. Он схватился рукой за подбородок и вскочил, огласив террасу гневным воплем.

У Паддингтона рот открылся сам собой, и он уставился на свои лапы, в которых ничего не было.

— Извините, пожалуйста! — воскликнул он, вежливо приподнимая шляпу. — Я, похоже, обознался...

— Обознался? — взревел бородач, тыча салфеткой в брюки, залитые супом. — Где директор? Подать сюда директора! Я требую объяснений!

— У меня есть объяснение, — несчастным голосом проговорил медвежонок, — только, боюсь, не очень хорошее...

— Полундра! — простонал Джонатан, увидев, что к месту происшествия поспешно направляется директор в чёрном костюме, а за ним стайкой бегут официанты. — Опять как всегда...

— За всю мою жизнь, — отчеканила миссис Бёрд, — я ещё ни разу не встречала медведя с таким даром вставать в истории. И что теперь делать прикажете?

* * *

Мистер Браун откинулся в кресле директора гостиницы и удивлённо уставился на медвежонок.

— Так значит, — уточнил он, — ты действительно видел за стульями человека, который нацеплял фальшивую бороду?

— Их было два, — поправил медвежонок. — Я сначала подумал, что мне это снится, но потом они ушли, и я понял, что это был никакой не сон...

— Всё равно не понимаю, почему ты решил, что этот человек за стульями и есть Дэвид Друк, — недоумевала миссис Браун.

— Я, кажется, догадался, в чём дело, — вмешался полицейский. — Он просто перепутал имена.

— Видите ли, похоже, ваш мишка столкнулся с Пляжником Чарли и его дружкой, — пояснил второй полицейский. — Они всегда говорят один другому «друг». Насмотрелись небось ковбойских фильмов...

— Пляжник Чарли! — ахнула миссис Бёрд. — Ну и ну!

— Воришки на доверие, — пояснил первый полицейский. — Летом они по большей части ошибаются на пляжах южного побережья. Мы уже давно за ними охотимся, но всякий раз им удаётся улизнуть. Дело в том, что они очень хитро меняют внешность. А теперь, благодаря вашему мишке, у нас есть довольно чёткое представление, кого искать. Полагаю, ему причитается небольшое вознаграждение.

Брауны переглянулись. После скандала в ресторане кабинет директора показался им на редкость тихим и спокойным. Даже бородатый дяденька, когда немного пришёл в себя, с большим почтением выслушал Паддингтонов рассказ.

— За кого только меня в жизни ни принимали, — восклицал он, — но только не за Дэвида Друка и уж тем более не за Пляжника Чарли!

— С Паддингтона станется обнаружить бороду прямо за соседним столиком! — вставил Джонатан.

Директор кашлянул.

— Ну, это как раз неудивительно, — заметил он. — В Брайтси сейчас проходит конгресс фокусников, и многие участники остановились в нашей гостинице. Так что бород здесь хватает.

— Ну и ну! — ахнула миссис Бёрд, выглянув через окошечко в зал. — И правда ведь! Вы только поглядите!

Остальные посмотрели в ту же сторону. Действительно, куда ни глянь, всюду маячили бороды. Длинные бороды, куцые бороды, аккуратно подстриженные бородки и косматые бородищи.

— Никогда в жизни не видел столько бород разом, — признался мистер Браун. — Надо думать, именно поэтому Пляжнику Чарли и пришлось в голову тоже обзавестись бородой...

— Верно, сэр, — подтвердил полицейский. — Ещё хорошо, что наш косолапый приятель не взялся дёргать за все бороды подряд. Вот тогда был бы скандал так скандал!

— Надеюсь, вы удостоите меня чести пообедать в вашем обществе, — проговорил, обращаясь к Брауну, бородач, когда полицейские собрались уходить. — Видите ли, — тут он повернулся к медвежонку, — я и сам фокусник. Великий Умберто. Если изволите, за обедом я с удовольствием покажу вам парочку фокусов...

— Спасибо большое, мистер Умберто! — тут же согласился медвежонок, и директор побежал приготовить им столик. — Это будет очень здорово!

Паддингтон решил, что, несмотря ни на что, поездка к морю все-таки удалась. Хотя он и не сумел предстать перед Дэвидом Друком и заработать пять фунтов, но ведь не каждый же день выпадает счастье пообедать с настоящим фокусником!

— Гм... — проговорила миссис Бёрд, шагая к террасе. — Готова поспорить, что Паддингтон сейчас покажет нам фокус «исчезновение обеда» похлеще любого Великого Умберто.

Медвежонок, расслышав эти слова, кивнул в знак согласия. Обычное обеденное время давно

прошло, а работа сыщика — тем более на пляже — оказалась крайне изнурительным занятием.

— По-моему, у меня ни одной пылинки на ушах не осталось, мистер Браун! — объявил он и, когда все согласно закивали головами, с аппетитом приступил к честно заслуженному обеду.

МЕТКИЙ УДАР

— Это, конечно, абсолютно не моё дело, — проговорила миссис Бёрд, отрываясь от уборки стола, — но вам не кажется, что наш мистер Карри ни с того ни с сего разбогател? — Она кивнула в сторону соседского сада. — Смотрите-ка, он снова упражняется в гольф. И так уже третье утро*.

---

* Немуद्रено, что миссис Бёрд удивилась, — гольф в Англии считается игрой только для богатых. Напомним, что играют в него на больших открытых пространствах (полях для гольфа); на поле, на довольно большом расстоянии друг от друга, расположено девять или восемнадцать углублений — лунок, а у каждого игрока есть специальная клюшка (как правило, не одна!), и его задача — ударяя по маленькому белому мячу, немного похожему на теннисный, загнать его во все лунки, сделав минимальное число ударов. Гольф давно уже стал национальной игрой англичан, и с ним связано множество обрядов и традиций, а также множество выражений и словечек, в которых, как Паддингтон скоро поймёт на собственном опыте, не так-то легко разобраться.

— Действительно, очень странно, — согласилась миссис Браун, когда в подтверждение слов её экономки из соседнего сада раздался звонкий удар клюшки по мячу. — Он вчера весь день приводил в порядок свою лужайку и копал на ней лунку, а вон его бриджи висят на веревке.

Паддингтон, который до этого момента был поглощён важным делом — как бы прикончить гренки с мармеладом, прежде чем миссис Бёрд уберёт их со стола, — внезапно поперхнулся от удивления.

— Три «жы» мистера Карри? — выдавил он, прокашлявшись.

Он с любопытством уставился в окно на бельевую верёвку мистера Карри, но, честно говоря, ничего особенного в ней не увидел. Никаких «жов» — тем более трёх — на ней не оказалось, только кухонное полотенце, пара свитеров да ещё странного и неопрятного вида брюки, которые уныло обвисли — утро было тихое и безветренное.

— Это и есть бриджи, — пояснила миссис Браун. — Такие специальные спортивные брюки. В старые времена их носили все игроки в гольф. А теперь их нечасто встретишь!

Миссис Браун странное поведение мистера Карри озадачило не меньше, чем их экономку. Мало того что мистер Карри слыл в округе страшным скрягой, он был ещё и скандалистом, занудой и вообще человеком в высшей степени

неспортивным*. Трудно было вообразить, что он вдруг ни с того ни с сего станет заниматься спортом — тем более таким дорогим, как гольф.

— Кстати, о гольфе, — припомнила миссис Браун, отходя от окна, — Генри просил меня достать его клюшки и всё остальное. В гольф-клубе в субботу «открытый день»**, и он хочет пойти поиграть. Похоже, народу будет уйма. Приедет сам Арнольд Паркер, и не только приедет, но и будет судить некоторые состязания. Не знаю, рискнёт ли Генри состязаться, но, похоже, победителям обещаны очень дорогие призы. Самый ценный приз полагается тому, чей мяч улетит дальше всех, и...

— Угу, — вставила на этом месте миссис Бёрд, — дальше можете не объяснять. Уже одной загадкой меньше.

Миссис Бёрд предпочитала не совать свой нос в чужие дела, зато во всём любила ясность.

— Уж если где забрезжит возможность получить что-нибудь задаром, мистер Карри всегда тут как тут, — хмыкнула она и, подхватив поднос с грязной посудой, удалилась на кухню.

---

* В Англии сказать про человека, что он обладает «истинным спортивным духом», — значит сделать ему величайший комплимент. Англичане — поклонники спорта, причём под подлинной спортивностью они понимают не столько физическую силу, сколько честность, отзывчивость, благородство, готовность прийти на помощь в трудную минуту. Мистер Карри считался бы человеком «неспортивным», даже если бы каждое утро подкидывал до потолка пудовые гири.

** В обычные дни пользоваться полем для гольфа могут только члены специального гольф-клуба — как правило, привилегированного и очень дорогого. Однако иногда гольф-клуб организует состязания для всех желающих — это-то и называется «открытым днём».

Когда миссис Браун, собрав оставшиеся чашки и блюда, отправилась следом, Паддингтон вскарабкался на стул и с надеждой выглянул в окно. Однако мистера Карри нигде не было видно, и даже хлопки его клюшки по мячу стихли, поэтому Паддингтон разочарованно слез на пол, а через несколько минут побежал в сад, чтобы поподробнее выяснить, что к чему.

Он уже не раз натыкался на клюшки мистера Брауна, которые пылились в шкафу под лестницей, но ещё ни разу не видел, как же на самом деле играют в гольф, поэтому ему не терпелось полюбоваться на мистера Карри, лупящего по мячу, и рассмотреть вблизи его необыкновенные брюки.

Скорчившись на земле за сараем, он приник глазом к специальной круглой дырочке в заборе, через которую, как правило, открывался великолепный вид на соседский сад; однако на сей раз, как ни странно, он увидел в дырочке лишь непроглядную темноту.

Паддингтон слегка растерялся, но тут же понял, что его «глазок» просто замусорился. Выбрав крепкую подпорку для фасоли, он изо всех сил ткнул в дырочку, надеясь её прочистить. В ту же секунду из соседского сада донёсся оглушительный вопль, и над забором выросла знакомая фигура мистера Карри.

— Медведь!!! — взревел сосед Браунов, прижимая обе руки к правому глазу и пританцовывая на месте. — Ты специально это сделал, медведь?

Выронив от неожиданности палку, Паддингтон предусмотрительно отскочил подальше от забора.

— Что вы, мистер Карри! — воскликнул он. — Я просто думал, что дырочка замусорилась. Если бы я знал, что это вы, я не тыкал бы так сильно. Ну, то есть...

— Что?! — окончательно рассвирепел мистер Карри. — Что ты говоришь?

Паддингтон понял, что объяснять бесполезно, потому что лицо соседа внезапно стало густо-багровым.

— Я хотел посмотреть на ваших трёх «жей», мистер Карри, — объяснил он, повесив голову.

— На каких трёх ежей? — не понял мистер Карри.

— Ну на ваши штаны с тремя «жами». В которых по мячику стучают, — пояснил Паддингтон.

Мистер Карри окинул медвежонка придиричьим взглядом единственного зрячего глаза.

— А, мои бриджи? Так бы и говорил, медведь! — буркнул он, отнимая руку от лица и с подозрением заглядывая за забор. — Слушай-ка, я ищу мяч. Он улетел к вам в сад.

Паддингтон, желая поскорей загладить свою вину, со всех лап бросился на поиски и почти сразу же обнаружил на помидорной грядке гладкий белый шарик.

— Вот ваш мячик, мистер Карри! — обрадовался он. — Ой, только он, кажется, мистеру Брауну помидорный куст сломал...

— Вольно ж людям ставить такие низкие заборы! — не моргнув глазом противный мистер Карри, забирая у медвежонка мяч.

Он внимательно осмотрел мячик со всех сторон — цел ли, — а потом задумчиво поглядел на своего собеседника.

— А я и не знал, что ты интересуешься гольфом, медведь, — бросил он как бы вскользь.

Паддингтон робко ответил на его взгляд.

— Я, наверное, пока ещё не интересуюсь, — ответил он осторожно.

Уже не раз мистер Карри заставлял его врасплох такими вот ничего не значащими замечаниями, и он решил быть настороже, чтобы не подрядиться ненароком строить за шесть пенсов поле для гольфа*.

Мистер Карри оглянулся через плечо, чтобы убедиться, что их никто не слышит, а потом помянул медвежонка пальцем. Тот подошёл поближе.

— Мне нужен «кэдди»**, который носил бы за мной снаряжение во время завтрашней игры, —

---

* Строить поле для гольфа за шесть пенсов — невесёлое занятие. Во-первых, оно очень велико, от двадцати до пятидесяти гектаров; во-вторых, дёрн на нём должен быть мягким и ровным; в-третьих, надо очень точно рассчитать, где копать лунки, где делать ловушки. Даже для поддержания поля в нормальном состоянии и то требуется довольно большое количество народа, потому что в этой игре очень многое зависит от того, что у игроков под ногами.

** «Кэдди» — одно из специальных словечек игроков в гольф. Так называется мальчик, который помогает игроку переносить с места на место мячики, метки, клюшки и прочее снаряжение. Причём клюшек, как правило, бывает несколько — своя для каждого вида ударов. Без помощника игроку и неудобно, да и трудновато — ведь длина одного игрового круга в гольфе до семи километров!

сообщил он вкрадчивым шёпотом. — У меня очень дорогое снаряжение, поэтому я ищу помощника, на которого мог бы положиться.

— И если я найду такого помощника, — продолжал мистер Карри с намёком, — я, может быть, и не стану никому говорить, что он чуть не выколол мне глаз.

— Спасибо большое, мистер Карри... — начал было Паддингтон, совсем уж растерявшись.

Мистер Карри, не дав ему договорить, радостно потер руки.

— Прекрасно! Вот и договорились! — бросил он. — Увидимся завтра на поле, ровно в два часа.

— И запомни, медведь, — строго добавил он, уже собираясь уходить, — раз уж я, по доброте душевной, позволю тебе быть моим помощником, ты будешь отвечать за каждую мелочь. Если потеряется хоть один мячик, тебе придётся покупать новый!

Паддингтон проводил удаляющуюся фигуру соседа скорбным взглядом. Он имел самое приблизительное представление о том, каковы обязанности «кэдди», но, судя по тону последней фразы, получалось, что мистеру Карри снова удалось обвести его вокруг пальца.

В данном случае все самые худшие опасения медвежонка оправдались на полную катушку, и его слабые надежды самому попробовать поиграть в гольф мгновенно рассыпались в прах, едва он на следующий день встретил мистера Карри у входа на поле.

Его сосед пребывал далеко не в лучшем настроении. Время шло, а Паддингтон, всё больше теряя надежду, уныло таскался за ним по горам и по долам, с трудом волоча тяжеленный мешок с клюшками.

Большую часть времени мистер Карри проводил в песчаных ямах*, раскиданных тут и там между восемнадцатью лунками, и с каждой неудачей разъярялся все сильнее; поэтому Паддингтон страшно обрадовался, когда они наконец добрались до того места, где должно было проходить главное состязание, и приостановились ненадолго, дожидаясь своей очереди.

— Смотри в оба, медведь, — предупредил мистер Карри, озираясь. — Я сейчас очень-очень сильно ударю по мячу, а ты ни за что не должен терять его из виду. Я не хочу, чтобы его перепутали с чьим-нибудь чужим.

— Не перепутают, — успокоил его медвежонок. — Я специально прилепил к боку апельсиновую корочку, так что всё в порядке**.

— Апельсинную корочку? — повторил мистер Карри. — А ты уверен, что она не отвалится?

— Уверен, — кивнул медвежонок. — Видите ли, она из моего самого любимого мармелада, который

---

* В песчаные ямы, в отличие от лунок, мячик попадать как раз не должен. Они делаются на поле специально, чтобы осложнить игрокам задачу, и так и называются — ловушками.

** Мера предосторожности, надо сказать, не лишняя. Мячик и клюшка в гольфе устроены так, что у хороших игроков мяч иногда пролетает больше пятисот метров!

продают в «уценённых товарах». Миссис Бёрд говорит, что его даже зубами не отдерёшь.

Объясняя, Паддингтон не забывал поглядывать вокруг. Зрителей собралась целая толпа, и, чтобы показать, что он тоже не лыком шит, медвежонок небрежно опёрся о клюшку — точь-в-точь как Арнольд Паркер на плакатах, оповещающих о сегодняшнем состязании.

Даже мистер Карри и тот перестал хмуриться и явно был доволен положением вещей.

— Ты, надеюсь, понял, медведь, — проговорил он громким голосом, чтобы слышали все вокруг, — что пока я только упражнялся. Так сказать, набивал руку. Я уже очень давно не играл в гольф, поэтому специально берёг силы, чтобы показать себя в этом состязании. Запомни, когда я пойду получать приз, ты должен...

Мистер Карри запнулся, и остальные его великие изречения оказались безвозвратно утрачены, потому что тут раздался громкий треск и Паддингтон кубарем полетел в траву с обломком клюшки в лапе.

— Медведь!!! — взревел мистер Карри, после чего язык перестал ему повиноваться и он только молча тыкал пальцем в обломки своей клюшки.

Паддингтон сел и расстроено уставился на две никчемные деревяшки.

— Может быть, связать их вместе, мистер Карри? — предложил он.

— С-связать? — прошипел мистер Карри. — Связать!.. Моя лучшая клюшка! Да я... Да я...

— Послушайте-ка, — вдруг вмешался голос из-за его плеча. — Я бы на вашем месте лучше извинился перед несчастным медведем. Видел я, как вы долбите по мячу! Ничего удивительного, что после этой игры клюшка сломалась. Хорошо ещё, что обошлось без травм. И если это — ваша лучшая клюшка, вот уж не хотел бы увидеть худшую! Да она вся проржавела!

Дяденька, которому принадлежал голос, с отворачиванием поглядел на обломки клюшки, потом нагнулся и протянул Паддингтону руку.

— Меня зовут Паркер, — представился он. — Арнольд Паркер. Я судья этих состязаний.

— Спасибо большое, мистер Паркер, — отозвался Паддингтон, страшно гордый, что этакая знаменитость помогла ему встать. — А меня зовут Браун, Паддингтон Браун.

— Арнольд Паркер? — встрепнулся мистер Карри. Хмурое выражение точно по волшебству улетучилось с его лица. — Я ведь просто пошутил, — продолжал он, выдавливая улыбку, и потянулся к своей сумке. — Всякое бывает. Конечно же, у меня есть и другая клюшка. Правда, она гораздо тяжелее... Я,

видите ли, пользуюсь ею только во время самых ответственных состязаний, но...

— Напомни, чтобы я не забыл дать тебе шесть пенсов, когда вернётся домой, медведь, — добавил он громким голосом, специально для Арнольда Паркера.

Паддингтон заморгал от удивления. Трудись ты хоть целый день в поте лица, мистер Карри редко раскошеливался, а уж тем более без напоминаний.

— Метки, чай, у тебя готовы? — спросил мистер Карри, занимая позицию на старте.

Паддингтон совсем растерялся. Пластмассовые метки* лежали в сумке, но он никак не ожидал, что в такую ответственную минуту мистер Карри потребует ещё и чая! Тем не менее он не растерялся и, пошарив в своей шляпе, вытащил оттуда кусок булки с мармеладом.

— Чая нет, только вот это, — пояснил он вино-вато.

Мистер Карри взял булку, поглядел на неё, точно не понимая, что это такое, а затем швырнул её на землю.

— Какой ещё чай, медведь? — буркнул он, всё же не стирая с лица фальшивой улыбки. — Зачем ты мне даёшь эту гадость?

Паддингтон поспешно протянул мистеру Карри жёлтую пластмассовую подставочку для мяча, и тот воткнул её в землю.

---

* Меткой называется специальная подставка, на которой игрок устанавливает мяч, прежде чем ударить по нему клюшкой.

Установив на метке Паддингтонов меченый мяч, мистер Карри отступил на шаг, аккуратно прицелился, взмахнул новой клюшкой, но вдруг, ко всеобщему удивлению, издал пронзительный вопль и, проделав опасное сальто-мортале, грохнулся на землю.

— Ну и ну! — подивился Арнольд Паркер. Он нагнулся и уставился на что-то у себя под ногами. — Боюсь, вы случайно наступили на мармелад мистера Брауна!

По счастью, поле для гольфа находилось у самой железной дороги, поэтому ни зрители, ни медвежонок не услышали комментариев мистера Карри к этому сообщению — они потонули в стуке колес проходящего поезда.

— Мармелад! — заорал он громче прежнего, когда поезд прошёл. — На моих лучших бриджах! — Он сел, потирая коленку. — И вдобавок я, кажется, растянул ногу. Как же мне теперь играть?

Мистер Карри корчил такие страшные рожи, что на лице у Арнольда Паркера появилась озабоченность.

— На вашем месте я бы сходил в палатку первой помощи, — посоветовал он. — Возможно, у вас серьёзная травма.

— Медведь! — взревел мистер Карри. — Это всё ты, медведь! Понабросал тут булки с мармеладом...

— Ничего подобного, — пресёк его Арнольд Паркер, снова приходя медвежонку на помощь. — Вы сами её бросили. Если бы не вы, ничего бы и

не случилось. Так что судьба вас справедливо наказала!

— А может, я сыграю за вас, мистер Карри? — с проблеском надежды предложил медвежонок.

Арнольд Паркер задумчиво поглядел на него.

— А почему бы и нет? — спросил он, обращаясь к мистеру Карри. — В правилах нигде не сказано, что медведям не дозволяется играть в гольф, а вам это сэкономит входную плату...

При последних словах мистер Карри навострил уши. Он поглядел на Паддингтона, а потом, побрятев, передал ему клюшку.

— Ну ладно, валяй, медведь, — сказал он довольно-таки грубо. — Всё лучше, чем ничего. Только смотри, бей как следует. И не забудь послать мяч в нужное место, — добавил мистер Карри, когда Паддингтон занял исходную позицию.

— А кому его посылать, мистер Карри? — изумился медвежонок. — Я думал, он вам самому нужен...

— По-моему, он беспокоится о правильной стойке, — попробовал внести ясность Арнольд Паркер.

Паддингтон вконец растерялся. Из всех стоек он помнил только мармеладную, в магазине, но понятия не имел, как и зачем посылать туда мяч, тем более что он даже не помнил адреса. Поэтому он ужасно обрадовался, когда Арнольд Паркер объяснил, что посылать мяч — значит бить по нему клюшкой, а стойка — это поза, которую надо принять перед ударом.

Паддингтон обвёл глазами зрителей. Он так и не понял, зачем было придумывать столько трудных слов, только чтобы стукнуть кривой палкой по маленькому белому мячику.

Ухватив крепче клюшку мистера Карри, медвежонок плотно зажмурил глаза и под испуганные вскрики ближайших зрителей что было силы взмахнул ею.

— Э... может быть, вам лучше подойти чуть поближе? — посоветовал Арнольд Паркер по прошествии нескольких минут, в течение которых Паддингтон без всякого результата махал клюшкой. Судья тревожно взглянул на часы и на длинный хвост игроков, дожидавшихся своей очереди. — Наверное, играть лапами не так-то просто, — ободряюще добавил он.

Паддингтон утёр лоб и неодобрительно покосился на мячик. Будь его воля,

он ввёл бы в гольф массу

усовершенствований — и прежде всего увеличил бы размеры мяча.

Вместе с тем он был не из тех медведей, которые бросают дело на

полдороге, поэтому решил сделать ещё

одну попытку: крепче прежнего вцепившись

в клюшку, он взмахнул ею в последний раз.

Раздался долгожданный хлопок — клюшка ударила по мячу.

— Хлоп! — восторженно вскрикнул кто-то в толпе.

— Шлёп! — отозвался Паддингтон и сам чуть не шлёпнулся от волнения.

— Поздравляю! — выговорил Арнольд Паркер, вставая и отряхиваясь. — А кто-нибудь видел, куда он полетел?..

— Я, я видел! — завопил мистер Карри, покрывая грохот проходящего товарного состава. — Вон туда!

Он ткнул пальцем в густые заросли между полем и железной дорогой и снова повернулся к Паддингтону.

— Медведь, — проговорил он медленно и отчётливо, — я иду в медицинскую палатку, чтобы мне перевязали ногу. Если, когда я вернусь, ты не найдёшь мой мяч, я... я...

Мистер Карри так и не договорил и захромал прочь, но выражение его лица было красноречивее всяких слов. Паддингтон, окончательно павший духом, распрощался с Арнольдом Паркером и уныло пошёл к железнодорожному полотну.

Даже издавеза придорожные заросли выглядели довольно непривлекательно; подойдя же поближе, Паддингтон обнаружил такое хитросплетение высокой травы и колючек, что сразу понял: здесь не отыскался бы и футбольный мяч, не говоря уж о крошечном белом шарике; и даже дру-

желюбный машинист, который приветливо махал ему рукой, пока состав не скрылся за поворотом, не сумел развеять его печаль.

* * *

Мистер Карри сидел на кровати в травматологическом отделении больницы и удивлённо таращился на сумку с новёхоньким снаряжением для гольфа.

— Вы хотите сказать, я всё это выиграл? — не верил он.

— Не вы, а Паддингтон, — строго поправила миссис Бёрд. — Но он любезно дарит всё это вам.

— А вот ещё один подарок, мистер Карри, чтобы вы поскорее поправлялись, — вставил медвежонок, протягивая мистеру Карри белый шарик с дырочками в боку. — Это специальный тренировочный мяч, который никуда не улетает и не теряется.

— Спасибо, медведь, — буркнул мистер Карри. Он поглядел на Паддингтона, потом на подарки. — Очень мило с твоей стороны. Я хотел сказать тебе пару слов, но теперь, пожалуй, не стану.

— Только попробуйте... — грозно начала миссис Бёрд.

— И как это тебе удалось послать мяч дальше всех? — недоумевал мистер Карри, всё ещё не веря ни глазам, ни ушам.

— Ну не то чтобы он послал его дальше всех... — уточнил Джонатан, подтолкнув локтем сестру. —

Просто его мяч оказался дальше всех. Арнольд Паркер говорит, что это похоже на мировой рекорд.

— Тем более среди медведей, — добавила Джу-ди, пожимая Паддингтону лапу.

— Мировой рекорд! — Мистер Карри глядел на медвежонка всё с большим и большим уважением. — Ну ты молодец, медведь! Просто молодец! — Он прикинул к руке новую клюшку и задумчиво посмотрел на новенький тренировочный мяч. — Мне даже самому захотелось попробовать.

— Лучше не стоит, — встревожилась миссис Браун, угадав его мысли. — Вдруг вы снова поскользнётесь...

— Чепуха! — отрезал мистер Карри, вылезая из кровати. — Меня и так скоро отпустят. Мне уже лучше...

Он нагнулся, положил мячик на натёртый до блеска пол и, прежде чем его успели остановить, взмахнул своей новой клюшкой.

— Один удар мне не...

Тут голос мистера Карри прервался и на полу образовалась какая-то ветряная мельница из рук и ног. Потом палату потряс глухой удар.

— Полундра! — закричал Джонатан. — Он опять...

— О господи! — ахнула миссис Браун. — Мы же предупреждали...

— Сестра! — взревел мистер Карри, садясь на пол и растирая ушибленную ногу. — Сестра! Вы

где? Кто размазал по полу эту дурацкую скользкую мастику?

Брауны лишь успели переглянуться. Тут же дверь распахнулась и в неё влетело целое облако белых халатов, возглавляемое медицинской сестрой в форменном колпаке.

— Улепётываем отсюда, и поскорее! — скомандовал мистер Браун.

— Ну уж на сей раз Паддингтон ни в чём не виноват! — твёрдо сказала миссис Бёрд.

— Вы что, не знаете мистера Карри? — возразила миссис Браун.

— Выходит, мы так ему и не расскажем, чем кончилось дело? — огорчился Джонатан.

Мистер Браун покачал головой.

— Лучше потом! — прокричал он, чтобы слышно было в шуме и гаме. — И вообще, вряд ли он нам поверит!

Миссис Браун бросила последний взгляд на врачей, столпившихся у кровати, и направилась к дверям.

— Девять миль — действительно солидное расстояние для мяча, — заметила она. — Как удачно, что в правилах ничего не говорится о том, как мячик долетел до цели.

— Надо ж было запулить мяч прямо в кабину машиниста! — воскликнул Джонатан. — Неудивительно, что он махал тебе!

— Хорошо ещё, что он догадался прислать его обратно, — добавила Джуди. — А ты как считаешь, Паддингтон?

Медвежонок задумался. Он напоследок ещё раз махнул лапой в сторону кровати, но, услышав оттуда знакомый сварливый голос, поспешил к дверям вслед за остальными.

— Я вот что считаю, — объявил он. — Хорошо, что я пометил мячик апельсиновой корочкой. Иначе никто бы не догадался, что он мой!

В БОЛЬНИЦЕ

Миссис Браун, которая рылась в кухонном столе в поисках резинового колечка, тяжело вздохнула.

— Если я увижу ещё хоть одну банку телячьего заливного*, я повешусь, — проговорила она с не свойственными ей истеричными нотками в голосе. — Четвёртая банка за неделю! Я уж не говорю о трёх бутылках сока и двух дюжинах яиц, а что касается винограда, я просто сбилась со счёта!

Миссис Бёрд фыркнула.

— Я вам вот что скажу, — заметила она хмуро. — Мистер Карри будет торчать в больнице, пока это не надоест *ему*, и ни секундочкой меньше.

---

* Телячье заливное, нежное и питательное, считается в Англии самой подходящей пищей для всех больных. На вид это густое желе с кусочками мелко нарезанного мяса.

Уж он-то не упустит такого подарка судьбы! Подумать только: лежишь в чистой постели, бесплатно питаешься, да, кроме того, с тобой ещё и носятся как с писаной торбой! Стоит доктору сказать, что дела идут на поправку, как ему немедленно становится хуже.

Миссис Бёрд взяла у миссис Браун резинку и с сердитым щелчком нацепила её на горлышко банки. Выражение её лица явственно говорило, что, окажись мистер Карри поблизости, ему бы крепко не поздоровилось.

Прошло уже больше недели с тех пор, как сосед Браунов попал в больницу, и, хотя ни рентген, ни многочисленные осмотры не смогли обнаружить у него никаких повреждений, он по-прежнему настойчиво утверждал, что не может пошевелить ногой.

На Браунов же обрушился целый водопад открыток, записок и прочих посланий со всевозможными требованиями — от винограда самых лучших сортов до свежих газет, журналов, почтовой бумаги, марок и прочего, так что всего и не перечислишь.

Поначалу Брауны были только рады услужить, а поскольку летние каникулы кончились и Джонатан с Джуди уехали в школу, исполнение желаний мистера Карри легло на плечи Паддингтона, и он целыми днями носился по рынку со своей продуктовой сумкой на колёсиках.

Однако после целой недели постоянных хождений в больницу и бесконечных жалоб ворчли-

вого пациента Брауны почувствовали, что их человеколюбию приходит конец.

Надо сказать, что даже терпение больничного персонала уже заметно подытощилось, и старшая сестра всё прозрачнее и прозрачнее намекала на недостаток свободных мест.

— В нашем доме он болеть не будет, — безапелляционным тоном заявила миссис Бёрд. — Только через мой труп. И я не позволю, чтобы Паддингтон бегал по его дурацким поручениям, когда он вернётся из больницы. Он с бедного медведя семь шкур сдерёт!

Паддингтон, который как раз в эту минуту вбежал в кухню, вздрогнул и поспешно пощупал мех на животике. Однако, к великому облегчению, шкура на нём явно была всего одна, и он, успокоившись, сосредоточил всё своё внимание на корзине с гостинцами.

— Ты точно ничего не перепутаешь? — на всякий случай спросила миссис Браун, осторожно втискивая в набитую корзину вишнёвый пирог.

Паддингтон облизнулся.

— Постараюсь, миссис Браун, — ответил он.

— И не вздумай выколупывать вишни из пирога, — угадав его мысли, предупредила миссис Бёрд. — Если мистер Карри обнаружит хоть одну дырочку, в нас полетит очередная открытка, а я ими и так уже сыта по горло.

Паддингтон сделал вид, что до глубины души оскорблён таким предположением.

— Как же можно выколупывать вишни из пирога! — ужаснулся он.

Миссис Браун поспешила сменить тему.

— Объясни мистеру Карри, что вечером мы прийти не сможем, потому что приглашены в гости. Побудь там минут пять — и довольно. Вообще-то они по утрам не пускают посетителей, но миссис Бёрд позвонила старшей сестре, и та сказала, что один раз можно.

Паддингтон внимательно выслушал все наставления. Честно говоря, ему не очень-то улыбалось встречаться с мистером Карри с глазу на глаз. До сих пор он приходил только вместе с остальными Браунами и теперь сильно опасался, что мистер Карри, воспользовавшись случаем, не преминет сказать ему парочку гадостей по поводу игры в гольф. Поэтому, узнав, что дольше пяти минут задерживаться не придётся, он заметно повеселел.

Миссис Браун вызвала такси, которое должно было отвезти медвежонка в больницу, и уже через несколько минут Паддингтона нагрузили корзиной, свёртком с булочками и термосом с какао (на случай, если он задержится и опоздает на «послезавтрак»), он надел синее пальтишко и шляпу и отправился в путь.

Когда такси свернуло с улицы Виндзорский Сад и скрылось из виду, миссис Браун и миссис Бёрд вернулись в дом.

— Как вы думаете, может, всё-таки не стоило отпускать его одного? — тревожно спросила миссис Браун, закрывая входную дверь.

— Ничего, можете о нём не беспокоиться, — уверенно отозвалась миссис Бёрд. — О себе, любимом, этот медведь всегда позаботится.

Миссис Браун ещё раз вздохнула.

— Я не за Паддингтона беспокоюсь, — пояснила она. — Я беспокоюсь за больницу...

Больница, в которую положили мистера Карри, находилась совсем недалеко от улицы Виндзорский Сад. Это было большое, многолюдное заведение, и миссис Браун содрогалась при одной только мысли, что может случиться, если Паддингтон вдруг попадёт не в тот коридор и потеряется.

Впрочем, менять что-либо было уже поздно, потому что не прошло и пяти минут, как машина свернула с проезжей части, въехала в большие ворота и остановилась у главного входа в огромное кирпичное здание.

Паддингтону нечасто доводилось покататься на такси, тем более без взрослых, поэтому он слег-

ка огорчился, что они так быстро приехали. Тем не менее он с важным видом вылез из машины, поблагодарил водителя, вошёл в вестибюль и направился к стойке с надписью «регистратура».

— Мистер Карри? — переспросил санитар, сидевший за стойкой.

Он пробежал пальцем по длинному списку, приколотому к стене. — Что-то

не припомню такого. Вы по предварительной договорённости?

— Ага, — кивнул медвежонок. — Миссис Бёрд специально утром звонила.

Санитар почесал в затылке.

— А вы хоть знаете, чем он занимается? — осведомился он. — У нас тут такая куча народу, кого только нет...

Паддингтон призадумался.

— Да в общем-то он ничем особенно не занимается, — рассудил он наконец. — Только ворчит.

— Это, боюсь, мало поможет, — вздохнул санитар. — Ворчунов тут, между нами говоря, не один и не два. А как, простите, ваше имя?

— Браун, — без запинки ответил медвежонок. — Паддингтон Браун. Адрес — Виндзорский Сад, дом тридцать два.

Санитар просмотрел ещё какой-то список.

— Нет, что-то не вижу я тут ни одного медведя, тем более с железнодорожными именами, — покачал он головой. — Пожалуй, придётся отправить вас к мистеру Гранту. Он у нас разбирается со всеми трудными случаями.

— Спасибо, — от души поблагодарил Паддингтон. — Он тут у вас самый главный?

— О да, — кивнул санитар, снимая телефонную трубку. — Мистер Грант у нас всему голова... — Он хотел было набрать номер, но вдруг осёкся и поглядел на странного пациента. — Пойдите-ка! — Его лицо вдруг прояснилось. — У вас, наверное, го-

лова не в порядке! Вот оно что! Что же вы сразу не сказали? Тогда вам нужен психиатр.

Перехватив непонимающий взгляд медвежонка, санитар нагнулся к нему поближе.

— Ну, это доктор, который лечит тех, у кого вот здесь не все дома, — доверительно пояснил он, постукивая пальцем по лбу. — Ну, тех, которые, как говорится, «с приветом».

Чем больше санитар объяснял, тем больше Паддингтон удивлялся. Во-первых, хотя он и любил всякие занятные слова, такого заковыристого, как «психиатр», ему ещё ни разу не попадалось. А во-вторых, хотя его и попросили передать привет, но только мистеру Карри, а не какому-то там незнакомому доктору.

— Я с приветом, но только не для него, — сказал Паддингтон, начиная не на шутку тревожиться.

На сей раз пришёл черёд удивляться санитару. Надо сказать, мохнатая фигурка по ту сторону стойки с самого начала показалась ему в высшей степени странной, и, хотя ни в одном списке он не обнаружил пациента по имени Браун, судя по разговору, на сей раз формальностями вполне можно было пренебречь.

А Паддингтон уже пустил в ход свой самый суровый взгляд, поэтому санитар, слегка отпрянув, поспешно сверился ещё с одним списком.

— Ну, ну, — успокаивающе сказал он, — только, пожалуйста, не волнуйтесь. Я сейчас же устрою вам свидание с мистером Хайнсом.

• — С мистером Хайнсом? — запальчиво повторил Паддингтон. — Но я пришёл к мистеру Карри! Я принёс вишнёвый пирог, миссис Бёрд его специально испекла!

Санитар прихватил на всякий случай увесистую трость и, опасливо поглядывая на пациента, вышел из-за стойки.

— Думаю, мистер Хайнс вам гораздо больше понравится, — проговорил он, не спуская глаз с медвежонка. Тут он подумал, что выражение «с приветом» могло напугать пациента, не говоря уж о слове «психиатр», поэтому решил смягчить краски.

— Мистер Хайнс — наш лучший специалист по подкручиванию винтиков, понимаете? — проговорил он успокаивающим тоном. — За мной, пожалуйста.

Паддингтон не очень хорошо разбирался в больничных порядках, потому что сам сталкивался с ними всего один раз, когда варил ириски и случайно пролил их на живот, но его в высшей степени поразило, что при больнице существует даже такая вещь, как ремонтная мастерская. Правда, у него подкручивать было вроде бы нечего (даже свою сумку на колёсиках он оставил дома), но посмотреть всё равно было интересно, поэтому он радостно засеменил вслед за санитаром к двери в конце длинного коридора.

Сделав Паддингтону знак подождать, санитар скрылся в кабинете. Несколько секунд оттуда долетали приглушённые голоса, а потом дверь снова распахнулась.

— Вам повезло, — шепнул санитар. — Мистер Хайнс примет вас прямо сейчас. Он как раз свободен.

Взяв Паддингтона за лапу, санитар втолкнул его в кабинет, после чего поспешно захлопнул дверь с другой стороны.

После ярко освещённого коридора Паддингтону показалось, что в кабинете на удивление темно. Жалюзи из тонких реек были полуопущены, и только в дальнем конце комнаты, на докторском столе, горела настольная лампа под зелёным абажуром. Мебели в кабинете стояло немного — шкафы да стулья, а в самом центре длинная тахта, высокая, как накрытый матрасом стол. Приглядевшись, Паддингтон заметил в полутьме фигуру в белом халате; врач всматривался в него сквозь очки с необычайно толстыми стёклами.

— Входите... Прошу... — проговорил врач, поворачивая лампу, чтобы та светила на медвежонка. — Раздевайтесь, пожалуйста, и устраивайтесь поудобней.

— Спасибо большое, — отозвался Паддингтон, шурясь на ярком свете.

Он очень обрадовался, что нет никакой очереди, поэтому поспешно скинул шляпу и пальтишко, положил их поверх корзины с гостинцами и уселся на ближайший стул.

— А долго мне ждать? — осведомился он, разворачивая свой завтрак.

— Ну что вы, — отозвался доктор и взял ручку. — Можем начать прямо сейчас.

— Вы уж меня извините за вишнёвый пирог, — тактично сказал Паддингтон.

Мистер Хайнс выронил ручку. Сняв очки, он подышал на стёкла, протёр их носовым платком и снова водрузил очки на нос.

— Извинить вас за *вишнёвый пирог*? — осторожно переспросил он.

Паддингтон кивнул.

— Ну что я не могу вас угостить, — пояснил он. — Потому что миссис Бёрд не хочет получать больше открыток от мистера Карри. Но зато я могу поделиться булкой с мармеладом.

Мистер Хайнс слегка содрогнулся и решительно отвёл в сторону протянутый пакет.

— Благодарю покорно, — сухо отказался он. — Послушайте... Вас что-то беспокоит? — Он задал этот вопрос, заметив, что медвежонок ёрзает и озадаченно озирается.

— Нет, всё в порядке, мистер Хайнс, — ответил Паддингтон, снова переводя взгляд на врача. — Я просто смотрел, где ваш гаечный ключ.

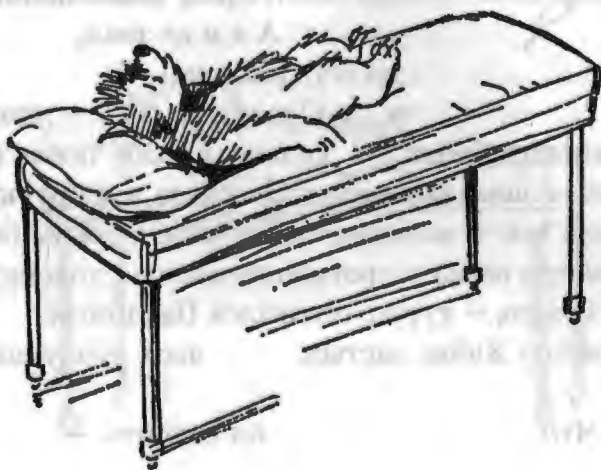
— Гаечный ключ? — Мистер Хайнс вскочил со стула и сделал шаг к пациенту. — Действительно, крайне интересный случай! — не удержался он и с энтузиазмом потёр руки. — Санитар сказал мне, э-э... — Тут он замялся, потому что Паддингтон наградил его в высшей степени суровым взглядом. — Э-э... то есть... ну, возможно, я даже напишу об этом статью. У меня никогда ещё не было пациентов-медведей.

Мистер Хайнс помог Паддингтону встать со стула и указал ему на тахту в центре комнаты.

— Прилягте, пожалуйста, — пригласил он. — А потом посмотрите в потолок и постарайтесь ни о чём не думать.

Паддингтон с интересом обозрел тахту.

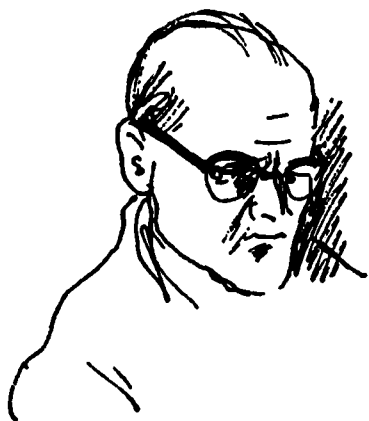
— Спасибо, — сказал он не очень уверенно и принялся укладываться. — А вы на ней гайки хорошо закрутили?

— Гайки? — опешил мистер Хайнс.

— Дяденька в регистратуре сказал, что вы закручиваете гайки, — пояснил медвежонок, несколько разочарованный, что ничего интересного не происходит.

— Я думаю, он просто пытался вас отвлечь... то есть насмешить, — не очень понятно объяснил мистер Хайнс, снова усаживаясь за стол.

— А сейчас, — продолжал он будто бы между прочим, — я хочу поиграть с вами в одну игру. Чтобы проверить вашу реакцию.

— Реакцию? — изумлённо повторил медвежонок. —

А я и не знал, что у меня есть реакция!

— Она у всех есть, — успокоил мистер Хайнс. — Только у кого побыстрее, у кого — помедленнее. — Он снова взял ручку. — Играем так: я называю слово, а вы должны быстро-быстро назвать противоположное... хорошо?

— Плохо, — тут же отозвался Паддингтон.

Мистер Хайнс застыл, не донеся ручку до бумаги.

— Что такое? — спросил он сердито. — Вам неудобно лежать?

— Мне удобно, — ответил Паддингтон. — Но вы ведь велели мне всякий раз, как скажете слово, говорить противоположное.

Он сел на тахте и бросил на врача ещё один суровый взгляд. Ему показалось, что для человека, который берётся проверять других, у мистера Хайнса реакция вообще-то плоховата.

А тут ещё врач ни с того ни с сего принялся считать про себя.

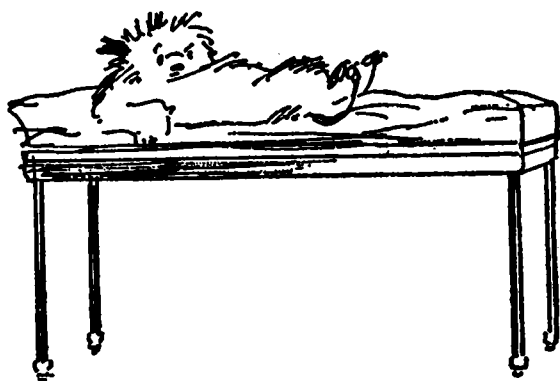
— Это ещё было не слово, медведь, — проговорил он, переводя дух. — Вы должны были дожидаться моей команды. Но уж когда начнём — никаких посторонних звуков. Ну — давайте по счёту: три... два... один... начали!

— Кончили! — выпалил Паддингтон.

Мистер Хайнс открыл было рот, но, видимо, передумал.

— Прекрасно, — буркнул он.

— Ужасно, — радостно отозвался Паддингтон.

— Послушайте... — срывающимся голосом начал мистер Хайнс.

— Оглохните! — в восторге выкрикнул медвежонок.

Хотя он, конечно, и не отказался бы посмотреть, как подкручивают винтики, играть с мистером Хайнсом оказалось очень интересно, и он ужасно огорчился, когда за его ответом последовало гробовое молчание.

— Вы больше не можете придумать слов, мистер Хайнс? — осведомился он.

Несколько секунд психиатр молча барабанил пальцами по столу. Судя по выражению лица, ему пришло на ум довольно много выразительных слов, но он благоразумно решил оставить их при себе.

— Белый, — сказал он уныло, снова берясь за ручку.

— Чёрный, — парировал Паддингтон и снова улёгся на тахту, скрестив передние лапы, с довольным выражением на мордочке.

— Большой, — с надеждой произнес мистер Хайнс.

— Маленький, — даже не задумался медвежонок.

— Быстро, — сказал врач.

— Медленно, — откликнулся Паддингтон.

Назвав одно за другим ещё с полдюжины слов, мистер Хайнс вроде бы слегка пришёл в себя и несколько минут усердно строчил на листке бумаги, пытаясь поспеть за Паддингтоновыми ответами.

— Ясно, — проговорил он наконец, откидываясь на стуле.

— Пасмурно, — нашёлся медвежонок.

Мистер Хайнс усмехнулся:

— Мы закончили...

— Они начали! — выкрикнул Паддингтон.

— Вот и нет! — снова рассердился мистер Хайнс.

— Вот и да! — завопил Паддингтон.

— Нет!.. Нет!.. Нет!.. — взревел мистер Хайнс, колотя кулаком по столу.

— Да!.. Да!.. Да!.. — крикнул Паддингтон, размахивая лапами.

— Прекрати! — не выдержал врач.

— Продолжай! — отозвался Паддингтон, от возбуждения чуть не свалившись с тахты.

Мистер Хайнс обвёл кабинет помутившимся взглядом.

— Боже, зачем я в это ввязался? — вскричал он, пряча лицо в ладонях. — У меня теперь у самого всё в голове разладилось!

Паддингтон снова сел и поглядел на врача с удвоенным интересом.

— Может быть, вам подкрутить в ней винтики, мистер Хайнс? — осведомился он. — Я пойду позову дяденьку из регистратуры. Он, наверное, сумеет вам помочь. Он в этих вещах здорово разбирается.

И он начал было слезать с тахты, но тут мистер Хайнс вдруг ни с того ни с сего метнулся к двери.

— Я ухожу на пять минут! — трагическим голосом объявил он. — На пять минут! И если, когда я вернусь, ты ещё будешь здесь...

Мистер Хайнс так и не закончил фразу, зато так увесисто прихлопнул её дверь, что даже Паддингтону стало ясно: доктор не совсем доволен ходом их беседы.

Несколько секунд медвежонок таращился на закрытую дверь, потом вскочил и принялся поспешно собирать свои вещички. Тут он заметил,

что, кроме двери, через которую он вошёл, в кабинете есть ещё одна; поразмыслив, Паддингтон решил воспользоваться именно ею. Когда мистер Хайнс покидал кабинет, на лице у него было очень уж свирепое выражение, и, что бы там ни ждало за второй дверью, Паддингтон ничуть не сомневался, что подкручивать винтики ему там не станут.

ЛЕКАРСТВО ОТ ВСЕХ БОЛЕЗНЕЙ

Паддингтон захлопнул за собою дверь и немного постоял, утирая лапой лоб. Он чувствовал, что страшная опасность осталась позади. Правда, что это была за опасность, он так до конца и не понял, но рад был убраться из докторского кабинета подобра-поздорову.

Побег оказался своевременным: всего через несколько секунд из-за стены донеслись приглушённые голоса. Судя по тому, что Паддингтон расслышал через замочную скважину, в кабинете о чём-то спорили и время от времени мистер Хайнс изо всех сил грохал кулаком по столу. Однако постепенно шум стих, и у Паддингтона появилась возможность выяснить поподробнее, куда же он попал.

Сказать честно, тут было куда менее интересно, чем в докторском кабинете. Кроме нескольких

халатов на вешалке, в комнате оказались лишь письменный стол, на котором стоял открытый чемоданчик с инструментами, крутящийся стул да металлическая рейка, увешанная непомерно большими фотографическими негативами. Рейка была такая длинная, что занимала почти всю противоположную стену, в которой имелась ещё одна дверь.

Совсем это не походило на больничные палаты, которые он видел по телевизору, — там кипела жизнь, туда-сюда сновали люди в белых халатах, толкая перед собой каталки и грозными голосами выкрикивая приказания. Кроме того, в этой комнате было ещё и очень холодно. Паддингтон уже успел подметить, что во всех больницах прямо-таки помешаны на свежем воздухе, и больница мистера Карри не была исключением. Над его головой было целых три окна, расположенных так высоко, что и не дотянешься, и все три были открыты настежь.

Паддингтон лишний раз порадовался, что миссис Бёрд не забыла дать ему термос с горячим какао, и, когда в течение нескольких минут так ничего и не произошло, он отвинтил крышку и решил немного перекусить.

В следующую секунду раздался вопль, от которого эхо заметалось по всему кабинету; Паддингтон запрыгал на одном месте, размахивая крышкой от термоса, а второй лапой пытаясь залезть себе в рот. Миссис Бёрд любила, чтобы горячее было действительно горячим, и на сей раз, похоже, немного перестаралась.

Паддингтон поспешно вылил какао обратно в термос, завинтил крышку и полез в чемоданчик с инструментами в надежде найти зеркальце и обследовать кончик своего языка.

И вот тут-то на его мордочке и появилось задумчивое выражение. Дело в том, что он не раз видел по телевизору фильмы, где действие происходило в больнице. Некоторые из них ему очень нравились, особенно те, где часто что-нибудь приключалось. И вот, перебирая инструменты, он обнаружил точно такие, какие брал с собой Грант Декстер из сериала «Удалой доктор», когда отправлялся по понедельникам к своим пациентам.

Вскоре в кабинете повисла настораживающая тишина. Нарушало её только сосредоточенное пыхтение да позвякивание инструментов — Паддингтон всё глубже и глубже забирался в чемоданчик...

А через некоторое время дверь, выходящая в коридор, медленно приотворилась и в щёлке показалась маленькая фигурка, с ног до головы облачённая в белое. Коридор был пуст, но, даже окажись кто-нибудь поблизости, только очень пристальный взгляд обнаружил бы за марлевой маской чёрный нос и блестящие глазки, которые опасно стрельнули направо и налево.

Помимо маски голову венчал докторский колпак, а поверх него была нацеплена лампочка, прикреплённая к широкому обручу. На шее висел стетоскоп, и хотя несколько шерстинок, которые упрямо не желали заправляться под маску,

и могли бы насторожить внимательного наблюдателя, в остальном сходство было безукоризненным.

Строго говоря, если бы не несколько необычная длина халата, который почти что волочился по полу, даже сам Грант Декстер вполне мог бы подумать, что смотрит на собственное уменьшенное отражение в кривом зеркале.

Убедившись, что поблизости никого нет, Паддингтон снова прикрыл дверь и занялся таинственными негативами.

Поднимая их по очереди к свету — точь-в-точь как Грант Декстер в телевизоре, — медвежонок внимательно разглядывал каждый в надежде увидеть что-нибудь интересное, но скоро ему это надоело, и он решил, что лучше посидеть за докторским столом. Что касается фотографий, они ему совершенно не понравились. Насколько он мог разглядеть, на них были только какие-то старые

кости, да к тому же по большей части ещё и ломаные.

Крутящийся стул оказался куда интереснее. Некоторое время Паддингтон деятельно вращал его, поднимаясь всё выше и выше, пока наконец не доехал до самой крышки стола.

Медвежонок неистово замахал в воздухе лапами, подражая мистеру Хайнсу, и хотел было крутануть стул в последний раз, но тут вдруг всё вокруг перевернулось вверх ногами и Паддингтон почувствовал, что летит вниз. На миг в глазах у него потемнело, а потом он шлёпнулся на пол и сверху обрушилась какая-то тяжеленная махина.

Он попытался выкарабкаться на свободу, но тут в коридоре послышался топот бегущих ног, дверь распахнулась, и в кабинет влетел какой-то дяденька в форменной куртке.

— Где?! Где?! — истошно завопил он, наводя на медвежонка огромный красный огнетушитель.

На мгновение Паддингтон перестал барахтаться.

— Где что? — спросил он удивлённо.

— Ох ты! — Дяденька только сейчас заметил белую фигуру на полу. — Вы не ушиблись, сэр? Я-то решил, тут пожар или ещё что. Думал, баллон с газом взорвался.

Паддингтон поразмыслил.

— Кажется, я не ушибся, — заключил он наконец. — Вот только комната всё ещё вертится.

— Ничего удивительного, — заметил пожарник, разглядывая обломки крушения. — Он в последний момент взял и выкрутился.

Паддингтон испуганно огляделся.

— Кто выкрутился? — переспросил он.

— Да стул выкрутился, — пояснил пожарник, вызволяя медвежонка из-под развалин. — Вы, наверное, слишком быстро его вращали и сломали

ограничитель... — Тут он запнулся, потому что заметил броский цветной значок на Паддингтоновом халате.

— А-а! Так вы, значит, один из этих заграничных джентльменов?*

Паддингтон поглядел на него озадаченно.

— Я из Дремучего Перу, — подтвердил он.

— Я так и понял по вашему значку, — подмигнул пожарник. — А, ну теперь-то мы знаем, кто вам нужен, верно?

— Вы тоже знаете? — вконец изумился Паддингтон. — Что, миссис Бёрд уже звонила?

Дяденька слегка запнулся, точно не совсем слышал, что ему говорят.

— Думаю, вам лучше пойти со мной, — сказал он наконец, как-то странно покосившись на медвежонка. Когда работаешь в большой лондонской больнице, ко всякому можно привыкнуть, но, надо сказать, при ближайшем рассмотрении эта странная фигура превосходила всё, что пожарнику доводилось видеть раньше.

— Лучше не заставлять Его Светлость ждать слишком долго, — проговорил пожарник, торопливо открывая дверь. — С ним такие шутки плохи.

— Это уж точно, — согласился Паддингтон, страшно обрадованный, что наконец хоть в ком-то нашёл понимание. — Спасибо большое.

---

* Пожарник, скорее всего, принял медвежонка за стажёра из-за границы, который приехал поучиться у британских врачей.

Увидев, что медвежонок подхватил корзинку, пожарник снова удивился.

— Эй, — окликнул он, — вы что, эту штуку с собой возьмёте?

— Это для него, — пояснил Паддингтон.

— А-а... — протянул пожарник, почесав в затылке. — Ну ладно, дело хозяйское. Только я бы на вашем месте не стал рисковать. А ещё снял бы перчатки, прежде чем входить в палату.

— Перчатки? — возмущённо воскликнул Паддингтон в спину пожарнику, уже шагнувшему в коридор. — Это не перчатки! Это лапы!

Он крепко прижал к боку корзину и затрусил вслед за своим спасителем, вперив тому в затылок очень суровый взгляд. Они миновали несколько дверей-вертушек, прошли ещё по одному коридору и наконец оказались в большой, ярко освещённой комнате с двумя рядами кроватей.

Паддингтон огляделся.

— Вон мистер Карри! — воскликнул он радостно, тыча лапой в дальний конец палаты. — Потому что такого вкусного винограда больше ни у кого нет!

— Ну-ну, — хмыкнул пожарник и приложил палец к губам, потому что высокий, важного вида доктор, стоявший в окружении других возле одной из кроватей, вдруг выпрямился и уставился в их сторону. — А вон сэр Арчибальд. Потому что такого свирепого взгляда больше ни у кого нет!

— Сэр Арчибальд? — удивлённо повторил Паддингтон.

— Он самый, — подтвердил пожарник с довольным видом. — Мы успели. Он ещё не закончил обхода.

Паддингтон нерешительно топтался на месте, и пожарник решил прояснить ситуацию.

— Вы ведь из-за границы, верно? — спросил он.

— Верно, — честно ответил Паддингтон.

— И у вас значок на халате, верно?

— Верно, — снова согласился Паддингтон, но уже не так уверенно, и скосил глаза на отворот своего халата.

— В таком случае, — терпеливо пояснил пожарник, — вы приехали на стажировку к сэру Арчибальду. Каждый понедельник вы должны сопровождать его на обходе. И на вашем месте, — прибавил он шёпотом, легонько подталкивая медвежонка, — я бы извинился перед ним, да поскорее. Он, похоже, сейчас лопнет от злости!

Паддингтон поблагодарил пожарника за совет, взял корзину и направился к сэру Арчибальду. Он так и не уразумел, кто это такой и почему перед ним надо извиниться, но, подойдя поближе и заглянув знаменитому доктору в лицо, сразу же понял, что пожарник не ошибся относительно его настроения. Поэтому, прежде чем сказать «доброе утро», Паддингтон вежливо приподнял свой колпак.

— Скорее добрый день, — рявкнул сэр Арчибальд. Потом он с возмущением обозрел наряд медвежонка. — Во что это вы вырядились? Сегодня у нас обход, не операция. Вы перепугаете пациентов до полусмерти. Ну, раз уж вы наконец-то

появились, — продолжал он язвительным тоном, указывая на пациента, которого осматривал, — не соблаговолите ли поделиться вашими глубокими познаниями? Ну-ка, выкладывайте ваш диагноз!

— Мой диагноз? — опешил медвежонок, принимаясь торопливо рыться в корзине. — Я даже не знаю, положила миссис Бёрд эту штуку или нет. Вот вишнёвый пирог, вот телячье заливное...

— Те-ля-чье заливное, — как во сне повторил врач. — Я не ослышался? Телячье заливное?

— Грант Декстер говорит, что оно очень помогает, когда болеешь, — пояснил Паддингтон.

— Грант Декстер? — вконец опешил сэр Арчибалд. — Это ещё кто такой?

— Как, вы не знаете Гранта Декстера? — в свою очередь изумился медвежонок. — Это «удалой доктор», его каждый понедельник по телевизору показывают. Он очень хороший доктор. У него все пациенты поправляются.

— Я думаю, он хочет знать ваше мнение об этом пациенте, — прошипел Паддингтону на ухо один из врачей, услышав возмущённое бурчание сэра Арчибалда.

— Послушайте ему сердце, — подсказал кто-то ещё, протягивая руку и расстегивая на пациенте пижаму. — Не стойте столбом!

Эти подсказки ещё больше смутили медвежонка. Схватив с кровати какие-то наушники, он взял другой лапой подсунутый кем-то стетоскоп и принялся елозить им по груди пациента, вслушиваясь изо всех сил.

— Ну, — сказал сэр Арчибальд ехидно, — каково же заключение нашего высокоучёного коллеги?

Паддингтон стащил с головы наушники.

— Там кто-то говорит, — озадаченно сообщил он. — Похоже на «Дневник миссис Дейл».

— Дневник миссис Дейл!.. — взревел сэр Арчибальд.

— Это же радионаушники, идиот вы этакий! — зашипел кто-то за спиной у медвежонка. — Надо было слушать в стетоскоп!

Тут пациент сел в постели и круглыми глазами уставился на медвежонка.

— Эй, скажите-ка толком, — заговорил он, — меня не этот будет оперировать? Потому что если он, через пять минут ноги моей тут не будет!

— Не волнуйтесь, уважаемый сэр, — успокоил его сэр Арчибальд, — могу вас заверить, что до этого дело не дойдёт. — Он повернулся и устремил взгляд на медвежонка. — Вы не врач, — отчеканил он, — вы — позор для всей профессии. За всю свою жизнь...

— Врач? — испуганно воскликнул Паддингтон, стаскивая маску. — Конечно я не врач! Я медведь. Я пришел навестить мистера Карри.

Сэр Арчибальд вдруг вырос до невероятных размеров, потому что выпрямился во весь рост. Он шумно втянул в себя воздух, точно намереваясь лопнуть, но тут вдруг что-то в словах медвежонка заставило его передумать.

— Карри, — повторил он. — Ты сказал, Карри?

— Угу, — подтвердил Паддингтон.

— Так ты его друг? — с подозрением осведомился сэр Арчибальд.

— Ну, он живёт в соседнем доме, — уклончиво ответил медвежонок. — Но вообще-то он мне не друг. Я просто принёс ему гостинцы.

Сэр Арчибальд фыркнул.

— Вот уж без чего он вполне бы обошёлся! — хмыкнул он. — У этого типа нравственность начисто отшиблена.

— У него, по-моему, её с самого начала не было, — озадаченно сказал Паддингтон. — А ушиблена у него нога.

Сэр Арчибальд шумно перевёл дух.

— Нравственность, медведь, — проговорил он, — это такая штука, которая не позволяет людям жить за счёт других.

— А, этой у мистера Карри действительно нет, — согласился Паддингтон. — Миссис Браун всегда говорит, что он только и ищет, как бы поживиться за чужой счёт.

Сэр Арчибальд и его свита со вниманием выслушали рассказ медвежонка об игре в гольф и о том, как мистер Карри заставил его быть своим «кэди». Постепенно выражение лица сэра Арчибальда менялось. Когда Паддингтон закончил, врач хмыкнул, посмотрел в сторону кровати мистера Карри, потом на медвежонка, и в глазах его вспыхнул лукавый огонек.

— Послушай, медведь, а ты не откажешься разыграть одного человека? — спросил он ни с того ни с сего.

— С удовольствием, сэр Арчибальд, — тут же согласился Паддингтон. — Играть я очень люблю.

— Оно и похоже. — Сэр Арчибальд деловито потёр руки и обернулся к своей свите: — Мне почему-то кажется, что в данном конкретном случае действовать придётся не по учебнику. Каков пациент, таково должно быть и лекарство!

Он нагнулся, поправил на медвежонке маску и принялся что-то шептать тому на ухо. Что подумал Паддингтон, сказать было трудно, потому что почти вся его мордочка пряталась под маской, но он несколько раз согласно кивнул головой, а потом зашагал вслед за знаменитым хирургом к кровати мистера Карри.

Мистер Карри читал газету, но, увидев сэра Арчибальда, незамедлительно отложил её и испустил громкий стон.

— Как вы себя чувствуете сегодня? — осведомился сэр Арчибальд, снимая с одеяла здоровенную гроздь винограда, чтобы добраться до больной ноги.

— Хуже! — простонал мистер Карри. — Гораздо хуже!

— Я так и думал, — бодро проговорил сэр Арчибальд. — Именно поэтому мы решили прибегнуть к операции.

— К операции? — повторил мистер Карри, заметно побледнев. — Как вы сказали? К операции?

Сэр Арчибальд кивнул.

— С такими вещами, знаете ли, не шутят, — продолжал он. — Так что разрешите представить

вам моего... э-э... коллегу из-за океана. Он, видите ли, специализируется на конечностях. Сделает операцию — и конец. Как именно сделает, никто толком не знает, но в джунглях его метод даёт просто поразительные результаты. Представьте себе, почти все его пациенты сохраняют способность худо-бедно передвигаться!

Мистер Карри в замешательстве уставился на низенькую фигурку, едва-едва видную над кроватью.

— Не волнуйтесь, — утешил сэр Арчибальд, перехватив его взгляд. — На время операции мы

дадим ему ящик, чтобы он мог подставить его под ноги. Руку ему пожимать не стоит, — поспешно добавил хирург, когда мистер Карри свесился с кровати. — Они у него, понимаете ли, немного дрожат.

Но было поздно! Мистер Карри заприметил знакомую лапу, и глаза его вспыхнули.

— Медведь!!! — взревел он, мгновенно оправившись от испуга. — Опять твои штучки, медведь!

Мистер Карри злобно сверкнул глазами сначала на Паддингтона, который выглядел довольно удручённо, хотя под маской этого и не было видно, а потом на сэра Арчибальда.

— Такие потрясения крайне вредны для здоровья, — проговорил он отчётливо и громко, чтобы слышали все в палате. — Боюсь, мне опять станет хуже.

Когда мистер Карри снова улёгся, Паддингтон поспешно стянул маску и, чтобы хоть как-то замять происшествие, поднял повыше корзину с едой.

— Аккуратнее, медведь, — буркнул мистер Карри. — Ты что, не видишь, что там пирог? Только крошек в постели мне и не хватало! И не вздумай таскать виноградины за моей спиной. Если я найду хоть одну пустую веточку, сразу пойму, чьих это лап дело. — Он перегнулся вниз, чтобы проследить, как Паддингтон распаковывает корзину. — А ты принёс...

Мистеру Карри не суждено было закончить эту фразу, потому что тут, ко всеобщему изумле-

нию, палату сотряс громкий крик боли, одеяло взлетело в воздух, а несчастный больной вскочил с постели и на глазах у всех запрыгал между кроватями.

— Медведь!!! — голосил он, взбрыкивая больной ногой, как заправский акробат, и пытаясь дотянуться до пятки. — Что ты натворил, медведь?

Эта фраза тоже осталась незаконченной, потому что мистер Карри вдруг осёкся и растерянно обвёл взглядом обращённые к нему лица.

Сэр Арчибальд повернулся к старшей сестре, и наступившее было молчание прервал его голос:

— Мне кажется, у нас наконец-то освободилась ещё одна кровать.

* * *

— Горячее какао, — повторил сэр Арчибальд, поднимая повыше пустой термос. — Это надо запомнить. Такого чудодейственного лекарства я ещё никогда не видел. Правда, применять его следует, пока не остыло!

— Я, наверное, плохо завинтил крышку, миссис Бёрд, — пояснил Паддингтон. — Вот оно и вылилось прямо мистеру Карри на ногу.

Миссис Браун и миссис Бёрд обменялись взглядами. За последние несколько минут случилось так много, что они ещё не успели во всём разобраться.

Прежде всего дом их сотряс оглушительный хлопок входной двери мистера Карри. Потом

возле ворот остановился огромный чёрный автомобиль, с заднего сиденья вылез Паддингтон, а следом за ним — солидный джентльмен, который нёс корзину с нетронутыми гостинцами и термос.

— Все великие открытия делаются случайно, — изрёк сэр Арчибальд, заметив их растерянность. — И если исходить из моего собственного опыта, некоторые из них потом требуют очень долгих объяснений!

Сэр Арчибальд посмотрел на Паддингтона, и на лице его отразилось некоторое беспокойство.

— С тобой всё в порядке, мишутка? — спросил он.

Паддингтон приложил к пальто стетоскоп, который ему подарили на память.

— У меня, кажется, сердце останавливается! — сообщил он совсем слабым голосом.

Сэр Арчибальд встревожился было, но тут перехватил голодный взгляд, устремлённый на корзину.

— Думаю, это не смертельно, — проговорил он серьёзным тоном, поворачиваясь к остальным. — В качестве лекарства я рекомендую большой кусок пирога и вдоволь печенья. И конечно же, горячее какао. Это самое надёжное лекарство!

— Вот странно, что вы об этом заговорили, — подивилась миссис Бёрд. — А я как раз собиралась его сварить. — Она посмотрела на сэра Арчибальда, который нерешительно топтался у двери. — Не выпьете с нами чашечку?

— Конечно выпью, — расцвёл сэр Арчибальд, — и даже почту за великую честь!

— Ведь, откровенно говоря, — добавил он, — изобретать лекарства от всех болезней — утомительная работа и не одни только медведи не прочь отведать какао на «послезавтрак»!

ПОСЛЕДНИЙ ШТРИХ

Мистер Крубер облокотился на лопату и утёр лоб большим носовым платком в горошину.

— Если бы три недели назад мне сказали, мистер Браун, что в один прекрасный день у меня прямо тут, на улице Портобелло, будет свой собственный патио*, я бы просто не поверил, — проговорил он.

— И ведь подумать только, — воодушевлённо продолжал антиквар, отряхиваясь от пыли, — если бы вам не попалась на глаза та статья, у меня никогда бы и не было никакого патио. А теперь! Любо-дорого посмотреть!

---

* Патио — слово испанское. Обозначает оно открытый внутренний дворик, как правило, с зеленью и фонтанчиком. Такие дворики прочно прижились в Англии, а вместе с ними прижилось и слово.

На голос мистера Крубера из-за груды камней показалась мохнатая медвежья голова. Перемазанная цементом шёрстка слиплась сосульками, которые напоминали сталактиты* на потолке пещеры, шляпа была покрыта ровным слоем серой пыли, а лапы, которые и в лучшие-то времена не отличались особой чистотой, похоже, поочередно побывали в земле, извёстке и цементе — причем не по одному разу.

Тем не менее мордочка Паддингтона сияла блаженством. Он отложил мастерок и подбежал к задней двери лавки, чтобы вместе с мистером Крубером полюбоваться результатами тяжёлых многодневных трудов.

И действительно, за последние две недели задний дворик мистера Крубера переменился, точно по волшебству. Всё это походило на сцену с превращениями в рождественской пантомиме**.

А началось всё с того, что Паддингтон обнаружил у миссис Браун старый журнал для домохозяек, в котором ему попалась очень любопытная статья. В ней говорилось, что в таком огромном

---

* Сталактиты — это кальцитовые сосульки, которые можно встретить почти в каждой пещере. Интересно, что растут они всегда сверху вниз, а такие же сосульки, растущие им навстречу снизу вверх, называются сталагмитами.

** Мы привыкли, что пантомимой называют представление без слов, однако к английской рождественской пантомиме это ни в коей мере не относится; там пантомима — весёлый сказочный спектакль для детей, с шутками, песнями и обязательными волшебными превращениями. Впрочем, свою родословную он, как и знакомая нам пантомима, ведёт от «немых» спектаклей, которые игрались ещё в Древнем Риме.

городе, как Лондон, пропадает зазря целая уйма свободного пространства и что, проявив смекалку и не пожалев труда, можно даже мусорную яму превратить в райский уголок.

К статье прилагалось несколько фотографий, которые показывали, как взяты за дело; Паддингтона всё это так заинтересовало, что он решил показать журнал своему другу.

А надо сказать, что, хотя задний дворик мистера Крубера отнюдь не заслуживал названия мусорной ямы, за долгие годы в нём скопилось немало всякого хлама, и мистер Крубер тут же согласился, что не мешало бы устроить здесь генеральную уборку.

И вот к задней двери его лавки вереницей потянулись старьёвщики, а вслед за ними начали прибывать грузовики, доставляя песок, гравий, щебёнку, цемент и другие строительные материалы — всего и не перечислишь.

Мистер Крубер стал закрывать лавку на несколько часов раньше обычного и посвятил освободившееся время выкладыванию заднего дворика битым камнем. Паддингтон взял на себя обязанности старшего мастера: он замешивал цемент и заделывал зазоры в кладке — это занятие ему ужасно нравилось.

В дальнем конце дворика мистер Крубер поставил решётку и посадил перед ней ползучие розы; а рядом они устроили «альпийскую горку» — клумбу, украшенную камнями, которую вскоре уже покрывали всевозможные ползучие растения.

Посередине двора было оставлено место для фонтанчика и бассейна с золотыми рыбками, а у стены дома появилась деревянная скамейка, на которой как раз хватало места для двоих.

На ней-то мистер Крубер с Паддингтоном и отдыхали в конце каждого длинного трудового дня и доедали булочки, если те случайно оставались от «послезавтрака».

— Надо сказать, погода нам подсобила, — заметил мистер Крубер, когда Паддингтон сел с ним рядом и они обозрели результаты своих усилий. — В этом году стоит настоящее бабье лето. Правда, без вашей помощи я, наверное, провозился бы до самой зимы.

При этих словах физиономия Паддингтона засияла ещё сильнее, потому что, хотя мистер Крубер и был человеком обходительным, у него не в обычае было раздавать незаслуженные комплименты.

Мистер Крубер вздохнул.

— Ах, мистер Браун, — сказал он, — если на закате, когда тихо подкрадываются сумерки и вокруг мерцают огоньки, закрыть глаза и прислушаться к журчанию фонтана, можно мысленно перенестись в любой уголок мира... И все же чего-то здесь не хватает, — помолчав, закончил он.

Паддингтон, который задремал и видел во сне, как они с мистером Крубером в тёплый летний вечер пьют какао под звёздами, мгновенно очнулся.

— А чего не хватает? — спросил он встревоженно — он испугался, что ненароком упустил что-то очень важное.

— Я даже не знаю, — мечтательным голосом проговорил мистер Крубер. — Только чего-то явно не хватает. Нужен какой-то последний штрих. Статуя или колонна. Я пока ещё не придумал.

Мистер Крубер поёжился и встал, потому что солнце уже скрылось за крышами соседних домов и повеяло вечерней сыростью.

— Придётся нам пораскинуть мозгами, мистер Браун, — сказал он. — Авось чего и придумаем. Утро вечера мудренее!

* * *

— «АДРИАН КРИСП. САДОВАЯ СКУЛЬПТУРА», — прочитала миссис Бёрд. — Господи, что ещё удумал этот неугомонный медведь? — Она подняла повыше клочок бумаги. — Я нашла это сегодня утром у него под кроватью. Судя по всему, вырезано из какого-то журнала. А кроме того, пропала моя лучшая авоська!

Миссис Браун оторвалась от шитья.

— Это наверняка связано с патио мистера Крубера, — высказала она своё мнение. — Вчера вечером Паддингтон вёл себя просто тише мыши. Он сказал, что пораскинет мозгами, а потом искал по всему дому мои ножницы.

Миссис Бёрд пожала плечами.

— С этим медведем и в обычные-то времена неприятностей не оберёшься, — заметила она хмуро. — А если он ещё и пораскинет мозгами, так и вовсе жди беды... А куда он подевался?

— Пошёл куда-то, — туманно отозвалась миссис Браун и поглядела на вырезку, которую ей передала миссис Бёрд. — «Покупаем и продаём изделия из камня всех видов и размеров». Нда-а...

— Вот это «всех размеров» меня больше всего пугает, — вставила миссис Бёрд. — Кончится тем, что бедный мистер Крубер заполучит в свой задний двор статую герцога Веллингтона*.

— Надеюсь, что нет, — попыталась успокоить её миссис Браун. — Статую даже Паддингтон не сумеет затащить в городской автобус. По крайней мере, — добавила она не очень уверенно, — я думаю, что не сумеет.

А Паддингтон, который понятия не имел, какая сложная сыскная работа идет на улице Виндзорский Сад, стоял и в полной растерянности оглядывался по сторонам. Он попал в какое-то колдовское место. Признаться, он никогда ещё не видел ничего, даже отдалённо похожего на магазин мистера Криспа.

Начать с того, что весь товар находился в запущенном саду за дряхлой развалюхой, стоявшей неподалеку от дома Браунов. Повсюду, куда ни глянь, громоздились статуи, скамейки, колонны, столбики, обелиски, каменные звери и невесть что ещё. Даже сам Адриан Крисп, который бродил

---

* Артур Уэлсли, герцог Веллингтон, прославился тем, что командовал английскими войсками в битве при Ватерлоо, где была окончательно разгромлена армия Наполеона Бонапарта. Его статуя — одна из заметных лондонских достопримечательностей, но для маленького патио она, мягко говоря, великовата.

вслед за медвежонком по запутанным дорожкам, явно не очень чётко представлял, что у него где.

— Спешить некуда, уважаемый! — проговорил он, утирая лицо шёлковым платком, когда они в третий раз вернулись на то же место, с которого начали. — Многим из этих поделок уже не одна сотня лет, ещё часик-другой они уж точно протянут, так что любуйтесь в своё удовольствие!

Паддингтон поблагодарил мистера Криспа и задумчиво уставился на двух каменных львов, стоявших неподалеку. Он заметил их, как только вошёл, и, надо сказать, примерно такую штуку ему и хотелось.

— Пожалуй, я возьму вот этих, мистер Крисп, — решил он наконец и полез в потайной кармашек своего чемодана.

Адриан Крисп проследил направление его взгляда, а потом перевернул ярлычок, прикрепленный к уху одного из львов.

— Э-э... я не вполне уверен, по силам ли вам такая покупка... — сказал он с сомнением. — Видите ли, эта парочка тянет на сто семьдесят фунтов*.

Паддингтон примолк, пытаюсь сообразить, сколько весят сто семьдесят банок мармелада сразу.

— Я иногда таскаю миссис Бёрд во-от такие тяжеленные сумки, — сказал он наконец.

Адриан Крисп неловко улыбнулся.

— Ах ты, господи, — вздохнул он. — Боюсь, мы не совсем правильно друг друга поняли. Я имел в виду не вес, а цену.

— Сто семьдесят фунтов? — вскричал Паддингтон, чуть не сев на землю от удивления.

Мистер Крисп поправил галстук-бабочку и, заметив удручённый вид медвежонка, легонько кашлянул.

— Я мог бы уступить вам маленького фавна всего за пятьдесят гиней**, — сказал он без особого энтузиазма. — У него, правда, хвост отвалился, зато дёшево. Если бы я рассказал вам, откуда он ко мне попал, вы бы рот раскрыли от удивления!

Но у Паддингтона рот и так уже раскрылся шире некуда. Он сел на чемодан и горестно уставился на мистера Криспа.

---

* Конечно, долго ли тут запутаться, если в Англии существуют два совершенно разных фунта: фунт стерлингов — денежная единица, и просто фунт — мера веса, равная 450 граммам.

** Одна гиней равна двадцати одному шиллингу. Интересно, что такой монеты никогда не было, это просто условная цифра для определения суммы или цены. Впрочем, после денежной реформы 1972 года гиней, как и шиллинги, исчезли из обихода.

— Да, похоже, этим вас не соблазнишь, — стараясь не терять бодрости, проговорил мистер Крисп. — А... а сколько примерно вы рассчитывали заплатить?

— Я думал уложиться в шесть пенсов, — с проблиском надежды поведал Паддингтон.

— Шесть пенсов? — Тут уж рот открылся у Адриана Криспа, и даже шире, чем у Паддингтона.

— Но я могу заплатить целых четыре шиллинга, если потрачу «булочные» деньги, — поспешно добавил медвежонок.

— Не лезь попусту вон из кожи, медведь, — проговорил мистер Крисп, аккуратно стряхивая опавшие листья со своих замшевых ботинок. Теперь он глядел на Паддингтона без всякого почтения. — Тут тебе не благотворительный базар. Я потратил целую жизнь на то, чтобы собрать эти произведения, и не могу отдавать их кому попало за бесценок.

— Но у меня только четыре шиллинга, — твёрдо сказал Паддингтон.

Адриан Крисп шумно вздохнул.

— Если хочешь, могу подобрать тебе за эти деньги парочку кирпичей, — съязвил он. — Разумеется, без доставки на дом, но...

Тут он осёкся, потому что перехватил взгляд Паддингтона — самый что ни на есть суровый.

— Э-а... — Мистер Крисп уныло огляделся и вдруг заметил прямо за спиной у медвежонка нечто такое, от чего лицо его просветлело. — А, вот это, пожалуй, подойдёт! — воскликнул он. —

И это я могу с лёгким сердцем отдать за четыре шиллинга.

Паддингтон тоже повернулся и поглядел.

— Спасибо большое, мистер Крисп, — сказал он не вполне уверенно. — А что это такое?

— Что это такое?.. — Мистер Крисп, похоже, слегка смутился. — Ну, знаешь... оно, наверное, от чего-нибудь отвалилось в давние-давние времена. Я не могу сказать, от чего именно. Да и вообще, друг мой косолапый, за четыре шиллинга не спрашивают, «что это такое». Ты и так должен благодарить меня за такое великое одолжение!

Паддингтон, конечно, понимал, что дарёному коню в зубы не смотрят, а кроме того, одолжение действительно было немаленькое — во всех смыслах. Со стороны оно напоминало футбольный мяч — такая здоровенная каменная кругляшка. Поэтому медвежонок поскорее отсчитал четыре шиллинга и вручил их мистеру Криспу, боясь, что тот передумает.

— Ну и тебе спасибо, — сказал мистер Крисп, без особой радости принимая у медвежонка горстку липких монет — несколько трёхпенсовых, несколько двухпенсовых и целую россыпь полупенсовиков. Тут он заметил, что Паддингтон принялся упаковывать своё приобретение. — На твоём месте я не стал бы... — начал было он.

Но было уже поздно. Не успел он договорить, как раздался зловеющий треск. Паддингтон выпрямился, горестно глядя на матерчатые ручки, оставшиеся у него в лапе, и на драные лоскутья, придавленные шаром.

— Это была любимая авоська миссис Бёрд! — воскликнул он возмущённо.

— Я ведь тебя предупреждал, медведь, — заметил мистер Крисп. — Считай, что эта штука досталась тебе за бесценок. Тут одного весу-то на все пять фунтов. Погоди-ка минутку, я помогу тебе выкатить её на улицу.

Паддингтон наградил продавца ещё одним суровым взглядом.

— Поможете мне выкатить его? — повторил он неуверенно. — Но как же я дотащу его до улицы Портобелло?

Мистер Крисп тяжело вздохнул.

— Если хочешь, могу дать тебе картонную коробку, — сказал он не без ехидства. — Но к покупкам дешевле пяти шиллингов бечёвки у нас не полагается.

Похоже, мистер Крисп был уже по горло сыт клиентами-медведями, и, когда спустя несколько минут им удалось выволочь «одолжение» на улицу, он захлопнул дверь и заложил её изнутри засовом с весьма решительным видом.

Паддингтон перевёл дух, положил чемодан поверх коробки, а потом, крепко обхватив и то и другое двумя лапами, вихляющейся походкой двинулся в сторону улицы Портобелло.

Даже среди прочих садовых скульптур мистера Криспа шар казался довольно крупным, на улице же выяснилось, что он велик непомерно. Паддингтону то и дело приходилось останавливаться, чтобы передохнули лапы, а один раз он случайно наступил на решётку возле магазинной витрины и чуть было не свалился и не перебил стекла.

Словом, он страшно обрадовался, когда, в очередной раз выглянув из-за своей ноши, он увидел невдалеке небольшую очередь и знакомую табличку — «ЛОНДОНСКИЙ АВТОБУС».

Едва он встал в очередь, как подкатил автобус и сверху донёсся голос кондуктора, призывающий пассажиров поторопиться.

— Давай-ка поживей, — сказал какой-то дяденька, приходя Паддингтону на помощь. — Вон там впереди свободное место.

Медвежонок не успел и глазом моргнуть, как его впихнули в автобус, а чьи-то сердобольные руки доставили следом его коробку и утвердили в проходе у самой кабины водителя.

Только Паддингтон приподнял шляпу, чтобы поблагодарить за помощь, как автобус дёрнулся и покатил дальше.

Паддингтон рухнул на сиденье, утирая лоб, но тут же в изумлении уставился в окошко. Да и было чему удивляться: погода стояла тихая и ясная, а снаружи почему-то донёсся громкий раскат грома.

Секунды две гром звучал совсем близко, и Паддингтон даже задрал голову в надежде увидеть

ещё и молнию, но на небе, как выяснилось, не было ни облачка.

Тут по лестнице простучали тяжёлые шаги, и из верхнего салона явился кондуктор.

— Мать честная! — слышался через секунду его ошарашенный голос. — Эт-то ещё что такое?

Паддингтон обернулся, чтобы узнать, в чём дело, и тут у него чуть глаза не вылезли на лоб.

Только что коробка, целенькая и безвредная, аккуратно стояла у его ног. Теперь же в боку у неё зияла дыра. А самое ужасное — круглое «одолжение» лежало в другом конце прохода!

— Твоё? — коротко поинтересовался кондуктор, выразительно ткнув пальцем сначала в каменный шар у своих ног, а потом в Паддингтона.

— Кажется, — уклончиво ответил медвежонок.

— Только медвежьих каменюк мне и не хватало, — с неудовольствием проговорил кондуктор и выразительно ткнул пальцем в инструкцию у себя над головой. — Вон, тут ясно сказано: «Пассажиры могут оставлять багаж под лестницей только с разрешения кондуктора». Ну а я тебе никакого разрешения не давал. И не дам, хоть ты тресни. Эта штуковина и так мне любимую мозоль отдавила!

— Это не медвежья каменюка, — запротестовал Паддингтон. — Это «последний штрих».

Кондуктор протянул руку и позвонил в звонок.

— Вот я тебя самого сейчас заштрихую, если будешь пререкаться, — посулил он. — Давай-ка слезай подбру-поздорову.

Похоже, кондуктор собирался высказать ещё целый ряд соображений о медведях-пассажирах вообще и о Паддингтоне с его каменюкой в частности, но тут слова застряли у него в горле. Дело в том, что, едва автобус затормозил, камень покатился по проходу обратно и громко бухнул в стенку кабины.

В водительском окошке мелькнула сердитая физиономия. Автобус снова тронулся, шар снова покатился по проходу и снова наехал на кондукторскую мозоль.

— Ну всё, хватит! — заорал тот, приплясывая и пытаясь дотянуться до звонка. — Мы и так уже проскочили одну обязательную остановку и две «по требованию»!*

Не успел он договорить, как камень снова сорвался с места, заурчал и бухнул в водительскую стенку, покрыв гул возбуждённых голосов.

Секунды на две автобус буквально встал на дыбы, точно одна его половина приросла к месту, а другая рвалась вперед. Потом, скрипнув тормозами, он замер у обочины, и в салон тут же ворвался разъярённый водитель.

— У тебя что, двадцать семь пятниц на неделе? — набросился он на беднягу-кондуктора. — То он звонит, чтобы я остановился. То стучит, чтобы я ехал дальше. Потом опять «дзынь». Потом снова «бух». Я тут зачем, крутить баранку или твой концерт слушать?

---

* В лондонских автобусах существует специальный условный сигнал: если кондуктор стучит в стенку кабины, водитель может ехать, не останавливаясь.

— Я-то тут при чём? — возмутился кондуктор. — Я, что ли, стучал тебе в дверь? Да это вон тот негодный медведь со своей каменюкой!

— Медведь с каменюкой? — недоверчиво повторил водитель. — Какой ещё медведь?

Кондуктор поглядел на переднее сиденье и даже побледнел от расстройства.

— Только что был здесь, — сказал он. — И при нём эта круглая каменюка, которая каталась по всему проходу.

И тут он торжествующе завопил:

— А, вон он где! Я же тебе говорил!

И он указал вдаль, на дорогу, где мохнатая фигурка поспевала вдогонку за круглым серым предметом, который, виляя, катился под уклон.

— Каменюка, наверное, выпала, когда ты остановился, — пояснил кондуктор.

— Его счастье, если он поймает её до улицы Портобелло, — заметил водитель. — Ну как эта штуковина врежется в какую-нибудь тележку с товаром!*

— Медведи!.. — горестно воскликнул кондуктор, поражённый ещё одной нерадостной мыслью. — Он ведь даже не заплатил ни за проезд, ни за провоз своей каменюки!..

---

* Рынок Портобелло — не просто рынок. Там продают всевозможные произведения прикладного искусства — от простеньких безделушек до ценного антиквариата. Именно поэтому на этом рынке всегда много туристов, охотников за сувенирами. Ну и, естественно, товар там хрупкий, и, опрокинув тележку торговца, можно натворить невесть каких бед!

Паддингтон и мистер Крубер удобно устроились на скамейке в патио. Паддингтон изрядно притомился после утренних приключений и страшно обрадовался, когда перед ним появился поднос с двумя чашками, какао и булочками.

Мистер Крубер буквально оторопел, когда Паддингтон вручил ему своё приобретение.

— Никогда ещё я не получал такого замечательного подарка, мистер Браун, — сознался он. — А тем более такого неожиданного. И как только вы умудрились дотащить его сюда?

— Это было нелегко, мистер Крубер, — сознался Паддингтон. — Я чуть было не вылез вон из кожи.

— Каков, однако, этот кондуктор! Надо же обозвать такую вещь «каменюкой»! — проговорил мистер Крубер, глядя на каменный шар.

— Мистер Крисп, по-моему, и сам толком не знал, что это за штуковина, — заметил Паддингтон. — Он только сказал, что отдаёт её по дешёвке.

— Думаю, это правда, — кивнул мистер Крубер. Он ещё раз внимательно осмотрел камень и погладил одну сторону, которая казалась чуть более плоской, чем остальные, и была обведена низеньким бортиком, точно поднос. — Знаете, что это, по-моему, такое, мистер Браун?

Паддингтон помотал головой.

— Я думаю, это древнеримский столик для какао, — торжественным голосом произнёс мистер Крубер.

— Древнеримский столик для какао? — опешил Паддингтон.

— Ну, может, и не совсем древнеримский, — справедливости ради уточнил мистер Крубер, — но одно точно: эта штука очень старинная и лучшего применения ей не найти!

Он взял кофейник, до краёв наполнил обе чашки дымящимся какао и аккуратно поставил их на плоскую поверхность каменюки. К изумлению медвежонка, чашки встали как влитые!

— Вот! — довольным тоном проговорил мистер Крубер. — Лучшего «последнего штриха», мистер Браун, желать не приходится. Не найдёшь и в тысячу лет!

ПОДАЛ — ПОЛУЧИ

Несколько тоненьких голосков вывели хором уже навязшую в зубах мелодию, после чего незамедлительно раздался настойчивый стук в дверь. Миссис Бёрд, не сдержавшись, испустила громкий стон.

— Неужели опять? — проговорила она, опуская вязанье на колени. — Уже пятая компания певцов за последние полчаса. Поскорее бы, что ли, Рождество наступило!*

— Пойду поговорю с ними, — без особого энтузиазма вызвался мистер Браун.

---

* Традиция, о которой здесь говорится, напоминает наше русское колядование: под Рождество компании песенников, обычно детей, ходят из дома в дом и поют рождественские песенки (по-английски «кэрролз»); эти песенки, славящие рождение младенца Христа, придуманы были давным-давно и передаются из поколения в поколение; ну а певцов за усердие полагается наградить деньгами или сладостями.

— Только выбирай выражения, Генри, — напутствовала его миссис Браун. — Не забудь, Паддингтон ведь тоже ушёл петь.

Мистер Браун застыл на пороге.

— Что?! — вскричал он. — Паддингтон ушёл *петь*? И ты его отпустила?

— Ну, ему очень хотелось, — начала оправдываться миссис Браун. — И потом, с ним Джонатан и Джуди, так что всё будет в порядке.

— Сколько я знаю, они собирают деньги на какой-то детский праздник, — добавила миссис Бёрд. — Под большим секретом.

— Ну, если устроители этого секретного праздника рассчитывают на Паддингтоновы сборы, боюсь, Рождество у них будет довольно унылое, — хмыкнул мистер Браун, принимаясь шарить по карманам. — Вы когда-нибудь слышали, как он поёт?

— Между прочим, на днях, когда Джонатан и Джуди ещё были в школе, он ходил петь один, — напомнила миссис Браун. — И насобирал, по нынешним временам, немало.

— Два банана, пуговицу и несколько французских франков, — уточнил мистер Браун. — Причём бананы были не первой молодости.

— Ну, голос у него, конечно, не совсем оперный, — вынуждена была признать миссис Браун. — Но он все последние дни репетировал у себя в спальне.

— Вот уж это, представь себе, я и без тебя знаю, — буркнул мистер Браун. — Я прошлой но-

чью два раза вскакивал с постели. Думал, окаянные коты в саду разбуянились.

Он двинулся было к дверям, потому что знакомая мелодия «Доброго короля Венцеслава» снова огласила окрестности, но тут вдруг лицо его просветлело, точно от какой-то приятной мысли.

— По крайней мере, — проговорил он, — у нас есть надежда получить своё обратно!

Если бы Джонатан, Джуди или Паддингтон услышали эту фразу, они бы, наверное, сильно расстроились. По счастью, они её не слышали, потому что, во-первых, находились слишком далеко, а во-вторых, были заняты совсем другим.

А именно — подсчётом денег, которые удалось собрать за вечер.

— Шиллинг и четыре с половиной пенса! — горестно подвёл итог Джонатан, направив луч фонарика в картонную коробочку, куда они складывали свои сборы. — Жалкий шиллинг и четыре с половиной пенса!

— Не так уж плохо, если учесть, что нам открыли только в четырёх домах, — возразила Джуди.

— Да не может быть, чтобы никого не было дома! — возмутился Джонатан. — Жалко, что каникулы так поздно начались. Все уже по горло сыты рождественскими песенками, вот в чём беда. Надо нам было начать пораньше.

— Может, лучше говорить, что мы собираем для *следующего* Рождества? — предложил Паддингтон.

Дело в том, что это была его идея — собрать денег на рождественский праздник в детской больнице, и теперь он чувствовал себя виноватым — ведь это он втянул Джонатана и Джуди в эту затею, тем более нелёгкую, что они твёрдо решили набрать не меньше десяти фунтов.

Джуди ободряюще пожала ему лапу.

— Вряд ли это поможет, — сказала она. — Но ты не огорчайся. Сейчас что-нибудь придумаем. Не бросать же дело на полдороге!

— Может, нам лучше разделиться? — внёс предложение Джонатан. — Соберём в три раза больше...

— Совершенно не обязательно уходить далеко, — добавил он, с лёгкостью угадав мысли сест-

ры. — Лучше вообще не терять друг друга из виду. А Паддингтону дадим фонарик, и он сможет позвать на помощь, если попадёт в переделку.

— Ну давай, — не слишком охотно согласилась Джуди. Она обвела взглядом ближайшие дома. — Я пойду вон в тот, на углу.

— А я, чур, вон в тот, с ёлкой в окне, — вызвался Джонатан. — А ты куда, мишка-медведь?

Паддингтон призадумался, разглядывая одно за другим окрестные здания.

— Пожалуй, я вон в тот, — решил он наконец, махнув лапой в сторону внушительного дома, стоявшего чуть поодаль от остальных, в котором явно вовсю шла весёлая вечеринка.

— Ну, тогда вперёд! — поторопил Джонатан. — Быстрее начнём — быстрее кончим. Встретимся на этом месте через полчаса.

— И не забудь, — напомнила Джуди, — попадёшь в переделку — сразу зови на помощь.

— Сигналь фонариком SOS, — крикнул Джонатан вдогонку Паддингтону. — Три короткие вспышки, три длинные и опять три короткие.

Паддингтон включил и выключил фонарик, чтобы убедиться, что тот работает, и деловито зашел в парадную дверь внушительного дома. Подойдя, он несколько раз прокашлялся и громко постучал. Он был из тех медведей, которые привыкли действовать наверняка, и решил, что, раз в доме стоит такой тарарам, лучше сначала постучать, а потом уже петь, а то, чего доброго, никто не услышит.

Он уже совсем было приготовился затянуть «Слышишь, ангелы поют...» и даже разинул рот, когда дверь внезапно распахнулась и в освещённом проёме показалась какая-то тётенька.

— Наконец-то, слава богу! — воскликнула она. — А я уже начала волноваться.

— Я миссис Смит-Чомли, — добавила она, открывая дверь пошире и пропуская Паддингтона в прихожую.

Паддингтон вежливо приподнял шляпу и шагнул в дом.

— А я Паддингтон Браун, — представился он. — Спасибо большое.

По непонятной причине любезная улыбка, игравшая на лице миссис Смит-Чомли, вдруг начала гаснуть.

— А вам много приходилось подавать? — поинтересовалась она.

— Нет, — честно ответил Паддингтон, с интересом озираясь. — Я скорее, наоборот, больше собираю...

— Вы хотите сказать, что никогда не подавали? — с плохо скрытым раздражением воскликнула миссис Смит-Чомли.

Паддингтон призадумался.

— Вчера, когда мы вылезали из автобуса, я подал миссис Бёрд лапу, — припомнил он.

Миссис Смит-Чомли истерически хихикнула.

— Мистер Бриджес в агентстве сказал, что все *крупные* специалисты у него уже заняты, — заме-

тила она, глядя сверху вниз на медвежонка. — Но я подумала, что он просто имел в виду... ну, их квалификацию... а не рост... ну, то есть...

Тут она совсем смешалась, однако быстро взяла себя в руки и продолжала, избегая встречаться с медвежонком глазами:

— Ну ладно, хорошо, что они хоть кого-то прислали. Видите ли, у меня сегодня званый ужин и моим гостям давно пора подавать суп. Поэтому ступайте поскорее на кухню и найдите там Владимира. Он уже просто кипит!

— Владимир уже кипит? — с искренним удивлением спросил медвежонок*.

— Владимир — повар, — пояснила миссис Смит-Чомли. — И если вы сию же минуту не придёте ему на помощь, боюсь, он зарежет кухонным ножом первого, кто подвернётся под руку. Когда я его видела в последний раз, он выглядел очень свирепо. — Тут она скользнула взглядом по лапам медвежонка. — Дайте мне ваш фонарик. Вряд ли он вам понадобится.

— Нет, если можно, я его сам подержу, — твёрдо сказал Паддингтон. — Может быть, мне придётся подавать сигналы.

— Вам придётся подавать на стол, — твёрдо сказала миссис Смит-Чомли, кинув на него грозный взгляд.

---

* Ничего удивительного, что Паддингтон принял слово «Владимир» за название какого-то диковинного блюда. Имя это — славянское и в Англии почти не встречается.

Они зашагали по длинному-длинному коридору; у двери в самом конце миссис Смит-Чомли остановилась и раскрыла сумочку.

— Вот ваши пять фунтов.

— Пять фунтов?!

Паддингтон уставился на новенькую хрустящую бумажку круглыми от удивления глазами.

— Это моя обычная плата, — пояснила миссис Смит-Чомли. — Но я попрошу вас приступить к делу немедленно.

— Спасибо большое, — ошарашенно поблагодарил Паддингтон, всё ещё не веря в свою удачу.

Не каждому выпадает счастье получить за рождественские песенки целых пять фунтов даже в канун праздника, поэтому он поспешил спрятать деньги в потайной кармашек чемодана — вдруг миссис Смит-Чомли передумает, когда узнает, что он помнит только первый куплет.

Паддингтон встал в торжественную позу, широко раскрыл рот и, набрав побольше воздуха, со всей мочи

завопил «Слышишь, ангелы поют...». Миссис

Смит-Чомли вконец побледнела.

— Этого не хватало! — вскричала она, зажимая уши. — И подаёт, и поёт!

Обескураженный Паддингтон смолк на полуноте.

— Может, у меня не совсем правильно получилось, — огорчённо признал он. — Это, наверное, потому, что я медведь...

Миссис Смит-Чомли передернула плечами.

— Это я и так вижу, — прошипела она, открывая дверь в кухню. — Уж я завтра скажу мистеру Бриджесу всё, что про него думаю! Ну а теперь ступайте-ка отрабатывать свои деньги. Мои гости умирают с голоду! — Не дожидаясь ответа, она втолкнула медвежонка в кухню и захлопнула за ним дверь.

— Ага!

Паддингтон так и подскочил: из-за груды кастрюль вдруг выросла белая фигура в высоком поварском колпаке и двинулась прямо на него.

— Ну! Наконец-то вы пришли! Шкорее! Штягивайте пальто и протягивайте руки!

Паддингтон щурился на нестерпимо яркую лампочку и не верил ни своим глазам, ни ушам. Однако не успел он освоиться и сообразить, что к чему, как белоснежный дяденька сдёрнул с него пальто и начал ставить тарелки с супом на его протянутые лапы.

— Шкорее! Шкорее! — покрикивал Владимир, щёлкая пальцами. — Маллиготони* ждать не любит!

— Малина тонет? — осторожным шёпотом переспросил Паддингтон, обретя наконец дар речи,

---

* Маллиготони — слово индийское. Это густой, очень острый и душистый суп. Англичанам всегда нравилась богатая специями индийская кухня, и многие её блюда, вместе со своими экзотическими названиями, прочно прижились на острове.

но все ещё едва решаясь дышать, чтобы не попали тарелки.

— Шуп, — коротко пояснил Владимир. — Шупштынет, а такими короткими лапами много шражу не унешёшь.

Паддингтон несколько раз моргнул, чтобы убедиться, что всё это не сон, потом закрыл глаза, намереваясь сосчитать до десяти, однако не успел он добраться и до трёх, как его вытолкали из кухни и пихнули к дверям, за которыми слышался оживлённый гул голосов.

— Шкорее, — прошипел Владимир, тыча медвежонка кулаком в спину. — Шюда.

Когда Паддингтон вошёл, гул за столом усилился, а некоторые гости даже заплодировали.

— Прекрасно придумано, Мейбл! — воскликнула одна из дам. — Медведь-официант. Какой сюрприз!

Миссис Смит-Чомли заставила себя улыбнуться.

— Честно говоря, это не я придумала, — созналась она. — Просто так уж вышло. Но для разнообразия действительно... очень забавно.

Пока Паддингтон добирался от двери до стола, миссис Смит-Чомли не сводила с него встревоженного взгляда. Впрочем, боялась она зря: если не считать того, что он дунул в шею одному из гостей, оказавшемуся на дороге, всё сошло довольно прилично.

— Пожалуй, лучше мы вам немного поможем, — поспешно предложила миссис Смит-Чомли, когда Паддингтон наконец благополучно достиг цели и остановился в замешательстве. — А то как бы чего не случилось...

— Спасибо большое, — пропыхтел Паддингтон, когда гости, один за другим, начали его разгружать. — Понимаете, с лапами всё это не так-то просто...

— Кстати, о лапах, — вмешался гость, стоявший за спиной у медвежонка, — вы заметили, что окунули лапу в мой суп?

— Ничего страшного, — поспешил успокоить его Паддингтон. — Он был совсем не горячий.

Гость бросил на «подавальщика» не слишком доброжелательный взгляд.

— Тогда примите от меня кое-что в благодарность, — сказал он.

— С удовольствием! — встрепенулся Паддингтон. Он уже немного освоился, и ему даже

понравилась его новая должность; поэтому он поспешно облизал лапу, на которую выплеснулось-таки немного супу, и выжидательно протянул её гостю.

— Примите мой добрый совет, — подчёркнуто проговорил тот, принимаясь с горя жевать булочку. — В другой раз не набирайте столько тарелок зараз — ничего и не случится...

Заметив, как вытянулась у медвежонка мордочка, миссис Смит-Чомли нервно хихикнула.

— Пойду погляжу, как там у Владимира со следующим блюдом, — сказала она и поспешно встала.

Паддингтон наградил гостя с булочкой уничтожающе-долгим суровым взглядом и, собрав пустые тарелки, направился к дверям. От пения на свежем воздухе и беготни с тарелками у него не на шутку разыгрался аппетит, а слова миссис Смит-Чомли заставили вспомнить, как вкусно и заманчиво пахло из Владимировых кастрюлек.

Паддингтон, правда, так и не понял, что вокруг него происходит, но твёрдо решил, что, прежде чем всё это кончится, он должен отведать хотя бы одно из кушаний знаменитого повара. Первое блюдо — со всеми зацепками и задержками — отняло у него непредвиденно много времени, и теперь, чтобы наверстать упущенное, он со всех лап бросился на кухню.

К его вящему изумлению, на Владимире уже не было белоснежного поварского облачения. Скомканный колпак валялся на полу, а сам Владимир, в чёрном пальто и шарфе, стоял у задней двери.

— Я еду обратно в Польшу, — объявил он трагическим голосом, заведя медвежонка.

— Ой, правда? — искренне огорчился Паддингтон. — А что, что-нибудь не так?

— Вшё не так, — отвечивал знаменитый повар и стукнул себя кулаком в грудь. — Я, Владимир, кормил обедами шамых вышопопштавленных першон Европы; короли и княжья терпеливо ждали, пока я жавершу швои творения, — и вот до чего я, Владимир, дошёл! Мои блюда не могут штолько штоять. — Он безнадёжно махнул рукой. — Мой шуп оштыл. Мои антрекоты жамёржли.

— У вас антрекоты замёрзли? — вконец огорчившись, спросил Паддингтон.

Владимир кивнул.

— Мой вошхитительный бифштекш пропал! — Он указал на противень с остывшими кусками мяса, который стоял на соседнем столике. — Мне пришлошь вытащить его иж духовки, а то бы он жгорел. — Он нагнулся и сжал Паддингтонову лапу. — Вшё это ваше, мой друг. Овощи в каштрюлях. Подавайте как жнаете. Я, Владимир, ухожу. Прощайте, мой друг... желаю ушпеха!

Обессилев от такой длинной речи, Владимир перевёл дух, театрально взмахнул рукой и исчез, а Паддингтон точно прирос к месту от удивления.

Можете себе представить, как сильно огорчился медвежонок, когда Владимир столь драматично исчез со сцены, но, когда он подал на стол бифштексы, миссис Смит-Чомли огорчилась ещё сильнее.

К чести Паддингтона надо сказать, что он добросовестно принёс в столовую и расставил по столам все овощи, но, несмотря на это, дела шли из рук вон плохо. Даже попытка подогреть бифштексы в электрическом тостере не увенчалась успехом, хуже того — некоторые из них не поместились и попадали на пол, хотя он и пытался их ловить.

Даже сам Паддингтон не мог не признать, что блюдо получилось, мягко говоря, не слишком аппетитное, и он порадовался в душе, что сам перекусил, прежде чем затеял возню с подогревом.

— Если и Лимонная Аляска окажется в таком же виде, — прошипела миссис Смит-Чомли, пытаясь одним глазом гневно сверкать на Паддингтона, а другим мило улыбаться гостям, — я потребую, чтобы Владимир вернул мне деньги.

— Лимонная Аляска, — процедила она сквозь зубы, заметив Паддингтоново удивление, — это специальный сюрприз для моих гостей, и я требую, чтобы она была приготовлена безупречно. Надеюсь, она уже в духовке?

Окончательно пав духом, медвежонок побрёл обратно на кухню, где несколько минут с тайной надеждой листал поваренные книги, но результаты были неутешительные.

Хотя миссис Смит-Чомли пригрозила отнять деньги только у Владимира, Паддингтон испытывал сильные опасения, что, когда она узнает об исчезновении знаменитого повара, его пяти фунтам тоже не поздоровится.

У миссис Смит-Чомли была целая куча поваренных книг из самых разных стран, но ни в одной из них не встретилось ни словечка о загадочной Аляске.

Но вот, когда Паддингтон в отчаянии захлопнул последнюю книгу, он вдруг заметил прямо перед собой низко висящую полочку и даже вздрогнул от неожиданности: там, в ряду прочих, стояла банка, на которой было написано как раз то, что нужно:

Не смея даже моргнуть, чтобы заветная баночка ненароком не исчезла, Паддингтон лихорадочно взялся за дело. Прежде всего он включил духовку на «максимум», потом подыскал подходящий противень. Поглядев на градусник и убедившись, что духовка нагрелась достаточно, Паддингтон вытряхнул из банки всё содержимое, размазал по противню и сунул печься.

Если Паддингтон что и имел против кулинарии, так это то, что результатов обычно приходилось ждать долго-долго. Однако на сей раз всё вышло не так. Едва он присел на чемодан и попробовал устроиться поудобней, как из духовки показались

струйки чёрного дыма, и умиротворённое выражение на его мордочке мгновенно сменилось озабоченностью, потому что кухню наполнил крайне неаппетитный запах...

Паддингтон кинулся к духовке, открыл дверцу и тут же отпрянул — густой чёрный дым повалил оттуда целыми клубами.

Зажав нос одной лапой, медвежонок взял в другую фонарик и горестно уставился на противень, с которого падали, шипя и пузырясь, вонючие чёрные капли.

Паддингтон был из тех медведей, которые не теряют надежды до конца, но, пока он катил тележку с порциями своего «десерта» к дверям столовой, в голове у него вертелась только одна мысль: хотя миссис Смит-Чомли и хотела удивить своих гостей, как бы они не удивились сильнее, чем она предполагала!

Глубоко и тяжело вздохнув, медвежонок покрепче сжал в лапе фонарик и постучал в дверь. Джонатан велел ему послать сигнал бедствия, если он попадёт в переделку, и всё говорило за то, что именно туда-то он сейчас и попадёт.

* * *

Мистер Браун таращился на Паддингтона, всё ещё не веря своим ушам.

— Неужели ты и в самом деле накормил гостей этой миссис Смит-как-её-там оконной замазкой? — воскликнул он.

Паддингтон подавленно кивнул.

— Она оказалась в той банке, — объяснил он.

— Паддингтон просто не дочитал надпись до конца, — вступилась Джуди. — Точнее, не прочитал с начала. Аляска — это такая сладкая штука с мороженым, которую пекут в духовке.

— Как он просигналил SOS, так всё и началось, — добавил Джонатан.

— Неудивительно, — хмыкнула миссис Бёрд. — Странно ещё, что гости не просигналили SOS — все хором!

— Они даже не рассердились, — заметила Джуди. — Когда пришёл настоящий официант и выяснилось, что Паддингтон просто хотел спеть песенку, они нас всех усадили за стол.

— А ещё официант встретил на улице Владимира, — добавил Джонатан.

— Владимира? — переспросил мистер Браун. Он уже порядком запутался. — Кто такой Владимир?

— Повар, — пояснила Джуди. — Когда он понял, какое произошло недоразумение, он вернулся и испёк эту самую Лимонную Аляску, так что все остались довольны.

— А потом мы им попели, — подхватил Джонатан. — И собрали больше трех фунтов. Значит, теперь у нас почти столько, сколько нам нужно!

Джуди тихо вздохнула.

— Аляска была первый сорт, — сказала она мечтательно. — Я бы с удовольствием съела ещё...

— Я тоже, — поддержал Джонатан.

Паддингтон облизнулся.

— Хотите, я пойду приготовлю её, мистер Браун? — вызвался он.

— Только не в моей кухне, — решительно воспротивилась миссис Бёрд. — Ещё не хватало, чтобы и мою духовку заляпали замазкой!

Однако у двери она помедлила и добавила, словно между прочим:

— Да, к слову... у нас сегодня как раз мороженое на ужин...

— Вот замечательно! — обрадовалась миссис Браун.

Мистер Браун степенно погладил усы.

— И я, пожалуй, тоже не откажусь от ложки-другой, — проговорил он. — А ты, Паддингтон?

Медвежонок призадумался. Среди всех невероятных событий этого вечера было одно, которое он запомнил ярче других: Владимирова Лимонная Аляска. Однако он ни секундочки не сомневался, что Аляска миссис Бёрд будет ещё вкуснее.

Когда Паддингтон сказал всё это вслух, а остальные Брауны хором его поддержали, у миссис Бёрд заметно порозовели уши.

— Комплименты слышать всегда приятно, — созналась она. — Особенно комплименты от чистого сердца.

— А кроме того, если хотите знать моё мнение, — добавила она, помедлив у двери, — медвежьи комплименты — самые ценные из всех и, безусловно, заслуживают самой большой порции!

ПАДДИНГТОН В ЦЕНТРЕ ЛОНДОНА

Мистер Браун отложил вечернюю газету и обвёл глазами комнату, где расположилось его семейство.

— Я только что понял ужасную вещь, — сообщил он. — До Рождества всего ничего, а мы до сих пор не съездили в центр и не посмотрели на рождественскую иллюминацию!

Паддингтон при этих словах наострил уши.

— А я, кажется, и вообще никогда её не видел, мистер Браун, — пожаловался он. — Ну, по крайней мере рождественскую уж точно.

Брауны разом бросили свои дела и уставились на него круглыми глазами. Паддингтон уже так давно жил с ними и все так к этому привыкли, что казалось само собой разумеющимся — хоть раз-то он рождественские огни уж точно видел; никому и в голову не могло прийти, что они упустили такую важную вещь.

— Ох ты, а ведь мишутка, кажется, прав, — всплеснула руками миссис Бёрд. — Обычную иллюминацию мы несколько раз видели и украшенный город днём — тоже, когда ходили в магазин за рождественскими подарками, но специально смотреть огни в центр ни разу не ездили. А вечером ведь самая красота!

— Слушай, папа, — воскликнул Джонатан, — поехали сегодня! Мы сто лет не были в центре!

Мистер Браун посмотрел сперва на часы, а потом на жену и на миссис Бёрд.

— Лично я — с удовольствием, — сказал он. — А как остальные?

Миссис Браун и миссис Бёрд переглянулись.

— Я дела закончила, — объявила миссис Бёрд, — я в этом году вообще управилась раньше обычного. Осталось вытащить булочки из духовки, и я готова.

— Поехали, папа! — умоляюще сказала Джуди. — Ну пожалуйста!

Мистер Браун ещё раз посмотрел вокруг, глаза у него заблестели.

— А что ты скажешь, Паддингтон? — поинтересовался он. — Тебе хочется поехать?

— Да, очень-очень, мистер Браун! — воскликнул Паддингтон. — Просто ужасно хочется!

Паддингтон вообще любил поездки, особенно непредвиденные и со всей семьёй, а когда мистер Браун объявил, что по дороге они ещё заедут за мистером Крубером, он и вовсе пришёл в восторг.

Следующие полчаса в доме номер тридцать два по улице Виндзорский Сад царил невообразимый

кавардак — все спешно готовились к знаменательному событию, а Паддингтон даже протёр губкой усы, пока Джуди расчёсывала ему шубку.

И вот всё семейство в отличном настроении забралось в машину, а через некоторое время смех и гам ещё усилились — на пороге своей лавки появился мистер Крубер с фотоаппаратом и несколькими лампами-вспышками, часть которых он тут же использовал, чтобы сфотографировать своих спутников.

— Вы не единственный, кто ещё никогда не видел рождественскую иллюминацию, мистер Браун, — признался он Паддингтону, втискиваясь на заднее сиденье рядом с миссис Бёрд, Джонатаном и Джуди. — Я её тоже никогда не видел и собираюсь насладиться в полной мере.

Уж как Брауны удивились, узнав, что Паддингтон никогда не видел рождественских огней, а слова мистера Крубера окончательно повергли их в изумление; Паддингтон же и вовсе остолбенел и даже забыл, как обычно, просигналить лапой, когда они вывернули на Портобелло-роуд.

Мистер Крубер и сам усмехнулся своим словам.

— Люди обычно не замечают того, что лежит у них прямо за порогом, — рассудительно проговорил он. — Я вам очень признателен за такое удовольствие. Говорят, огни в этом году особенно хороши.

По дороге мистер Крубер объяснил Паддингтону, что каждый год большие лондонские магазины общими усилиями украшают улицы яркими

картинами из сотен цветных лампочек, а из Норвегии в подарок жителям Лондона присылают огромную ёлку, и ёлку эту всегда ставят на почётное место в центре Трафальгарской площади*.

Всё это казалось невероятно интересным, и чем ближе они подъезжали к центру, тем сильнее им хотелось увидеть огни своими глазами.

Один раз Паддингтон даже вскочил с сиденья и замахал лапами, указывая на скопление зелёных огоньков впереди машины; мистер Крубер деликатно кашлянул.

— Полагаю, это просто светофоры, мистер Браун, — тактично заметил он, когда зелёный сменился жёлтым. — Но ничего, скоро мы увидим настоящую иллюминацию.

Тут огни снова поменяли свет, теперь уже на красный, и машина резко затормозила.

— Неудивительно, что он ошибся, — проворчал мистер Браун. — Удивительно, что он вообще что-то разглядел. Если не побережёмся, обязательно попадём в аварию.

Он подчёркнутым жестом вытащил тряпку и стал протирать лобовое стекло.

— Из-за этого медведя вся машина запотела! Люди подумают, что мы в ней чайник кипятим.

---

* Трафальгарская площадь — одна из центральных площадей Лондона. Здесь всегда много людей, а днём еще и голубей, которых принято подкармливать. Названа площадь в честь украшающей ее центр колонны адмирала Нельсона, чей флот одержал победу над французским флотом в битве при мысе Трафальгар 21 октября 1805 года.

— Он всегда пыхтит, когда волнуется, Генри, — пришла на помощь миссис Браун, а Паддингтон с глубоко оскорблённым видом уселся обратно на сиденье.

— На твоём месте, Генри, — продолжала миссис Браун, — я бы где-нибудь остановилась. Мы больше увидим, если пойдём пешком.

Это предложение встретило горячую поддержку. Всем надоело сидеть в тесноте, и через некоторое время, когда им удалось выбраться из плотного потока и найти место для парковки, даже мистер Браун согласился, что мысль была здравая, — они вылезли из машины и зашагали пешком по одной из центральных лондонских улиц.

Был ясный, морозный вечер, на тротуарах теснились люди — они разглядывали витрины, таращились на иллюминацию, которая напоминала россыпь золотых звёзд, или просто, как и Брауны, шли потихоньку, любуясь праздничным городом.

Неподалёку маячила длинная очередь, ожидавшая, когда откроется кинотеатр; в самом её конце кто-то пел песню под аккомпанемент ритмических щелчков, похожих на стук кастаньет.

— Похоже, там кто-то играет на ложках, мистер Браун, — говорил мистер Крубер. — Я такого уже сто лет не видел.

Паддингтон не только такого не видел, но и не слышал ни о чём подобном, поэтому он с интересом озирался, пока мистер Крубер объяснял, что бывают такие люди, уличные музыканты, которые зарабатывают на жизнь, развлекая тех, кто стоит в очереди перед входом в театр или в кино и ждёт, пока откроются двери.

К сожалению, музыкант стоял за углом и его не было видно, поэтому Паддингтон, тяжело вздохнув, снова переключился на иллюминацию.

Вокруг было столько всего интересного, что прямо глаза разбегались, и ничего не хотелось пропустить, да и сама по себе иллюминация была просто загляденье. Подумав как следует, Паддингтон снял шляпу, чтобы поля не мешали смотреть, крепко взял её обеими лапами и, откинув голову назад — так было дальше видно, — торопливо зашагал по тротуару.

Через некоторое время он вернулся к реальности, столкнувшись с мистером Крубером, который стоял у входа в кинотеатр и устанавливал фотоаппарат на штативе, чтобы снять происходившее вокруг.

Паддингтон как раз очухивался от столкновения, когда, к его удивлению, дяденька, стоявший в самом начале очереди, наклонился и бросил ему в шляпу маленькую блестящую кругляшку.

— Вот, держите, — сказал он приветливо. — Счастливого Рождества.

— Спасибо большое, — откликнулся Паддингтон, не скрывая удивления. — И вам того же.

Он заглянул в шляпу, чтобы понять, что ему дали, и от удивления чуть не сел на тротуар, а глаза у него стали просто совершенно круглыми.

В шляпе лежала целая кучка монет. Приличная кучка — последняя монетка даже затерялась среди других пенни, трёхпенсовиков и шестипенсовиков; столько было монеток разного размера и достоинства, что Паддингтон сперва попробовал их сосчитать, но скоро сдался.

— В чем дело, мишка-медведь? — спросила миссис Браун, разглядев изумление на его мордочке. — Ты, похоже... — Голос её прервался, потому что она тоже заглянула в шляпу. — Господи помилуй! — Миссис Браун зажала ладонью рот — Что ты такое натворил?

— Я ничего не натворил, — честно признался Паддингтон. Всё ещё не веря своей удаче, он встряхнул шляпу; несколько шестипенсовиков и полупенсовиков выпали в дырки на боку.

— Ничего себе! — воскликнул Джонатан. — Ты что, собирал деньги с очереди?

— Они, видимо, решили, что это ты играл на ложках, — встревожилась Джуди.

— Эй, ты там, — обратился к Паддингтону

дяденька, только что бросивший в шляпу монетку. — Я думал, ты музыкант.

— Музыкант? — Паддингтон бросил на дяденьку очень суровый взгляд. — Я не музыкант, я медведь!

— В таком случае давай шесть пенсов назад! — сердито потребовал дяденька. — Надо же, собирает деньги просто так!

— Ещё как собирает, — поддакнул его сосед в длинном шарфе, протискиваясь поближе. — Набрал тут целую кучу. А ну, верни мои четыре пенса!

Миссис Браун испуганно огляделась — ропот в начале очереди нарастал, и даже некоторые из стоявших довольно далеко стали показывать на них пальцами.

— Генри, сделай что-нибудь! — взмолилась она.

— Сделай что-нибудь! — повторил мистер Браун. — Да что я могу сделать?

— Между прочим, это ты придумал ехать в город смотреть на огни, — напомнила миссис Браун. — Я заранее знала, чем это кончится.

— Ничего себе! — возмутился мистер Браун. — Я-то тут при чём? — Он обернулся к очереди. — Прежде чем давать деньги, надо смотреть, кому и за что вы их даёте, — добавил он громким голосом.

— Явился тут со своей шляпой, — продолжал возмущаться дяденька в длинном шарфе.

— Ничего подобного, — вступила в разговор миссис Бёрд. — Он просто держал её перед собой. Можно подумать, медведю уже нельзя погулять по Лондону со шляпой в лапах!

— Ой, мамочки, — вздохнула Джуди, — час от часу не легче!

Она указала на хвост очереди, где, судя по всему, разгорелся ещё какой-то скандал. В центре скандала был человек в старом плаще. В одной руке он держал абсолютно пустую шляпу, а другой грозил какой-то компании, которая, в свою очередь, тыкала пальцами в сторону Браунов.

— Полундра! Мы вляпались! — воскликнул Джонатан, когда человек, а с ним двое рослых полицейских, явившихся на шум, зашагали в их сторону.

— Этот вот, этот! — завопил музыкант, возмущённо указывая на Паддингтона. — Тут честный человек пытается заработать на кусок хлеба к Рождеству, и что же? Является этот со своей шляпой и прикарманивает все мои деньги.

Первый полицейский вытащил блокнот.

— Ты откуда будешь, медведь? — спросил он строго.

— Из Перу, — честно ответил Паддингтон. — Из Дремучего Перу.

— Из дома тридцать два, улица Виндзорский Сад, — перебила его миссис Браун.

Полицейский посмотрел на них по очереди.

— Без определённого места жительства, — произнёс он внушительно и облизал карандаш.

— Как это без определённого места жительства? — вступилась миссис Бёрд. Она взяла зонтик наперевес и грозно глянула на полицейского. — Чтоб вы знали, у этого медведя самое что ни на

есть определённое место жительства, причём с тех самых пор, как он приехал в эту страну!

Второй полицейский опасливо покосился на зонтик миссис Бёрд, потом на остальных Браунов.

— Не похожи они на щипачей, которые чистят очереди, — сказал он, обращаясь к коллеге.

— Чистят очереди! — с негодованием повторил мистер Браун. — Уж будьте уверены, никакие очереди мы не чистим. Мы приехали показать этому юному медведю рождественскую иллюминацию.

— А мои денежки? — тут же вмешался музыкант. — Как это они оказались в его шляпе?

— Этот медведь далеко пойдёт! — проорал дяденька в шарфе. — Сцапал мои четыре пенса, и готово дело!

— Этот медведь, безусловно, ничего не цапал, — сказал мистер Крубер, подходя поближе. — Я всё видел через видоискатель.

— Видите ли, инспектор, я как раз делал снимок, — продолжал он, обращаясь к первому полицейскому. — И я твёрдо убеждён, что, когда его проявят, станет совершенно ясно: этот юный медведь ни в чём не виноват.

Мистер Крубер, судя по всему, собирался объяснить всё гораздо подробнее, но тут, ко всеобщему облегчению, служащий распахнул двери кинотеатра и очередь поползла внутрь.

— Разговоры разговорами, — не унимался музыкант, — но вы всё-таки верните мои денежки.

Они прослушали два хоровых номера из «Рудольфа, красноногого оленя» в моём виртуозном исполнении, — продолжал он плаксивым голосом, — и что же, всё впустую?

Очередь наконец втянулась в кинотеатр, зеваки начали расходиться, первый полицейский спрятал свой блокнот.

— Лично я считаю, — сказал он своему коллеге перед тем, как уйти, — что, если наш косолапый приятель отдаст собранные деньги законному владельцу, все будут довольны, и делу конец. Ты над этим подумай хорошенько, — добавил он, обращаясь к Паддингтону, — потому что, если, когда мы вернёмся, некоторые будут по-прежнему тут толкаться, мы можем заподозрить их в нарушении общественного порядка.

Паддингтон поблагодарил полицейского за мудрый совет и начал торопливо переключать содержимое своей шляпы в шляпу музыканта.

Из шляпы хлынул целый дождь серебряной и медной мелочи, и, глядя на него, Паддингтон всё сильнее и сильнее расстраивался. Трудно было сказать, сколько именно он собрал, но не оставалось никакого сомнения, что примерно столько им с Джонатаном и Джуди требовалось для рождественского праздника в детской больнице.

— Знать не знаю ни про какие медвежьи праздники, — буркнул музыкант, когда Паддингтон объяснил, на что собирается потратить деньги. — У меня свои праздники на носу, я о них и забочусь.

— Да ладно, Паддингтон. — Джуди ободряюще пожала ему лапу. — Мы и так много собрали. Кто знает, может, ещё что-нибудь подвернётся.

— Ну вот что, — сказал музыкант, подметив выражение Паддингтоновой мордочки. — Давайте-ка я вам на прощание сыграю на ложках. Глядишь, и повеселеете.

Он поднял руки и уже готов был заиграть, но тут мистер Крубер, очень внимательно слушавший весь разговор, вдруг, ко всеобщему удивлению, шагнул поближе.

— Позвольте мне взглянуть на ваши ложки? — спросил он.

— Чего ж нет, — согласился музыкант, передавая их из рук в руки. — Неужто вы тоже на них играете?

Мистер Крубер покачал головой, вытащил из кармана маленькую лупу и подошёл к ближайшему фонарю, чтобы рассмотреть ложки повнимательнее.

— Знаете что, — сказал он, — а ведь это, похоже, довольно ценная вещь. Весьма приличное серебро Георгианской* эпохи.

— Да вы что! — изумился музыкант, уставившись на мистера Крубера с открытым ртом. — Мои ложки?

— У меня к вам предложение, — перебил его мистер Крубер и махнул рукой, показывая, что дальше говорить не надо. — Я готов заплатить пять фунтов за эти ложки, если вы позволите мистеру Брауну оставить себе ваши деньги. В конце концов, это ведь и его заработок, пусть даже и совершенно случайный.

— Пять фунтов! — поразился музыкант, уставившись на бумажник мистера Крубера. — За эти ложки? Ну вы даёте, сэр. Да за такие деньги можете забрать и мою шляпу в придачу.

— Нет, большое спасибо, — решительно вмешалась миссис Браун. Мало ей было Паддингтоно-

---

* Георгианской эпоха называется по имени правившего тогда короля Георга. Беда в том, что Георгов этих было целых четыре — первый, второй, третий и четвертый, а продолжалась эта эпоха почти полтора столетия, с 1714 по 1830 г. А потом были ещё два Георга, пятый и шестой, которые правили уже в двадцатом веке, — и этот период тоже иногда называют Георгианской эпохой. Конечно, опытному антиквару не составляет труда определить, к какому именно стилю и периоду принадлежат ценные серебряные ложки, но возникает подозрение, что мистер Крубер нарочно решил ничего не уточнять и немножко запутать нас в королях Георгах.

вой шляпы со всеми её дырками, а шляпа музыканта, насколько она разобрала со своего места, была ничем не лучше, вот разве что мармеладных пятен на ней не просматривалось.

— Послушайте-ка, приятель, — начал приободрившийся музыкант, когда получил от мистера Крубера в обмен на ложки пятифунтовую банкноту и начал перекладывать деньги обратно в Паддингтонову шляпу, — там, где я брал эти ложки, и ещё есть. Если хотите...

Мистер Крубер бросил на него многозначительный взгляд.

— Благодарю вас, — сказал он твёрдо. — Но этих двух мне вполне достаточно.

Через несколько минут, попрощавшись с совершенно ошарашенным музыкантом, Брауны пошли дальше, причем Паддингтон старался держаться подальше от всех прохожих.

— Ну, — сказал мистер Браун, — я так до конца и не понял, что там произошло, но, похоже, закончилось всё ко всеобщему удовольствию.

— Тридцать семь шиллингов и четыре с половиной пенса! — воскликнул Джонатан через некоторое время, пересчитав все монетки. — Этого нам за глаза хватит. То-то они в больнице обрадуются!

— Я не знала, что вы собираете деньги на детский праздник, — покачала головой миссис Браун. — Надо было нам сказать. Мы бы тоже приняли участие.

— Это всё Паддингтон придумал, — объяснила Джуди, пожимая лапу, за которую держала

медвежонка. — А кроме того, если бы вы дали нам денег, это было бы не то. Просто совсем не то.

Мистер Браун повернулся к мистеру Круберу.

— Надо же, как вы ловко заметили эти ложки, — поразился он. — Просто удивительно, какие иногда вещи случаются.

— Чрезвычайно удивительно, — откликнулся мистер Крубер, которого вдруг очень заинтересовали украшения высоко над головой.

Одна только миссис Бёрд обратила внимание, как блеснули его глаза — примерно такой же блеск она подметила, когда он рассчитывался с музыкантом, — и в голове у неё возникли некоторые сомнения, после чего она благоразумно рассудила, что самое время сменить тему.

— Смотрите-ка, — сказала она, указывая вперёд, — вон она, ёлка на Трафальгарской площади. Если поторопимся, услышим, как поют рождественские песни.

Мистер Браун потянул носом.

— У меня есть другое предложение, — сказал он. — Похоже, пахнет жареными каштанами.

Паддингтон облизнулся. Он не так уж давно пил чай, но после всех волнений у него разыгрался аппетит.

— Жареные каштаны, мистер Браун? — воскликнул он. — Я, кажется, никогда ещё их не пробовал!

Брауны так и застыли на месте и второй раз за день с изумлением уставились на Паддингтона.

— Ты никогда не пробовал жареных каштанов? — повторил мистер Браун.

Паддингтон покачал головой.

— Никогда в жизни, — сказал он твёрдо.

— Ну, это мы сейчас исправим, — пообещал мистер Браун, подводя всё семейство к маленькой жаровне, стоявшей на тротуаре. — Семь больших порций, пожалуйста, — попросил он у продавца.

— Как удачно, что я захватил фотоаппарат, — поразился мистер Крубер. — Целых два события впервые в жизни, — продолжал он, расставляя штатив, — иллюминация, а теперь ещё и каштаны. Придётся сделать несколько дополнительных отпечатков, мистер Браун, и послать их в Перу тёте Люси. Полагаю, ей будет очень интересно.

Паддингтон от души, хотя и не очень внятно, поблагодарил своего друга — рот у него был набит каштанами. Вдалеке, за площадью, он видел празднично украшенную торговую часть Лондона,

а прямо перед ним стояла огромная ёлка, сиявшая мириадами ярких фонариков, и откуда-то доносились голоса, которые пели рождественские песни. Какой замечательный вечер, подумал Паддингтон, как замечательно, что впереди Рождество и что их приключение закончилось таким удачным образом.

— У вас плохо получается поставить выдержку, мистер Крубер? — спросил он с надеждой, добравшись до дна пакетика с каштанами.

Мистер Крубер посмотрел на него с удивлением.

— Я просто подумал, — заторопился Паддингтон, не дав ему ответить, и многозначительно посмотрел на жаровню, — что, может быть, мне стоит съесть ещё пакетик каштанов, так, на всякий случай?

— Вот уж что я про медведей скажу точно, — заявила миссис Бёрд, присоединяясь к общему хохоту, — так это что они ничего не оставляют на волю случая.

Мистер Браун полез в карман.

— В данном случае я совершенно с ними согласен, — проговорил он, и все дружно закивали. — Пожалуйста, ещё семь пакетиков!

КАК БРЮКИ В ПЕРЕДЕЛКУ ПОПАЛИ

Миссис Бёрд подняла к свету большой квадратный кусок клетчатой материи и придирчиво осмотрела его опытным взглядом.

— Отличная работа. Паддингтон просто молодец, — похвалила она.

— В магазинах бывает и похуже, — согласилась миссис Браун. — А что это такое?

— Он, кажется, сказал, что скатерть, — отозвалась миссис Бёрд. — Но что бы это ни было, в хозяйстве, безусловно, очень пригодится.

Миссис Браун посмотрела в потолок. Сверху доносился размеренный стук швейной машинки.

— По крайней мере, мы спокойно можем оставить его на денёк без присмотра, — заметила она. — Надо этим воспользоваться. На такой скорости долго эта машинка не протянет.

Миссис Браун побаивалась надолго оставлять Паддингтона в одиночестве. Всякий раз что-нибудь да приключалось — особенно если выпадала скучная минутка, — но пасхальные каникулы кончились, Джонатан и Джуди уехали в школу, и порой присматривать за медвежонком было попросту некому.

В последние дни новое увлечение Паддингтона стало основной темой домашних разговоров. А началось всё с того, что однажды утром, по дороге в булочную, он уронил в сточную канаву все свои карманные деньги — целых полтора шиллинга!

Монетки выпали через дырку в кармане его синего пальто, и даже дружные усилия двух дворников и одного мусорщика не помогли их обнаружить.

Хотя мистер Браун, сжалившись, выдал Паддингтону новые полтора шиллинга, тот ещё долго ходил как в воду опущенный. Он чувствовал себя обделённым на всю оставшуюся жизнь, и, когда через несколько дней пришли рабочие и стали чистить канаву, им пришлось выдержать немало суровых взглядов.

От печальных мыслей медвежонка отвлёк мистер Крубер. Однажды утром, вскоре после этого досадного происшествия, Паддингтон, как обычно, зашёл к нему в лавку и увидел на столике у двери какую-то непонятную штуковину, прикрытую матерчатым чехлом.

Мистер Крубер велел ему снять чехол, и Паддингтон чуть не упал от удивления: там оказалась

самая настоящая швейная машинка! А главное, сбоку на ней висел ярлычок с его именем!

Паддингтон закричал было «спасибо!», но мистер Крубер остановил его движением руки.

— Это чтобы никогда больше не повторился «день, о котором мы не говорим», мистер Браун, — сказал он, имея в виду «безбулочную пятницу». — Правда, она довольно старая, — продолжал мистер Крубер, пока медвежонок разглядывал подарок. — Она из большой партии подержанного товара, которую я купил на аукционе много лет назад, и с тех пор она так и стоит в задней комнате. Зато к ней прилагается книжка с инструкциями, и я считаю, что, если вы надумаете залатать дырку-другую, она вполне сойдет...

Паддингтон даже не знал, что сказать. Хотя миссис Бёрд распорол шов на его пальтишке и вставила в карман двойную подкладку из очень плотной материи, он уже ни в чём не был уверен; горячо поблагодарив мистера Крубера, медвежонок погрузил подарок в свою сумку на колёсиках и покатил её к дому.

Ему не раз приходилось видеть, как миссис Бёрд шьёт на машинке, и однажды она даже дала ему покрутить ручку, но о своей собственной швейной машинке он никогда и не мечтал!

Труднее всего оказалось вдеть лапой нитку в иголку, и первый раз Паддингтон провозился почти целый день. Но вот наконец-то нитка пролезла в ушко, и дом наполнился негромким равномерным перестуком.

Поначалу Паддингтон просто пристрачивал один к другому старые лоскутки, которые миссис Бёрд нашла в своей швейной коробке, но постепенно разошёлся и стал мастерить чрезвычайно полезные вещи: новое кухонное полотенце для миссис Бёрд; новые занавески в кукольный домик для Джуди; мешок для крикетной биты — Джона-тану; чехольчик для трубки мистеру Брауну — и конца-края не предвиделось.

— Только бы он не тронул своё новое одеяло, — рассуждала миссис Бёрд, поднимаясь наверх, чтобы дать Паддингтону указания насчёт обеда. — Я не хочу, чтобы к вечеру оно превратилось в покрывшку для чайника!

Миссис Бёрд не меньше других радовалась портняжным успехам Паддингтона, но отнюдь не разделяла уверенности миссис Браун в том, что теперь можно спокойно оставить его без присмотра.

Впрочем, даже её тревога несколько улеглась, когда выяснилось, что Паддингтон собрал в кучу все обтрепавшиеся носовые платки и усердно их подрубает.

— Да, кстати, — вспомнила миссис Браун уже на пороге, — сегодня должны зайти из прачечной. Бельё лежит у входной двери. Может быть, мистер Карри принесёт свои брюки, — он хочет, чтобы их ушили.

Миссис Бёрд фыркнула.

— Вот уж это вовсе не наша забота! Знаю я, что у него на уме: на этой неделе они берут за работу на шесть пенсов меньше, чем обычно, но только

с тех, кто пользуется услугами прачечной*. А ему, понимаете ли, жалко денег на то, чтобы самому отдать бельё в стирку, вот он и лезет к нам!

Миссис Бёрд не слишком жаловала своего ближайшего соседа. Мистер Карри слыл в округе не только скрягой, но ещё и любителем поживиться за чужой счёт, и миссис Бёрд до самой автобусной остановки поминала историю с брюками и другие ей подобные.

Едва Паддингтон успел закрыть входную дверь, как в неё громко постучали. Он помчался открывать и обнаружил на пороге мистера Карри.

— Доброе утро, медведь, — буркнул тот. — Я хотел бы отправить вот это в прачечную вместе с вашим бельём. Их надо ушить в поясе на четыре сантиметра, — продолжал он, протягивая Паддингтону серые фланелевые брюки. — Не больше и, уж конечно, не меньше. Я всё написал на бумажке, она лежит в кармане. В прошлом году я похудел, пока лежал в больнице, да так больше и не поправился. Теперь мне все брюки велики.

— Мне очень жаль это слышать, — вежливо ответил Паддингтон.

Насчёт того, что ему жаль это слышать, он говорил истинную правду: ведь мистер Карри, как вы помните, попал в больницу потому, что

---

* Прачечных ведь много, клиентов на всех не хватает, вот они и изыскивают разные хитрые способы сказать «спасибо» тем, кто делает им одолжение, стирая у них белье. Ну а просто так, за здорово живешь, они бы никому не стали ушивать брюки со скидкой — тем более мистеру Карри!

поскользнулся на куске булки с мармеладом, когда играл в гольф, и с тех пор поминал эту историю при каждом удобном и неудобном случае.

Однако на сей раз, по счастью, голова у мистера Карри была занята совсем другим.

— Запомни, брюки обязательно надо записать на ваше имя, — продолжал он. — Это очень важно. На этой неделе они берут всего девять с половиной шиллингов, и сегодня последний день.

Паддингтон взял брюки и крепко задумался.

— А я знаю такое место, где их ушьют всего за полтора шиллинга, — проговорил он с тайной надеждой. — И вернут прямо сегодня!

— Полтора шиллинга? — насторожился мистер Карри. — Необыкновенно дешево! И ты говоришь, они справятся в один день?

— Не они, а он, — поправил Паддингтон, кивая.

— А ему можно доверять, медведь? — засомневался мистер Карри. — Очень уж дешево!

— Можно, — с уверенностью ответил Паддингтон. — Я его знаю уже много-много лет. Всю свою жизнь. Он недавно потерял деньги на булочки и хочет во что бы то ни стало их вернуть.

По счастью, мистер Карри не расслышал последних слов — он думал о другом. Крепко поразмыслив, он объявил:

— Погоди-ка минутку, медведь. Такой случай нельзя упустить.

И он зашагал к дому.

Только он ушёл, приехал фургон из прачечной. Паддингтон растерялся. Поначалу идея самому

перешить брюки показалась ему просто отличной, но тут его вдруг одолели сомнения, и он уже собрался было бежать вслед за фургоном, но заметил в окне спальни физиономию мистера Карри и не побегал.

Мистер Карри не заставил себя долго ждать и заявился обратно. Паддингтон опешил: на соседе был домашний халат, а в руках он держал объёмистый свёрток в обёрточной бумаге.

— Я решил не мелочиться, медведь, — объявил он, шагая по садовой дорожке. — Если этот мастер действительно так хорош, как ты его расписываешь, дело того стоит.

Рот у Паддингтона открылся сам собой: мистер Карри положил свёрток на пол и извлёк оттуда целый ворох брюк. Такую кучу Паддингтон ещё никогда не видел — разве что в магазине.

— Это все, какие у меня есть, — пояснил мистер Карри и многозначительно добавил: — В том числе и брюки от самого парадного костюма.

— А может быть, вы всё-таки хоть одни оставите на всякий случай? — с тревогой спросил Паддингтон.

— На всякий случай? — рявкнул мистер Карри, которого насторожила растерянность медвежонка. — Мне это не нравится! Ты уверен, что всё будет в порядке? Если нет, я лучше отошлю их в прачечную!

— Боюсь, уже поздно, — убитым голосом отозвался Паддингтон. — Фургон только что уехал.

Мистер Карри бросил на него грозный взгляд.

— Учти, — предупредил он, — с этой минуты ты лично отвечаешь за сохранность моих брюк. И позаботься, пожалуйста, чтобы их вернули в срок, а то я никуда не могу выйти. А если что случится — голову оторву! Для начала вот тебе шесть пенсов, — добавил он, когда Паддингтон с надеждой протянул лапу. — А там посмотрим. Я не намерен платить неизвестно за что!

С этими словами мистер Карри развернулся и ушёл, оставив медвежонка в полной растерянности. Почему-то — Паддингтон и сам толком не знал почему, — стоило мистеру Карри появиться в доме, начинались всякие неурядицы, и он ни с того ни с сего соглашался на очень сомнительные предложения, даже не успев хорошенько сообразить, чем это пахнет.

Тяжело вздохнув, Паддингтон собрал брюки и побрёл наверх почитать инструкцию.

Раньше он в основном интересовался той частью, где рассказывалось, как машина устроена, но в самом конце была глава и о том, что можно сделать с помощью иголки, если удалось вдеть в неё нитку. Эту главу Паддингтон и открыл.

К сожалению, в ней не оказалось ничего подходящего. Видимо, в те давние времена очень редко носили брюки, а если и носили, то они были хорошо сшиты и никогда не рвались. Картинки в основном рассказывали о событиях довольно странных: например, на одной из них была нарисована тётенька, которая зацепилась юбкой за огромное переднее колесо старомодного велосипеда, а на

другой, которая называлась «Драма в пустыне», усатый дяденька в шортах зашивал палатку, после того как на неё наступил верблюд. Но что касается упоминаний о брюках, интерес представляло разве что полное их отсутствие.

Паддингтон с большим уважением относился к инструкциям, но уже не раз замечал, что в них, как правило, написано про всё на свете, только не про то, про что ему нужно.

На последней страничке, между прочим, говорилось, что перед обладателем машинки фирмы «Сама-Шиот» открываются бескрайние горизонты. Пока что Паддингтон видел на своём горизонте только два более или менее утешительных обстоятельства: Брауны вернутся нескоро, а мистер Карри вряд ли рискнёт высунуться из дому в таком неприличном виде.

Паддингтон был не из тех медведей, что отступают без боя, поэтому он взял ножницы и без особой надежды принялся ковырять один из швов.

Как ни странно, его старания тут же увенчались успехом: один рывок — и пояс распоролся пополам. Тогда Паддингтон решил ещё раз дёрнуть за свободную нитку, но это оказалось уже лишним: раздался треск, и брючина одним махом разъехалась до самого низу.

А потом, когда он ещё раз дёрнул за ту же нитку, а может быть, и за другую, одна штанина вовсе отвалилась и осталась одиноко лежать на столе.

Паддингтон на всякий случай задёрнул занавески, зажёл ночник и внимательно осмотрел

штанину. Он уже пожалел, что не выбрал для начала какие-нибудь захудалые штаны, а сразу же взялся за тёмно-синие брюки в мелкую полоску от лучшего костюма мистера Карри.

Впрочем, через некоторое время он изменил точку зрения: синие брюки, по крайней мере, аккуратно разделились на два куска, чего вовсе нельзя было сказать о брюках старых и поношенных.

Но настоящие сложности начались, когда Паддингтон попытался заново стачать некоторые половинки. Это оказалось куда труднее, чем он думал. Раньше ему доставались тонкие, послушные ткани, а брюки мистера Карри все как на подбор были из толстой, плотной материи. На поясе оказалось столько складок, что Паддингтон скоро сбился со счёта и с большой натугой крутил ручку. С горя он даже попытался зажать её в ящике стола и поворачивать саму машинку, но тут раздалось злое «трын!» и иголка сломалась.

Да, дела шли хуже некуда. Паддингтон трудился, не покладая лап, лишь наскоро перекусив куском булки с мармеладом, и всё же результаты не радовали даже его самого, а уж как мало они обрадуют мистера Карри, не хотелось и думать.

Коллекция, которую он мог предоставить на выбор своему соседу, получилась примерно такая: брюки без пояса с карманами наружу; брюки с большой прорехой сзади; серые фланелевые шорты со штанинами разной длины; несколько пар брюк со штанинами разного цвета и целый набор лоскутков, которые ни на что негодились.

Паддингтон не брался сказать заранее, какие брюки выберет мистер Карри, но точно знал, что в любом случае он вряд ли придёт в восторг и уж тем более не станет платить по полтора шиллинга за пару.

Медвежонок понуро оглядел груду обрезков. С отчаяния ему даже пришла в голову дикая мысль позвонить мистеру Карри, изменить голос и попробовать всё объяснить, но тут он вспомнил, что у того нет телефона.

Однако эта мысль натолкнула его на другую, и, заглянув ещё раз в инструкцию, Паддингтон помчался вниз.

На последней странице обложки он заметил надпись: «Что делать, если вы совсем отчаялись», а чуть ниже — адрес службы ремонта фирмы «Сама-Шиот», куда можно написать в безвыходной ситуации.

Паддингтон очень надеялся, что безвыходные ситуации не перевелись за долгие годы, служба эта по-прежнему существует и даже обзавелась телефоном. И ещё он был абсолютно уверен, что ситуации безвыходнее там не встречалось за всё это время!

Механик из службы ремонта фирмы «Сама-Шиот» изумлённо оглядывал комнату.

— Ну и разгром! — проговорил он сочувственно. — Что же ты натворил?

— Я переделывал брюки мистера Карри и сам попал в переделку, — ответил Паддингтон. — У меня осталось очень много лишних штанин...

— Вижу, — кивнул механик, подбирая с пола целую охапку. — Только, понимаешь ли, — продолжал он не совсем уверенно, — это вообще-то не совсем по нашей части. Подтянуть болтик-другой — это мы можем...

— Я уже пробовал потянуть нитку-другую, — грустно отозвался Паддингтон, — но ничего хорошего из этого не вышло...

Механик искоса взглянул на медвежонка и вдруг застыл на месте.

— Это твоё? — спросил он, указывая на швейную машинку.

— Моё, — кивнул Паддингтон. — Мне её мистер Крубер подарил. Правда, она довольно старая и вам, наверное, не очень понравится...

— НЕ — ОЧЕНЬ — ПОНРАВИТСЯ?.. — Механик распахнул дверь и заорал не своим голосом: — Джим! Джим! У этого медведя наша Первая Модель!

По лестнице прогрехотали шаги, и в комнату влетел второй механик. Паддингтон совсем перестал понимать, что происходит, но, главное, хоть

что-то начало происходить. Он битый час звонил в разные места и объяснял, что к чему, прежде чем сумел отыскать службу ремонта «Сама-Шиот» и вызвать оттуда механика. Впрочем, и на эту службу у него не было особой надежды, и теперь он слушал, разинув рот.

— То ли ещё будет, когда узнает наш мистер Бриджес! — ликовал механик, направляясь к двери. — Да он голову потеряет от счастья! Вот увидишь!

— Вряд ли увижу, — вздохнул Паддингтон. — Я, наверное, тоже голову потеряю, потому что мистер Карри мне её оторвёт, когда узнает про свои брюки.

Пусть даже в отдалённом будущем и наметился какой-то просвет, ближайшее будущее по-прежнему не сулило Паддингтону ничего хорошего. Так оно и оказалось. Гневный вопль, который долетел из дома мистера Карри, когда механик принёс ему свежие новости, звенел у медвежонка в ушах всю дорогу до улицы Портобелло. Он облегчённо вздохнул, только когда добрался до надёжного укрытия — лавки мистера Крубера.

Паддингтон забрался на диванчик, чтобы отдышаться, а мистер Крубер спешно сварил какао, и через несколько минут они устроились, как обычно, в шезлонгах на тротуаре.

Тогда мистер Крубер уселся поудобнее и внимательно выслушал длинный и довольно сбивчивый рассказ об утренних событиях.

Когда Паддингтон дошёл до конца, мистер Крубер удивился ничуть не меньше, чем он сам.

— Как здорово, что эта рухлядь оказалась такой ценной, — проговорил он. — А я бы ни за что не догадался. Вот видите, и в моём деле никогда не поздно поучиться.

— Механик сказал, что это их Первая Модель, — многозначительно сообщил Паддингтон. — Может быть, вообще первая машина, которую они сделали. Они уже давно ищут такую для своего музея, так что она, должно быть, ужасно дорого стоит.

— Самое главное, что они предложили бесплатно перешить брюки мистера Карри, — усмехнулся мистер Крубер, наливая по этому поводу по второй чашке какао. — А то пошли бы от нас клочки по закоулочкам. По-моему, мистер Браун, вам очень повезло. Вот рассудите-ка, — добавил он, — не урони вы деньги в канаву, ничего этого и не случилось бы. Большое порой начинается с маленького.

Паддингтон согласно кивнул сквозь пар над чашкой и украдкой потянулся к своему карману.

Мистер Крубер понял, что у него на уме.

— Нет, мистер Браун, боюсь, если вы нарочно положите деньги в канаву, ничего не получится, — тактично заметил он. — Видите ли, молния редко дважды попадает в одно и то же место, хотя судьба и преподносит порой очень забавные сюрпризы.

Паддингтон подумал и решил, что мистер Крубер абсолютно прав: не стоит рисковать без особой надобности.

— И потом, я не хотел бы, чтобы молния попала даже в брюки мистера Карри, — объявил он. — Особенно пока их не починили!

СКАЧКА ВО ВЕСЬ ДУХ

Паддингтон натянул поводья, остановил лошадь и в изумлении уставился на судью.

— У меня четыреста пятьдесят два штрафных очка? — воскликнул он возмущённо. — Но я проехал всего один круг!

— Там было двенадцать барьеров, — медленно и отчётливо выговаривая слова, ответил Рад Чизмен. — Вы сбили их все — это уже сорок восемь штрафных очков. Плюс четыре за то, что через последний барьер вы проехали ещё раз, задом.

— А кроме того, — добавил он веско, глядя вниз, на жалкие останки растоптанной шляпы, — ваша лошадь наступила на мой лучший цилиндр, который я сегодня собирался надеть на приём. Вот вам и ещё четыреста!

Мистер Чизмен был не в духе. Когда он заносил Паддингтоновы «успехи» на доску, выраже-

ние его лица абсолютно не соответствовало имени: чувствовалось, что он совершенно не рад такому обороту дела и вообще предпочёл бы вовеки не слышать о школе Святого Христофора и всех её учительницах и ученицах, не говоря уж о Паддингтоне.

Происходило всё это в день окончания четверти в школе, где училась Джуди. В этом году директриса мисс Гримшо решила вместо традиционных поздравлений и речей устроить спортивный праздник, чтобы собрать деньги на строительство нового бассейна*.

В программе были всевозможные конные состязания, и в двух самых главных заездах — первом и последнем — могли участвовать все желающие, в том числе родители, родственники и друзья учениц.

Участникам соревнований выдавали специальные подписные листы, на которые нужно было собрать как можно больше подписей. Подписавшиеся обязались заплатить небольшую сумму за каждый удачный прыжок.

Брауны приехали довольно рано, и Паддингтон, который решил участвовать в обоих заездах, без усталости бегал по стадиону со своим листом.

---

* В Англии и теперь довольно много школ только для мальчиков или только для девочек. Это, как правило, школы частные, где за обучение платят родители (и довольно дорого!). Зато чего только там нет: и стадионы, и конюшни, и плавательные бассейны, хотя деньги на их строительство и приходится порой выпрашивать у тех же родителей вот таким хитрым способом.

Школьные подруги Джуди хорошо знали медвежонка, поэтому оба четвертых, пятый и шестой классы уговорили всех своих родных и близких поддержать именно его. Суммы были самые разные — от шести пенсов до пяти шиллингов за каждый прыжок. Паддингтон собрал столько подписей, что его удачное выступление могло бы стать значительным подспорьем для нового бассейна.

Судить и комментировать соревнования ко всеобщей радости согласился Рад Чизмен, знаменитый олимпийский чемпион. Солнышко ярко светило в голубом небе, звонко цокали копыта, гомонили зрители, поскрипывали бессчётные корзинки с провизией — словом, день начался очень славно.

Когда Паддингтон вскарабкался на лошадь, по стадиону прокатился громкий восторженный рёв, который перешёл в ещё более громкий стон, когда он тут же свалился с другого бока. Но вот наконец медвежонок уселся — правда, задом наперёд, — и на стадионе воцарилась гробовая тишина; поначалу её нарушал лишь треск сшибаемых барьеров, а позднее к нему добавился яростный вопль мистера Чизмена, который окончательно рассвирепел, когда его лучшая шляпа превратилась в плоский блин.

А сильнее всех огорчился сам Паддингтон. Он, правда, никогда раньше не садился на лошадь, а тем более не пробовал прыгать через барьеры, но мистер Крубер одолжил ему десяток хороших книг по верховой езде, и он несколько вечеров подряд, вставив ноги в стремяна, сделанные из старых подтяжек Джонатана, скакал по гостинной верхом на пу-

фе, стегая его самодельным кнутиком. Несмотря на это, дело не ладилось. Паддингтон уже понял, что тренироваться надо было на чём-нибудь другом. Во-первых, лошадь оказалась куда выше и твёрже, чем он думал, — она была точно не живая, а железная; кроме того, хотя и на пуфе он скакал довольно резво, зажав его между коленками, это была черепашья скорость по сравнению с тем, как рванулась с места Чёрная Красавица. А главное, он не пробовал прыгать на пуфе через барьеры, разве что налетел случайно на миссис Бёрд, а Чёрная Красавица, по-видимому, твёрдо решила для себя, что кратчайший путь между двумя точками — прямая, независимо от того, что там находится посередине, и не обращала ни малейшего внимания на его вопли.

Если верить книжке мистера Крубера, верховая езда прежде всего требовала полного взаимопонимания между лошадью и всадником. Паддингтон, к сожалению, очень быстро понял, что тут ему похвастаться нечем. Он закончил круг, беспомощно вцепившись в хвост Чёрной Красавицы и крепко зажмутив глаза, а за ним по всему стадиону школы Святого Христофора тянулся длинный след разрушений, как по полям Бельгии после битвы при Ватерлоо*.

---

* В битве при деревне Ватерлоо 18 июня 1815 года английские и прусские войска окончательно разгромили армию Наполеона Бонапарта. Англичане на радостях даже назвали один из лондонских железнодорожных вокзалов вокзалом Ватерлоо (не путать: битва была не на вокзале!). А про человека, который после многих побед терпит-таки поражение, в Англии до сих пор говорят: вот он и дошёл до своего Ватерлоо.

— Не огорчайся, Паддингтон, — сказала Джуди, подбирая поводья. — Мы считаем, что у тебя очень неплохо получилось. Особенно для первого раза, — прибавила она, и её хором поддерживали все одноклассницы. — Немногие бы решились даже попробовать!

Зубы Паддингтона выстучали: «Сп-п-пасиб-бо б-б-большое!» Ему всё ещё казалось, что он сидит верхом на пневматическом отбойном молотке, и, пока его снимали с лошади, он не спускал с мистера Чизмена очень сурового взгляда.

— Какая досада! — посетовала миссис Браун, когда он поплёлся обратно к конюшне. — День ведь мог бы так славно начаться!

— Может, ему больше повезёт в «догоняйке», — не терял надежды Джонатан. — Он на неё тоже записался.

— Четыреста пятьдесят два штрафных очка! Сам-то хорош гусь! — фыркнула миссис Бёрд, когда из громкоговорителя загремел голос комментатора. — Его счастье, что он не наступил на Паддингтонову шляпу! Он бы так дёшево не отделался!

Бросив ещё один хмурый взгляд в сторону судейской вышки, миссис Бёрд принялась распаковывать корзину со снедью, и все её движения говорили, что у мистера Чизмена очень мало надежд получить хотя бы кусочек, если он, чего доброго, позабыл дома свои бутерброды.

— Хорошая мысль! — причмокнул Джонатан. — Я ужасно хочу есть! Прямо целую лошадь съел бы!

— Съешь Паддингтонову, — хмуро посоветовал мистер Браун. — Она того заслуживает.

— Ш-ш! — шикнула миссис Браун. — Вон он идёт! Не надо его ещё сильнее расстраивать!

Мистер Браун охотно предался другому занятию, куда более важному и интересному. Пока на стадионе поднимали опрокинутые барьеры и готовили следующий заезд, он расставлял в тени ближайшего дуба стол и стулья. Мистер Браун любил всё делать основательно, особенно когда речь шла об обеде на свежем воздухе, и на манер французов всегда превращал пикники в роскошные семейные пиршества.

Миссис Браун одну за другой извлекала из огромной корзины баночки и пластмассовые корбочки, набитые ломтиками помидоров, огурцов и свёклы, кружочками ливерной колбасы и самыми разными салатами. Вслед за ними появились клубника со сливками, мороженое двух сортов, чай, кофе, лимонад, печенье, пирожные, банка самого лучшего мармелада для Паддингтона — словом, стол ломился от яств.

Даже мистер Браун, который с полным равнодушием относился к верховой езде, вынужден был признать, что нет более приятного способа провести погожий летний денёк. Скачки продолжались, корзина всё пустела и пустела, и утренняя неудача скоро забылась.

Паддингтон тоже ел с аппетитом, но как бы между делом: всё его внимание было сосредоточено на книге про верховую езду, которую он взял

у мистера Крубера и привёз с собой на всякий пожарный случай. Раза два он даже окунул лапу в банку с майонезом вместо мармелада, потому что слишком увлёкся описанием разных прыжков, которое не успел прочитать дома, и вообще вёл он себя на удивление тихо, только иногда ни с того ни с сего подпрыгивал на стуле, репетируя самые замысловатые движения.

Он вернулся к действительности только в самом конце обеда, когда протянул лапу к корзине и рассеянно сунул в рот одну из знаменитых меренг миссис Бёрд.

— Правда, восхитительные меренги? — обратилась к нему миссис Браун. — В жизни не пробовала вкуснее!

— Тебе понравилось, Паддингтон? — спросила миссис Бёрд, заметив, что он кривит рот.

— Э-э... очень, миссис Бёрд, — из вежливости ответил Паддингтон. — Они очень... э-э... очень

необычные... Я, пожалуй, съем немножко мармелада, чтобы отбить.. э-э... чтобы...

Паддингтон замялся. Он не хотел обидеть миссис Бёрд, но меренга ему совершенно не понравилась. Ещё хорошо, что она оказалась совсем маленькой. Вообще-то это было довольно странно, потому что миссис Бёрд прекрасно готовила, и обычно её пирожные так и таяли во рту. А эта меренга не только не таяла, но ещё и хрустела на зубах.

Но это было ещё полбеда. То ли потому, что Паддингтон заел мороженое большой порцией винегрета, то ли потому, что мистер Браун случайно пролил на меренгу парафин из переносной печки, вкус у неё оказался на редкость противным, и, хотя Паддингтон усердно заедал её мармеладом, ничто не могло его отбить.

Впрочем, он был вежливым медведем и никого не хотел обидеть, а уж миссис Бёрд — в особенности, поэтому мужественно терпел. По счастью, Рад Чизмен вызволил его из неловкого положения, объявив, что сейчас начнётся последний заезд, и пригласив участников на старт.

Паддингтон поспешно засунул в рот остатки меренги, схватил книгу и подписной лист и побежал к лошадям в сопровождении Джуди и целой стайки её подруг.

— Одно я вам скажу, — заметил мистер Браун, когда Паддингтон скрылся в толпе, — если он перепрыгнет хотя бы через один барьер, бассейну и то будет немалая польза. Подписей у него — хоть пруд пруди!

И действительно, между двумя заездами список болельщиков медвежонка значительно вырос. Некоторые вписали свою фамилию по второму разу, желая показать, что верят в него по-прежнему, а некоторые подписались совсем по иной причине: они раскусили, что таким образом можно продемонстрировать свою щедрость, не рискуя сильно потратиться. Теперь лист был исписан вдоль и поперёк.

— Поделом им будет, если он вдруг выиграет, — сумрачно изрекла миссис Бёрд. — Таких и проучить не грех!

Судя по всему, миссис Бёрд ещё много чего собиралась сказать по этому поводу, но тут грянули аплодисменты и на стадион длинной вереницей выехали участники заезда.

«Догоняйка» состояла в следующем: участники выстраивались друг за другом, образуя круг, и по очереди прыгали через один-единственный барьер. Тот, кто допускал ошибку, сразу же выбывал из борьбы, и на каждом круге планку поднимали немного выше.

В этом заезде принимали участие почти все, кто умел держаться в седле, и круг растянулся по всему стадиону, так что прошло немало времени, прежде чем Брауны увидели Паддингтона верхом на Чёрной Красавице.

Они здорово переволновались, когда он, проезжая мимо, попытался приподнять шляпу, которую напялил поверх обязательной жокейской шапочки, однако в седле он удержался и вскоре

опять скрылся из виду. Одной лапой Паддингтон держал поводья, а другой напряжённо листал книгу мистера Крубера.

— О господи, — беспокоилась миссис Браун, — только бы он не свалился! Я при нём не хотела говорить, но ведь, наверное, очень трудно держаться в седле, когда у тебя такие короткие лапы! Неудивительно, что они всё время выскальзывают из стремени.

— Не волнуйтесь, — успокоила её миссис Бёрд. — Всё будет в порядке. Медведи всегда падают на все четыре лапы.

Впрочем, хотя миссис Бёрд и пыталась говорить непринуждённо, было видно, что она с не меньшей тревогой, чем остальные, ждёт первого прыжка. Джуди вернулась в самую последнюю минуту, и в общей суматохе острый взгляд миссис Бёрд подметил у неё на лице такое же странное выражение, какое было на мордочке у Паддингтона, когда он проглотил меренгу. Но миссис Бёрд не успела ни о чем спросить, потому что тут по толпе прокатился громкий рёв.

Брауны замерли от изумления, когда Паддингтон и Чёрная Красавица буквально перепорхнули через планку. Дело было так: Чёрная Красавица не спеша трусила по дорожке, как вдруг Паддингтон нагнулся и шепнул ей что-то на ухо. В следующую секунду лошадь и всадник взмыли в воздух и пролетели в нескольких футах над планкой. Правда, планка стояла на самой нижней отметке, но у зрителей всё равно вырвался вопль восторга.

— Браво! — крикнул кто-то совсем рядом. — Молодец, мишка! Так держать!

— Боги великие! — вскричал мистер Браун, от волнения крутя пальцем ус. — Если так и дальше пойдёт, он будет одним из первых! Вы видели? Он прыгнул выше всех!

Джуди что-то шепнула брату.

— Если так и дальше пойдёт, — нахмурился Джонатан.

— Ну, во всяком случае, на сей раз он не на последнем месте, — с облегчением проговорила миссис Браун, когда следующий наездник со звоном обрушил планку.

Как ни странно, опасения Джонатана не оправдались! На стадионе стали твориться настоящие чудеса: раз за разом Паддингтон и Чёрная Красавица с поразительной лёгкостью брали барьер, а их соперники один за другим выбывали из борьбы.

Перед каждым прыжком Паддингтон нагибался к Чёрной Красавице и шептал ей что-то на ухо, и всякий раз она, словно по волшебству, взмывала вверх и с коротким ржанием пролетала в нескольких футах над планкой.

Паддингтон так разгорячился, что бросил книгу мистера Крубера, чтобы свободной лапой приподнимать шляпу в ответ на громкие крики «ура!», и даже его «расчётливые» болельщики, которые поначалу сидели с кислыми физиономиями, не выдержали и принялись хлопать вместе с остальными.

И вот в кругу остались только Паддингтон и Диана Риджвей, лучшая ученица школы. Зрители вопили как одержимые. Симпатии разделились, но, когда Паддингтон вышел победителем, рёв восторга до оснований сотряс школьные стены, и Диана сама поставила последнюю точку, соскочив с лошади и бросившись его поздравлять.

Рад Чизмен напрочь позабыл об утренних неприятностях, и из громкоговорителя без передышки сыпались хвалебные фразы. «Великолепная выездка», «высокое мастерство», «яркий пример полного взаимопонимания между лошадью и всадником» — так и гремело по всему стадиону.

Однако, когда Паддингтон нагнулся со спины лошади к Диане Риджвей, она почему-то едва не отшатнулась, но взяла себя в руки, и среди общего восторга никто этого не заметил.

— Чудеса, да и только! — восклицал мистер Браун, утирая лоб. — Интересно, что же Паддингтон шептал на ухо Чёрной Красавице? Наверное, что-нибудь очень лестное, вот она и прыгала так здорово!

Джуди переглянулась с братом и глубоко вздохнула.

— Ничего он ей не шептал... — начала было она, но осеклась, потому что заметила, как к Паддингтону подходит директриса.

— Ого! Что сейчас будет! — воскликнул Джонатан.

Директриса схватила Паддингтона за лапу и давай её трясти!

— Какое мастерство! — восклицала она. — Позвольте мне пожать вашу лапу! Эти деньги полноводной рекой вольются в наш бассейн!

Паддингтон страшно удивился. Он полагал, что бассейн ещё и копать не начали, а уж тем более рано что-либо в него вливать.

— А я думал, вы собираетесь наполнять его водой, а не деньгами, — сказал он растерянно.

Улыбка вдруг застыла на лице у директрисы, и она потянула носом.

— Завтра же пошлю Бирча чистить сточные канавы, — пробормотала она, с сомнением глядя на медвежонка. — Я... э... надеюсь, что мы встретимся на приёме...

И она побежала дальше.

— Конец света! — ахнула Джуди. — Ещё и приём! Надо срочно что-то придумать.

Она протиснулась к Паддингтону, схватила его за лапу и повернулась к брату:

— Вот что. Отведём его к медсестре. Она вон там, в палатке первой помощи. Пусть даст ему что-нибудь.

— К медсестре? — забеспокоилась миссис Браун, увидев, что Джуди шепчет что-то Паддингтону на ухо. — Что стряслось?

— Всё в порядке, миссис Браун, — успокоил её Паддингтон. — Ничего страшного. Это всё та меренга...

— Моя меренга? — Когда Паддингтона увели, миссис Бёрд задумчиво наморщила лоб. — Сколько штук съели дети? — спросила она, заглядывая в корзину.

— Кажется, по три, — отозвалась миссис Браун. — Они что-то такое говорили. Джонатан хотел ещё одну, но больше не было. Я съела две, как и вы. — Она повернулась к мужу: — А ты, Генри?

— Э... четыре, — признался мистер Браун. — Они были такие маленькие...

— Получается четырнадцать, — подсчитала миссис Бёрд, продолжая рыться в корзине. — Я четырнадцать и испекла. Значит, что бы там наш мишка ни проглотил, это явно была не меренга!

* * *

Мистер Браун опустил до упора все стёкла в машине и покосился на Паддингтона.

— И всё же я не могу понять, как можно перепутать головку чеснока с меренгой! — недоумевал он.

— Тем более с меренгой миссис Бёрд, — вставила Джуди. — Медсестра прямо не знала, чем сполоснуть ему рот!

— Или чем зажать себе нос, — добавил Джонатан.

Паддингтон чувствовал себя виноватым.

— Я читал в книге про разные прыжки, — объяснил он. — И очень увлёкся. А когда заметил, было уже слишком поздно.

— Но съесть целую головку! — недоумевала миссис Браун, закрывая нос платком. — Ну, я ещё понимаю — дольку, но *целую головку!*

— Теперь понятно, почему Чёрная Красавица так здорово прыгала, — сказала Джуди. — Когда ты к ней наклонялся, у неё сразу открывалось второе дыхание!

— Странно, что она не улетела в космос, — согласился Джонатан.

Машина на полной скорости неслась в сторону Виндзорского Сада. Все окна были открыты настежь, и всё равно вокруг витал неистребимый чесночный дух.

Паддингтон почти всю дорогу стоял на переднем сиденье, высунув голову на ветерок, и всякий раз, как они останавливались, прохожие бросали в их сторону косые взгляды.

— Одно я вам скажу точно, — заметил мистер Браун, когда полицейский, который приказал им остановиться, в ту же секунду сделал знак ехать дальше, — сегодня перед нами все расступаются. Я ещё никогда так быстро не ездил.

— Может, в следующий раз, когда мы куда-нибудь поедem, я опять съем чесноку? — самоотверженно предложил Паддингтон, который изo всех сил старался загладить свою вину.

Мистера Брауна пробрала дрожь.

— Нет уж, спасибо. Одного раза вполне достаточно.

— А всё-таки, — вступилась Джуди, — всё хорошо, что хорошо кончается. Паддингтон собрал больше двухсот подписей и, по подсчётам мисс Гримшо, почти столько же фунтов.

— Мистер Чизмен сказал, что в жизни не видел ничего подобного! — заметил Джонатан.

— И не увидит, — хмурo посулила миссис Бёрд, — я больше никогда не буду печь меренги!

Раздался дружный вопль протеста, а громче всех вопил Паддингтон.

— Может быть, миссис Бёрд, вы лучше будете печь очень большие меренги? — спросил он с надеждой. — Чтобы они уж ни с чем не путались?

Миссис Бёрд на минутку задумалась. Это был такой приятный, хотя и суматошный день, что ей совсем не хотелось его портить.

— Ладно, будь по-твоему, — сказала она, смягчившись. — Только ты должен мне пообещать, что никогда больше не станешь скакать по дому верхом на пуфе!

Паддингтон без долгих размышлений согласился на это условие. Хотя он и молчал из вежливости, жёсткая лошадиная спина отбила у него всякий интерес к скачкам, и сейчас он вряд ли бы согласился сесть по доброй воле даже на самый мягкий пуф.

— Кажется, — объявил он и под взрывы хохота стал неловко карабкаться обратно на сиденье, — я даже спать сегодня буду стоя!

У ЗУБНОГО ВРАЧА

Паддингтон, всё ещё не веря своим ушам, обескураженно уставился на миссис Браун.

— Вы выбросили мой зуб в машину для мусора! — вскричал он. — Как же я теперь положу его под подушку?

Миссис Браун, страшно расстроенная, ещё раз заглянула в зияющую дыру на дне кухонной раковины.

— Ох, прости меня, пожалуйста! — проговорила она. — Он, наверное, был среди остатков завтрака. Боюсь, тебе придётся написать на бумажке, что и как, и положить её под подушку вместо зуба...

В семье Браунов свято соблюдалась давняя традиция: если у кого-то выпадал зуб, его полагалось класть на ночь под подушку, и утром на его

месте появлялся шестипенсовик*. Паддингтон ужасно огорчился, узнав, что его лишили такого интересного переживания.

— Может быть, посмотреть снаружи, под крышкой? — не теряла надежды Джуди. — Вдруг он там лежит на решётке...

— Вряд ли, — возразил Джонатан. — Это ведь зверь, а не машина. Мелет все подряд. Вчера она даже управлялась с ириской-тянучкой, которую мне дал Паддингтон...

— Конфета была первый сорт, — поспешно добавил он, перехватив негодующий взгляд медвежонка. — Мне такую в жизни не сделать. Ну... только вот чуть-чуть великовата, мне всю было не съесть...

— Хорошо ещё, — проговорил мистер Браун, возвращаясь к больному вопросу о зубе, — что машину не заклинило. Было бы обидно, она у нас всего две недели...

Но если это была попытка развеселить общество, то она потерпела полный провал, потому что Паддингтон бросил на мистера Брауна самый что ни на есть суровый взгляд.

— А зуб был у меня всю жизнь, мне тем более обидно, — отвечал он. — Притом это был мой лучший зуб. И я просто не знаю, что скажет тётя Люси, когда я ей об этом напишу!

---

* Класть выпавший зуб под подушку принято не только у Браунов — так делают все английские дети. Считается, что ночью приходит добрая фея и в утешение оставляет на месте зуба монетку.

Выпалив это оскорблённым тоном, Паддингтон вскочил и убежал наверх, в свою комнату, оставив на месте происшествия вконец расстроенных Браунов.

— Не понимаю, как у кого-то может быть лучший зуб, — проворчал мистер Браун уже в дверях. Он уходил на работу.

— Гм, — проговорила миссис Бёрд, — лучший или не лучший, но мишке было из-за чего расстроиться. Вы бы тоже небось не обрадовались, если бы ваш родной зуб выбросили в эту штукину для переработки мусора — пусть даже и по ошибке.

— И надо ж было этому приключиться именно с Паддингтоном! — вздохнула Джуди. — Вы же знаете, он терпеть не может терять свои вещи. Особенно если это вещь, которую ему приходилось чистить по два раза на дню...

— Да уж и не знаю, как его теперь утешить, бедняжку, — вздохнула миссис Браун, оглядывая кухню, заставленную грязной посудой, оставшейся после завтрака. — Ненавижу понедельники. По понедельникам всё вкривь и вкось — даже яичного желтка к тарелкам присыхает больше, чем обычно...

Остальные промолчали. Что и говорить, утро в доме номер тридцать два по улице Виндзорский Сад выдалось хуже некуда. Неприятности начались, когда Паддингтон объявил, что нашёл в своем варёном яйце кость, но все тут же припомнили похожий случай с рождественским пудингом и не

придали его словам особого значения; настоящая же буря разразилась немного позже, когда медвежонок отправился наверх, чтобы, как обычно по понедельникам, подсчитать, сколько он потратил денег и сколько ещё осталось.

Услышав отчаянный вопль, Брауны стремглав взлетели по лестнице и обнаружили, что Паддингтон сидит на кровати, пытаясь вытащить карандаш из здоровенной дыры, появившейся на том месте, где раньше был один из его задних зубов.

В ту же секунду в доме поднялся невероятный переполох. Кровать разворошили, ковры скатали в трубочки, вытряхнули пылесос, обшарили все карманы. Паддингтон даже попытался встать на голову, на случай если он случайно проглотил недостающую половинку зуба, но всё безрезультатно... ничего так и не нашли.

И только когда миссис Бёрд вспомнила про кость в яйце, они сообразили, что к чему, и со всех ног помчались обратно на кухню.

Увы, было уже слишком поздно! Ещё на полпути до них донеслось громкое урчание, и в ту минуту, когда они влетели в кухню, миссис Браун уже выключала машину.

Машина для переработки мусора появилась у Браунов совсем недавно и пока ещё была в диговинку, поэтому всё, от обгоревших спичек до обглоданных костей, отправлялось в её ненасытную пасть; но миссис Браун и в самом страшном сне не приснилось бы, что та же участь постигнет

любимый зуб медвежонка, и, узнав, в чём дело, она огорчилась не меньше других.

— В обычной поликлинике его вряд ли примут... — проговорила она задумчиво. — Может, обратиться к ветеринару?

— Ещё не хватало! — воспротивилась миссис Бёрд. — Нет уж, отведём его к частному врачу. Я сейчас же позвоню мистеру Личу.

И миссис Бёрд поспешно вышла из комнаты.

Все остальные ждали её возвращения с некоторой тревогой: хотя мистер Лич с незапамятных времен лечил Браунам зубы, ему ещё ни разу не доводилось иметь дела с Паддингтоном. Поэтому трудно было сказать заранее, как он к этому отнесётся, и все заметно воспряли духом, когда миссис Бёрд вернулась в пальто и шляпке.

— Мистер Лич ждёт нас, — сообщила она. — Пациентов с острой болью он принимает без очереди.

Миссис Браун облегчённо вздохнула.

— Ну и слава богу, — проговорила она. — Как любезно с его стороны, ведь официально Паддингтон не его пациент...*

— Кто сказал «Паддингтон»? — невинным тоном поинтересовалась миссис Бёрд. — Я в подробности не входила. Просто сообщила, что один из членов нашей семьи срочно нуждается в помощи...

---

* Хотя мистер Лич и частный врач, он также обязан лечить пациентов в рамках системы «национального здравоохранения» — медицинской службы, расходы на которую оплачиваются государством. Однако это касается только тех пациентов, которые официально занесены в его списки.

Она подняла глаза к потолку, откуда как раз долетел громкий горестный стон, и добавила:

— И между прочим, уж что правда, то правда! Пойду-ка поскорее вызову такси!

Миссис Бёрд снова сняла трубку, а остальные отправились наверх провести медвежонка. Он сидел на краю кровати с самым что ни на есть несчастным выражением на мордочке. Вернее, на той небольшой её части, которую можно было разглядеть, потому что всё остальное было замотано огромным махровым полотенцем. Время от времени из глубин полотенца долетал приглушённый стон. Сообщение о предстоящем визите к зубному врачу не слишком-то подняло настроение медвежонка, а когда его усадили в уже поджидавшее такси, оно упало вконец.

— Что, приятель, зубы зубастовку объявили? — посочувствовал шофёр, кивая на полотенце.

— Какую зубастовку? — не понял Паддингтон.

— Худо, если у них там сильный профсоюз, — продолжал шофёр. — Один бросил работу — и все следом!*

Миссис Браун поспешно захлопнула окошечко, отделявшее шофёра от пассажиров.

— Не обращай внимания, мишка-медведь, — сказала она. — Я уверена, что мы всё делаем

---

* В те дни забастовки, как правило, организовывались и проводились профсоюзами. Шофёр намекает на то, что, если уж один зуб надумал бастовать, существует сильная опасность, что остальные последуют за ним.

правильно. Мистер Лич очень опытный врач. Он практикует уже много-много лет.

— *Практикует?* — ещё больше встревожился Паддингтон. — А может, лучше заплатим подороже и поедем к кому-нибудь, кто уже научился?

Брауны переглянулись. Порой Паддингтону не так-то легко бывало что-нибудь объяснить, особенно когда голова у него была занята совсем другим, и дальше они ехали в молчании.

К концу пути Паддингтон совсем растерялся и расстроился, зато мистер Лич с первого взгляда понял, что и как, и тут же высказал своё мнение.

— Боюсь, мне придётся взять с вас больше обычного, — заявил он. — У медведей ведь сорок два зуба.

— У меня сорок один, — поправил Паддингтон. — Сорок второй переработали.

— Всё равно это на девять штук больше, чем полагается, — строго сказал мистер Лич, уводя медвежонка в кабинет. — У меня даже нет подходящей карты. Для начала придётся просить медсестру начертить её для тебя.

— Господи, надеюсь, мы поступили правильно, — вздохнула миссис Браун, когда за врачом закрылась дверь. — Всё-таки это я во всём виновата...

Миссис Бёрд хмыкнула.

— Вовсе не вы, а эти Паддингтоновы ириски-тянучки, — сумрачно изрекла она. — Самое, скажу я вам, подходящее название. Тянешь их потом изо рта, тянешь, а вытянуть не можешь... Неудиви-

тельно, что у медведя сломался зуб. Он вчера весь день жевал эту гадость, пока готовил. Мне пришлось выбросить сковородку, а сколько на кухонном полу было липких клякс — и не перечесть. Раза два я чуть не подвернула ногу.

Паддингтоновы самодельные ириски в последние дни стали в доме проблемой номер один. Ладно бы они только присыхали к сковородке. Строго говоря, если бы они с самого начала присохли раз и навсегда, неприятностей было бы куда меньше, но в конце концов тягучая масса превратилась в горку вязких кругляшек, которые прилипали ко всему на свете, и последующие несколько минут миссис Бёрд в подробностях объясняла, как, по её мнению, с этими ирисками следовало бы поступить.

Впрочем, ни от кого не укрылось, что, на чём свет ругая медвежьи конфеты, она не сводила глаз с дверей кабинета, словно пыталась просверлить их насквозь.

Однако в кои-то веки раз опасения миссис Бёрд были совершенно напрасны, потому что мнение Паддингтона о зубных врачах медленно, но верно менялось к лучшему.

Он оглядел кабинет мистера Лича и заключил, что здесь куда приятнее, чем ему казалось поначалу. Всё вокруг было чистым и блестящим, без единого мармеладного пятнышка. И хотя мебели, как сказала бы миссис Бёрд, не мешало бы и подбавить, единственное кресло мистера Лича с лихвой искупало этот недостаток. Паддингтон

в жизни не видел ничего лучше. Кресло было не просто кресло, а скорее кушетка, которую можно было поднимать, опускать и по-всякому раскладывать, нажимая на одну-единственную кнопку. От восторга у Паддингтона даже дух захватило.

Прямо у него над головой висела большая лампа, которая очень приятно грела, а у левого локтя стояли стаканчик с розовой водичкой и белая мисочка; с другой же стороны, там, где сидел мистер Лич, к креслу был прикреплен столик с разными блестящими инструментами.

Паддингтон поспешно отвёл глаза от инструментов и поудобнее устроился в кресле. Он вообще любил всё новое и, несмотря на боль, послушно разинул рот, с интересом наблюдая за мистером Личем, который взял со стола палочку с крючком на конце и что-то вроде зеркальца на длинной ручке.

Мистер Лич принялся постукивать палочкой по Паддингтоновым зубам и несколько раз одобрительно хмыкнул. Он забирался всё глубже и глубже и под конец даже принялся что-то напевать.

— Недурно, мишка, недурно, — проговорил он наконец, выпрямившись. — Просто приятно иметь дело с такими зубами.

Паддингтон с видимым облегчением стал вылезать из кресла.

— Большое спасибо, мистер Лич, — поблагодарил он. — Было совсем не больно.

Доктор явно слегка опешил.

— Да я ещё ничего не делал, — проговорил он. — Это был только осмотр — чтобы установить, что и как. Всё ещё впереди. У тебя разрушена коронковая часть одного заднего зуба.

— Что?! — так и подскочил Паддингтон. — У меня разрушена коронковая часть заднего зуба? — Он красноречиво посмотрел на палочку в руке у мистера Лича и многозначительно прибавил: — Когда я пришёл, она была в порядке. Это, наверное, вы её разрушили, пока стучали.

— Разрушена коронковая часть, — назидательно проговорил мистер Лич, наклоняясь над своими инструментами. — Иными словами, у тебя сломан задний зуб. — Он лукаво погрозил медвежонку пальцем: — Ай-ай-ай, похоже, мы кушали что-то не очень полезное, а?

Паддингтон снова откинулся в кресле и посмотрел на врача с удвоенным интересом.

— А вы разве тоже любите самодельные ириски, мистер Лич? — поинтересовался он.

Мистер Лич бросил на пациента довольно строгий взгляд.

— У тебя отломился большой кусок коренного зуба, — медленно и отдельно отчеканил он. — Боюсь, придётся прибегнуть к протезированию.

Паддингтон, донельзя огорчённый такой перспективой, протянул лапу к стакану с розоватой водичкой.

— Только, если можно, я сначала выпью лимонаду, — сказал он.

— Это, — подчёркнуто проговорил мистер Лич, — никакой не лимонад. Это вообще нельзя пить. Этим ты будешь полоскать рот, когда я закончу сверлить, чтобы удалить пыль и крошки. Если бы я за просто так поил лимонадом всех захожих медведей, я бы уже давно потерял работу.

Он брезгливо покосился на сосульки мокрой шерсти на Паддингтоновом подбородке и сделал сестре знак, чтобы та повязала медвежонку клеёнчатый фартучек.

— Укольник не желаем? — спросил он. — А то может быть больно.

— Желаем, — с готовностью согласился Паддингтон. — Можно даже два.

— Хватит и одного, — сказал мистер Лич, поднимая шприц к свету. — Ну, открой-ка ротик пошире. И помни: если что, мне будет в два раза больнее, чем тебе.

Паддингтон послушно разинул рот и, по совести говоря, кроме лёгкого прикосновения иглы, вообще ничего не почувствовал.

— А теперь я вам, — сказал он с готовностью.

Мистер Лич вытаращил глаза.

— Мне? — поразился он. — Мне не надо...

Паддингтон вытаращился в ответ.

— Но вы же сказали, мы желаем укольчик, — напомнил он. — И что вам будет в два раза больнее, чем мне.

Некоторое время мистер Лич остолбенело глядел на медвежонка, точно не веря своим ушам, а потом обернулся к сестре.

— Поскорее бы это кончилось! — вздохнула миссис Браун. — Не знаю, как Паддингтон, а я долго не выдержу.

По счастью, долго терпеть миссис Браун и не пришлось, потому что не успела она договорить, как дверь кабинета распахнулась и оттуда выскочила очень бледная медсестра.

— Скорее сюда, пожалуйста! — взмолилась она.

У миссис Браун перехватило дыхание.

— Паддингтон! — вскричала она. — Он не...

— Нет! — успокоила её сестра. — Он не!.. С ним мы вообще пока ничего не делали. Это мистер Лич кричит.

Миссис Бёрд, с зонтиком наперевес, устремилась в кабинет.

— Что здесь происходит? — спросила она.

— А-а-а-а-а-а-а-а-а! — отозвался Паддингтон.

— О-о-о-о-о-о-о-о-о-о! — голосил мистер Лич. — Ой-ой-ой! Ай! А-а-а-а-й-ай-ай!

— Полундра! — крикнул Джонатан, и они с Джуди бросились к врачу и пациенту, которые словно приросли друг к другу.

— Я тащу Паддингтона, а ты тяни мистера Лича! — скомандовала Джуди.

Через минуту мистер Лич, шатаясь, отступил в дальний конец кабинета.

— Мой палец! — медленно и раздельно произнёс он, не сводя глаз с пациента. — Мой большой палец — вернее, то, что от него осталось, — попал между слепком и вашими зубами.

Паддингтон напустил на себя очень оскорблённый вид.

— Вы сказали кусать крепко-крепко и не отпускать, что бы ни случилось, — пояснил он.

Миссис Браун испуганно взглянула на врача, который стоял посреди кабинета, дую на пострадавший палец.

— Может, нам лучше прийти в другой раз? — спросила она неуверенно.

С минуту мистер Лич, похоже, отчаянно боролся с собой, но наконец взял себя в руки.

— Нет! — проговорил он решительно. — Нет и нет! Когда я вступал на эту стезю, я знал, что не всегда всё будет идти гладко. — Он взглянул на медвежонка и потянулся к бормашине. — Двадцать лет прошли без сучка и задоринки. Должно же это было когда-то кончиться! Я не могу позволить, чтобы сломанный медвежий зуб взял надо мною верх!

Прошло довольно много времени, прежде чем Паддингтон снова показался на пороге кабинета, и, хотя после спасения докторского пальца внутри царила тишина, Брауны облегчённо вздохнули, увидев, что он выглядит ничуть не хуже, чем обычно. Более того, он так и сиял, а рот его был широко открыт, чтобы все желающие могли туда заглянуть.

— Мистер Лич обещал мне вместо зуба золотую корону! — гордо объявил он. — У меня такая большая дырка, что ничем другим её не заткнёшь.

Мистер Лич, который тоже вышел из кабинета, поглаживая забинтованный палец, позволил себе улыбнуться.

— Кажется, в конце концов мы всё-таки победили, — проговорил он. — Я жду мистера Брауна через неделю для окончательной примерки.

— Огромное вам спасибо, мистер Лич, — от души сказал медвежонок. Потом он нагнулся, открыл свой чемодан, вытащил оттуда внушительных размеров бумажный пакет и протянул врачу. — Не хотите попробовать?

Мистер Лич замялся.

— Я... э-э... обычно не позволяю себе... — проговорил он, заглядывая в пакет. — Нельзя, знаете ли, подавать дурной пример... но, должен сказать, выглядят они крайне аппетитно. Спасибо большое. Я... э-э...

Мистер Лич засунул ириску-тянучку в рот, и в тот же миг голос его прервался, а на лице второй раз за утро появилось оторопелое выражение.

— Г-р-р-р-р-р-р... — прохрипел он, тыча пальцем себе в рот. — Грыг!

Паддингтон с интересом посмотрел на врача.

— Вы и себе разрушили коронковую часть заднего зуба, мистер Лич? — озабоченно осведомился он.

Секунду мистер Лич не сводил с медвежонка взгляда, потом схватился за челюсть и побрёл обратно в кабинет. Ему казалось, что не только его задние зубы, но и передние, и даже сами челюсти навеки приклеились друг к другу, и, когда он за-

хлопывал дверь, выражение его лица предвещало мало хорошего следующему пациенту.

Паддингтон вконец расстроился.

— Я думал, ему понравится! — проговорил он.

— Понравится, — сухо согласилась миссис Бёрд, вслушиваясь в сдавленные вопли, долетающие из кабинета. — Вот посмотрим, как тебе всё это понравится через неделю. Судя по звукам, не очень...

Она решительно подняла палец.

— И между прочим, как только мы вернёмся домой, я намерена ещё кое-что переработать. Хватит с нас этих тянучек-липучек.

Залезая в такси, Джуди ободряюще пожала медвежонку лапу.

— Ничего, — прошептала она. — Ты только подумай, много ли на свете медведей, которые могут похвастаться золотым зубом?

— И кроме того, — добавила миссис Браун, — это сделает тебя ещё более ценным. С золотым зубом во рту ты уж точно будешь на вес золота — по крайней мере местами.

Устроившись на сиденье, Паддингтон ещё минуты две обдумывал её слова. За это утро столько всего случилось, что трудно было даже упомянуть, — не говоря уж о том, чтобы вместить в открытку к тёте Люси! Однако, по его мнению, кончилось всё очень хорошо, и он не сомневался, что тётя Люси полностью с ним согласится.

Миссис Бёрд покосилась на него, и всем показалось, что в глазах её сверкнула лукавая искорка.

— А ведь если судить по тому, что сегодня произошло, сломанный зуб лучше целых двух, даже если он и попал в машину для мусора, — проговорила она.

Паддингтон несколько раз кивнул и возвестил под дружный вздох облегчения:

— Теперь я все свои выпавшие зубы обязательно буду перерабатывать!

ПАДДИНГТОН РЕКОМЕНДУЕТ

Миссис Браун надорвала первый из пришедших с утренней почтой конвертов, извлекла оттуда белоснежную хрустящую карточку и уставилась на неё в полном изумлении.

— Ну и дела! — воскликнула она. — Миссис Смит-Чомли даёт рождественский бал в пользу детской больницы, и мы все на него приглашены!

Паддингтон, сидевший на другом конце стола, насторожился и так и не донёс до рта кусок булки с мармеладом.

— А она всем его даёт? — живо поинтересовался он. — И медведям тоже?

— Давать бал вовсе не значит давать в лапу, мишка-глупышка, — рассмеялась миссис Браун.

— Это просто значит, что она приглашает всех потанцевать, — объяснила Джуди.

— Какая ещё такая миссис Смит-что-мне? — пробурчал мистер Браун.

Миссис Браун протянула ему приглашительный билет.

— Ты разве забыл, Генри? Паддингтон познакомился с ней в прошлом году, когда ходил петь рождественские песенки. Ну, он ещё случайно подал её гостям печёную замазку...

— Ого! — вмешался Джонатан, который дочитал приглашение до конца. — То ли она отправила его слишком поздно, то ли на почте задержали... Это же завтра вечером!

— И это ещё не всё, — прибавила миссис Браун. — Видели, что там написано в самом низу?

Паддингтон обошёл вокруг стола и заглянул через плечо миссис Браун.

— Рысивыпь! — прочитал он.

— Нет, милый, — поправила миссис Браун. — R.S.V.P. Это означает «répondez s'il vous plait», «пожалуйста, пришлите ответ», только по-французски*.

— Ты имеешь в виду приписку, что приходит нужно в вечерних туалетах? — Мистер Браун покосился на Паддингтона, который размахивал булкой, намазанной мармеладом, у самого его уха. — Что ж, выходит, не судьба. Боюсь, нам придётся отказаться.

---

* Англичане, когда хотят изысканно выразиться на письме, часто употребляют французские слова. Прочитать их Паддингтону куда проще, чем нам с вами, — ведь французский алфавит почти такой же, как английский, — а вот понять всё равно ничего невозможно!

Мистер Браун проговорил это с нескрываемым облегчением. Он и в лучшие-то времена был не особым охотником до балов, а мысль о танцах в компании друзей и знакомых миссис Смит-Чомли наполнила его душу гнетущей тоской. Но все его надежды воспользоваться Паддингтоном как удобным предлогом тут же развеялись, потому что в ответ прозвучал дружный вопль негодования.

— Думаю, Генри, мы сумеем что-нибудь придумать, если постараемся, — проговорила миссис Браун. — В конце концов, это очень благородная затея. Ведь речь идёт о той же больнице, для которой Паддингтон собирал деньги в прошлом году, и вообще, если бы не он, нас ни за что бы не пригласили.

— Свозим его к «Хезеру и сыновьям» и доставим там всё необходимое, — нашла выход миссис Бёрд, принимаясь поспешно убирать со стола. — Там дают напрокат вечерние туалеты, а в объявлении написано, что они могут подогнать любой костюм в присутствии заказчика.

Мистер Браун окинул фигуру медвежонка полным сомнениям взглядом.

— Бал-то завтра, — напомнил он, — не через три месяца.

Паддингтона эти слова вконец расстроили. Она несуразица громоздилась на другую: мало того что кому-то вздумалось писать одними первыми буквами, и вдобавок по-французски, так ещё изволь одеваться во что-то особенное только ради того, чтобы потанцевать!

Впрочем, его несколько утешило, что за вечерним туалетом придётся ехать в центр Лондона. А когда мистер Браун, окончательно признав поражение, возвестил, что тоже приедет в магазин и после примерки отведёт их пообедать в ресторан, медвежонок возликовал не меньше, чем все остальные.

Паддингтон ужасно любил ездить в город и, пока остальные собирались, сидел как на иголках, а тут ещё мистер Браун принёс путеводитель по ресторанам и стал подыскивать подходящее местечко.

— В «Хезере» теперь тоже есть ресторан, — напомнила миссис Браун. — Мы могли бы убить двух зайцев сразу. Меньше было бы хлопот.

Мистер Браун быстренько сверился с путеводителем.

— Он не из тех, которые рекомендует Дункан Хайд, — заметил он разочарованно. — Он здесь даже не упоминается.

— Этот ресторан открыли только на прошлой неделе, — пояснила миссис Браун, — так что ничего удивительного. О нём пока мало кто знает, так что, по крайней мере, не будет толкотни.

— Ну хорошо! Ваша взяла! — сдался мистер Браун. Он захлопнул путеводитель и протянул его медвежонку. — Постарайся хорошенько распробовать, что у них подают к обеду, — добавил он. — Если тебе понравится, мы напишем мистеру Хайду рекомендательное письмо.

— Спасибо большое, мистер Браун, — от души поблагодарил Паддингтон. Он ужасно любил лис-

тать книжку мистера Хайда и мог заниматься этим часами; теперь же он аккуратно припрятал её в потайной кармашек своего чемодана.

У Дункана Хайда было занятное ремесло: он ездил по всей стране, заходил в разные рестораны и, раскусив, как там готовят, оставлял в награду шляпу — от крошечного беретика за простые, незатейливые блюда до огромного цилиндра за самые изысканные яства. И надо сказать, от некоторых его описаний слюнки так и текли.

Хотя никто никогда не видел его воочию, так как он предпочитал не показываться на глаза, все в один голос восхищались его тонким вкусом; поэтому, когда, ближе к полудню, Паддингтон наконец попал в «Хезер и сыновья», он так и сверлил взглядом окна ресторана, надеясь обнаружить господина с цилиндром в руках.

Когда Брауны вошли в магазин, их приветствовал управляющий в элегантном костюме.

— Этому медведю необходим вечерний туалет, — объяснила миссис Браун. — Вы не могли бы сказать, куда нам обратиться?

— Разумеется, мадам. Сюда, пожалуйста. — Не моргнув глазом, управляющий повернулся и повёл их к ближайшему лифту. — Юный... э-э... джентльмен готовится предстать ко двору?* — Дверь бесшумно затворилась, и управляющий

---

* «Предстать ко двору» — значит быть представленным английской королеве; англичане — поклонники традиций и трепетно относятся к королевской власти, поэтому большую честь и вообразить себе трудно!

опустил глаза на медвежонка. — Или просто собирается на выход?

— Ничего подобного, — отрезал Паддингтон, вперив в управляющего суровый взгляд. — Я собираюсь на вход!

Он утёрлся в метро, и морозный воздух на улице неприятно зашипал ему нос, так что он вовсе не хотел, чтобы его выгнали обратно.

— Он получил приглашение на бал, — поспешно пояснила миссис Браун. — Мы хотели бы взять напрокат вечерний костюм.

— На бал? — Лицо управляющего выразило некоторое облегчение, и он прибавил с вящей надеждой: — В начале весеннего сезона, полагаю?

— Нет, — разом сокрушила его надежды миссис Бёрд, — прямо сейчас, на Рождество. А именно, завтра вечером, так что давайте-ка поторопимся.

— В объявлении говорится, что у вас подгоняют платье на любую фигуру, — напомнил Джонатан.

— В присутствии заказчика, — добавила Джуди с умоляющим видом.

— Гм... да, конечно, — упавшим голосом подтвердил управляющий. Он ещё раз смерил медвежонка взглядом. — Вот только ноги у юного... э-э... джентльмена немного... кхм... боюсь, если мы станем подбирать ему костюм из наших запасов, придётся очень многое переделывать...

— Мои ноги немного «кхым»? — возмущённо воскликнул Паддингтон.

Он наградил управляющего целой серией суровых взглядов, но тут, по счастью, лифт остановил-

ся и разговор прервался сам собой. Когда дверь бесшумно распахнулась и управляющий жестом подозвал своего помощника, маячившего в отдалении, Брауны переглянулись.

— Может быть, — сказала миссис Браун, — остальным стоит пока заняться покупками? А ровно в час мы встретились бы внизу, возле ресторана...

— Великолепная мысль, мадам! — поддержал её управляющий. — Вы не волнуйтесь, — тут он высадил Паддингтона из лифта, — мы будем стараться изо всех сил, всё перевернём вверх дном. Я попрошу мистера Стэнли лично заняться этим юным джентльменом. Он всегда берётся за все трудные случаи и бывает только рад продемонстрировать своё мастерство!

— Гм, — хмуро проговорила миссис Бёрд, когда дверца лифта закрылась снова, — вот уж насчёт того, что очень скоро всё у них будет вверх дном, я ни капельки не сомневаюсь. Вот попомните мои слова!

Миссис Бёрд не очень-то улыбалось оставлять своего ненаглядного мишку на произвол «Хезера и сыновей» (несмотря даже на великолепие их магазина), но, как выяснилось, управляющий не зря перевозносил таланты своих служащих, потому что, едва за Браунами закрылась дверь, в отделе вовсю закипела работа.

— Я сейчас кликну «Шпульку» Мартина, — объявил мистер Стэнли, опоясав медвежонка сантиметром и делая пометки в блокноте. — Что до

нитки с иголкой, за ним никто не угонится! И глазом моргнуть не успеете, как всё будет в полном порядке!

Изобразив на мордочке должное восхищение, Паддингтон устроился в уголке и, чтобы сократить время, открыл путеводитель Дункана Хайда. И действительно, не успел он толком почитать, как перед ним появился сияющий мистер Стэнли с безукоризненно отутюженным костюмом.

— Ну уж теперь-то вы точно не ударите в грязь лицом, сэръ! — провозгласил он, указывая Паддингтону на примерочную кабинку.

— Весьма, весьма элегантный медведь получился, — поддакнул управляющий, помогая Паддингтону натянуть сюртук. — Ну что ж, надеюсь, — тут он позволил себе улыбнуться, — всё пройдёт без сучка и задоринки. А то ведь и не скажешь заранее, за кого вас могут принять в таком облачении. Ну-с, вам завернуть или прислать с посыльным?

Паддингтон во всех подробностях оглядел себя в зеркале, точнее, во всех четырёх зеркалах, в каждом из которых стояли бесконечной шеренгой в пух и прах разодетые медведи.

Конечно, получить такой замечательный наряд было очень приятно, но сейчас Паддингтона куда больше занимало другое — ресторан и всякие вкусности, которые надлежало распробовать для мистера Хайда.

— Я, пожалуй, так и пойду, — объявил он наконец. — Спасибо вам большое.

И, оставив без внимания озадаченные взгляды, обращённые ему в спину, он подхватил свои вещи и направился к лифту.

Миссис Браун оказалась права — о новом ресторане знали совсем немногие, да и час был ещё ранний, так что, когда Паддингтон вошёл, в зале было совсем пусто.

У самых дверей взору его предстала громадная тележка со всевозможными сладостями. У Паддингтона даже глаза разбежались. Каких только форм, видов, цветов и оттенков тут не было! Медвежонок встал на четвереньки, чтобы получше рассмотреть горы шоколадного крема и моря фруктовых салатов, как вдруг над ним раздался чей-то голос.

— Чем могу служить? — осведомился официант.

Паддингтон вылез из-под тележки и вежливо приподнял шляпу.

— Пожалуй, ничем, спасибо большое, — с огорчением ответил он. — Я только смотрел.

Прижав к груди книгу Дункана Хайда, он ещё раз окинул тележку взглядом.

— Я просто прикидывал, что мне потом попробовать, — объяснил он. — За некоторые из этих штук не жалко и цилиндра.

К изумлению медвежонка, эти слова оказали на официанта почти магическое действие.

— Прошу прощения, сэр, — выпалил он, вытягиваясь в струнку. — Я не сразу признал вас, сэр. Если вы соблаговолите подождать минутку, я позову директора.

Отвесив низкий поклон, официант исчез, но тотчас же возвратился в сопровождении важного вида дяденьки в чёрном пиджаке и брюках в полоску.

— Я в высшей степени признателен вам, сэр, — пробасил тот, радостно потирая руки, — за то, что вы почтили нас своим присутствием. Как раз это нашему ресторану и нужно. — Он окинул взглядом парадный костюм, шляпу и чёрный нос медвежонка, заговорщицки подмигнул в сторону путеводителя и добавил: — Надеюсь, ни беретов, ни шляпок вы с собой не захватили.

— Разумеется, нет, — вежливо отозвался Паддингтон, чьё изумление всё росло и росло.

— Мы посадим вас за столик у окна, — продолжал директор, указывая дорогу. — Сегодня у нас в меню несколько особых фирменных блюд. — Он ещё раз заговорщицки подмигнул и усадил медвежонка в кресло. — Я уверен, у нас найдётся немало угощений на ваш вкус!

— Не сомневаюсь, — согласился Паддингтон, из вежливости подмигивая в ответ. — Только я не уверен, хватит ли у меня денег за это заплатить.

— О господи, сэр! — Директор в притворном ужасе воздел руки и выхватил у медвежонка меню. — Да разве в деньгах дело!

— Правда? — оживился Паддингтон.

— Вам достаточно будет подписать счёт, — объявил директор. — Давайте лучше поговорим о еде. Это куда занимательнее. Прошу вас, почувствуйте себя как дома.

— Я уже, — честно ответил Паддингтон, берясь за вилку и нож. — А когда можно начать?

— Как только пожелаете, — так и расплылся директор. — Ну-с... — Он радостно потёр руки. — Я всячески рекомендую авокадо, фаршированное свеженакрошенными креветками, а к ним сметанный соус.

— А потом, — разливался он, — я посоветовал бы на выбор свежеотваренного омара, свежевывловленную дуврскую камбалу, свежеотбитый телячий эскалоп или свежезапечённый мясной пудинг.

От таких разговоров у медвежонка не на шутку разыгрался аппетит, и он не стал медлить с ответом.

— Пожалуй, всего понемножку, — брякнул он.

Если в глубине души директор и удивился, то очень тактично сумел это скрыть. Более того, когда он передавал Паддингтонов заказ официанту, стоявшему наготове, лицо его выражало неподдельное восхищение.

— Должен сказать, сэр, — заметил он, — вы очень серьёзно относитесь к своему делу. Не многие в вашем положении взяли бы на себя труд перепробовать все блюда в меню. Не желаете ли отведать наши коллекционные вина?

Паддингтон призадумался.

— Я предпочел бы свежеоткрытую банку какао, — объявил он наконец.

— Банку *какао*? — На мгновение директор чуть не потерял хладнокровия, но тут же снова

расплылся в улыбке: — Кажется, вы пытаетесь заставить нас врасплох, а? — И он шутливо погрозил медвежонку пальцем.

— А кроме того, — добавил он, кивая в направлении тележки, — надеюсь, за сыром вы не откажетесь окинуть взглядом наш сладкий ассортимент.

Паддингтон бросил на него обиженный взгляд.

— Зачем же окидывать? Я лучше попробую, — заявил он. — Только мне надо оставить немного свободного места. В час меня ждут к обеду.

На лице у директора отразилось удвоенное восхищение.

— Ну что ж, — проговорил он с поклоном, когда заказанные кушанья начали по одному прибывать на стол, — не буду вам мешать. Осмелюсь лишь выразить надежду, что вы не забудете упомянуть про нас, когда придёт время.

— Ну разумеется, — с готовностью поддакнул Паддингтон. — Я обязательно расскажу о вас всем своим друзьям.

Паддингтон так и не мог взять в толк, чему обязан таким королевским приёмом, но решил, пока не поздно, брать быка за рога, а поскольку директору явно хотелось, чтобы он воздал должное обеду, он решил не отказывать в столь пустяковой услуге.

А на тротуаре возле ресторана уже собралась порядочная толпа. Стёкла потемнели от глазающих физиономий, и их становилось больше с каждой минутой. Зрители не сводили глаз с медвежонка, который честно приступил к выполнению своей нелёгкой задачи, и взрывы аплодисментов,

сопровождавшие появление каждого нового блюда, звучали всё громче и громче.

Но если у большей части зрителей Паддингтоны чудачества вызывали лишь изумление и восторг, были среди них пятеро, которые испытывали неподдельный ужас.

Брауны договорились встретиться у выхода из магазина, но их, как и большинство прохожих, привлекло непонятное столпотворение возле ресторанных окон, а когда им удалось пробиться в первые ряды, оправдались самые худшие их опасения.

— О господи! — не выдержала миссис Бёрд. — Что ещё натворил этот медведь?

— Уж не знаю, что он там натворил, — пробурчал мистер Браун под громкий стон, вырвавшийся у зрителей, — но, похоже, этому очень скоро придёт конец.

Действительно, обстановка по ту сторону стекла резко изменилась, и у Браунов упало сердце.

Началось всё с того, что официант подал медвежонку на подносе длинный бумажный свиток. Вложив ручку в его лапу, официант с почтительней улыбкой наблюдал, как тот выводит своё имя. Но мало-помалу улыбка потухла, уступив место выражению, которое Браунам совсем не понравилось.

— Вперёд! — крикнула Джуди, хватая миссис Браун за руку. — Пора на выручку!

— О господи! — простонал мистер Браун, пропихиваясь сквозь толпу. — Всё как всегда...

А Паддингтон, и не подозревавший, что помощь близка, таращился на официанта, наотрез отказываясь верить своим глазам, а уж ушам — и подавно.

— Семь фунтов шестнадцать шиллингов четыре пенса! — вскричал он. — За один обед!

— Не за один обед, — поправил его официант, разглядывая пятна на скатерти, — а по меньшей мере за десять. Мы решили, что вы Дункан Хайд, знаменитый гастроном.

Паддингтон чуть не свалился со стула.

— Дункан Хайд, знаменитый гастроном? — повторил он. — Я не гастроном. Я Паддингтон Браун из Дремучего Перу, и я медведь!

— В таком случае, — заявил официант, возвращая счёт, — потрудитесь заплатить наличными. Сюда включена стоимость *сервиса*, — добавил он многозначительно, — но не чаевые.

— Стоимость *сервиса*? — вконец опешил медвежонок. — Но ведь я даже ничего не разбил! — Он ещё раз взгляделся в полоску бумаги. — Семнадцать шиллингов за коктейль-сюрприз!

— Цена — это часть сюрприза, — с ехидством пояснил официант.

— Тогда у меня для вас тоже есть сюрприз, — в тон ему ответил медвежонок. — У меня только шесть пенсов!

Паддингтона ужасно расстроило приключившееся недоразумение, тем более что он встрял в него вовсе не по собственному почину. Мало того что он добросовестно подписал счёт, как его и просили, он ещё и поставил рядом отпечаток лапы, чтобы все видели, что подпись настоящая! Словом, он воспрянул духом, когда увидел вдалеке спешащих на помощь Браунов.

А надо сказать, что за столь короткое время ресторан изменился до неузнаваемости и теперь в нём яблоку негде было упасть. Браунам пришлось прокладывать себе извилистую тропу между другими посетителями, и, когда они наконец добрались до Паддингтона, на пути у них уже высшался директор.

— Этот юный джентльмен принадлежит вам? — спросил он, указывая на медвежонка.

— Э... почему вы спрашиваете? — попытался выиграть время мистер Браун.

— Генри! — вскричала миссис Браун. — Как тебе не стыдно!

— Я вас тоже в первый раз вижу, мистер Браун! — откликнулся Паддингтон, живенько сообразив, что к чему.

Мистер Браун испустил скорбный вздох и полез за бумажником.

— Раз уж вы спрашиваете, — проговорил он, — боюсь, что да.

— Боитесь? — Директор уставился на него во все глаза. — Вы сказали «боитесь»? — Он широким жестом указал на переполненный ресторан: — Сэр, да ваш медведь просто находка для нашего заведения! Он привлёк столько посетителей, что нам впору на трубе плясать от радости! Разумеется, я не возьму с него ни пенса.

Он снова обернулся к медвежонку:

— Я был бы страшно рад, если бы вы согласились сидеть на этом месте шесть дней в неделю! Может, вы и не Дункан Хайд, но будь вы даже от лап до ушей из омарового суфле, вы и то не стоили бы дороже!

Тут директор запнулся и с тревогой посмотрел на своего клиента. По непонятной причине последние слова возымели очень странное действие.

— С вами всё в порядке, сэр? — осведомился директор. — Что-то уши у вас как-то странно обвисли... Позвольте, я помогу вам встать. Может, отведаете нашего свежемолотого кофе со сливками?

Паддингтон снова закричал. Если бы ему сейчас понадобилось составить список своих первоочередных потребностей, вставание на ноги наверняка оказалось бы в самом конце, а еда и питье и вовсе остались бы за бортом.

Уронив путеводитель, он рухнул обратно в кресло и принялся нащупывать пуговицы на жилете.

— Спасибо, я на сегодня, кажется, напробовався, — пропыхтел он.

Вдобавок ко всем прочим несчастьям Паддингтон при каждом движении слышал очень подозрительней треск, и, хотя ни в одном из предложенных ему блюд не оказалось ни «сучка», он предчувствовал, что «Шпультке» Мартину и мистеру Стэнли придётся немало повозиться, устранив все «задоринки».

Правда, уж что верно, то верно, *так* обедать ему ещё никогда не доводилось.

— Если бы я был газ... гастрономом, — возвестил он, — я наградил бы «Хезер» одной из дядиных шляп!

Мистер Браун даже причмокнул в предвкушении.

— Это что-нибудь да значит, — заметил он, раскрывая меню. — Похоже, мы сегодня славно пообедаем!

— Ведь в конце концов, — заключил он под гул одобрения, — одна Паддингтонова шляпа стоит целой дюжины цилиндров Дункана Хайда — кому это знать, как не нам!

ТАНЕЦ НА ЗАКУСКУ

Мистер Браун повесил халат на дверную ручку и опустился на кровать, протирая глаза.

— Вот уже третий раз бегаю к входной двери, — пожаловался он, — и всякий раз выясняется, что это Паддингтон бухает в пол у себя в комнате.

— Он, наверное, всё учится танцевать, — сонно отозвалась миссис Браун. — Вчера вечером он жаловался, что никак не может правильно сомкнуть пятки.

— А сегодня утром я не могу сомкнуть глаз, — ворчливо отозвался мистер Браун. — Чтоб ему пусто было, этому балу! Вот уж, что называется, вляпались!

— Вляпаться ты уж точно вляпался, — подтвердила миссис Браун, глядя на ночные туфли, которые её муж сбросил у кровати. — Прямо в Паддингтонову канифоль. Отскреби-ка её, пока не

поздно, а то он ужасно расстроится. Он специально купил её, чтобы лапы не скользили по линолеуму. Вчера он несколько раз шлёпнулся и ушибся.

Мистер Браун с отвращением поглядел на грязную подмётку.

— Только медведю, — сказал он горько, — может прийти в голову танцевать танго в половине седьмого утра, да ещё в субботу. Надеюсь, сегодня вечером там не будет никаких «медведи приглашают дам». Не завидую я той даме, которая попадёт Паддингтону в лапы!

— Ну, может, до вечера он ещё научится, — попыталась ободрить мужа миссис Браун. — Не так-то просто вальсировать с диванным валиком!

Миссис Браун повернулась на другой бок и закрыла глаза, больше в потуге прогнать тревожные мысли о предстоящем вечере, чем в надежде заснуть. С одной стороны, бал у миссис Смит-Чомли обещал массу развлечений, с другой — миссис Браун одолевала мрачные предчувствия, и последние события всё больше склоняли чашу весов в сторону мрачности.

Впрочем, дневной свет способен развеять самые чёрные печали, и миссис Браун немного воспрянула духом, когда после всех своих ночных бесчинств Паддингтон явился к завтраку хотя и с некоторым опозданием, зато при полном параде.

— Красавец, ничего не скажешь, — отметила она под дружный гул одобрения. — Много ли на свете медведей, которые утром садятся за стол в вечернем туалете?

— И будет на одного меньше, если я обнаружу на сюртуке хоть единое мармеладное пятнышко, — суровым тоном добавила миссис Бёрд.

Миссис Бёрд тоже пострадала от ночного тарарама, а поскольку на горизонте угрожающей тенью маячило Рождество, ей вовсе не улыбалось, чтобы её кухню превратили в медвежью танцплощадку.

Паддингтон обдумал её слова, пока управлялся с яичницей и беконом. Он был не из тех медведей, которые беспечно бросают деньги на ветер, и, узнав, какую кругленькую сумму мистер Браун заплатил за прокат его костюма, он решил выжать из своего туалета всё, что можно. С другой стороны, если Брауны не скрывали, что уже по горло сыты танцами, Паддингтон был сыт по самый нос или даже по самые уши.

Ему не раз доводилось смотреть танцевальные программы по телевизору, и он никак не мог понять, что тут сложного — подпрыгивай себе в такт музыке, да и только. Но когда он сам попробовал танцевать, выяснилось, что даже и без партнёра лапы всё время заплетаются, и ему становилось жутко при одной мысли, на что же всё это будет похоже, если ещё кто-то станет путаться под ногами.

В конце концов он решил для безопасности перенести свои упражнения на кровать, но тут дело пошло ещё хуже — с таким же успехом он мог бы прыгать по батуту, заваленному подушками.

Словом, танцевать оказалось не так-то просто, и в конце концов Паддингтон, к всеобщему

облегчению, объявил, что пойдёт посоветуется с мистером Крубером.

Паддингтон привык, что мистер Крубер всегда сумеет выручить в трудную минуту. Каково же было его удивление, когда, добравшись до знакомой антикварной лавки, он обнаружил, что там всюду играет старенький граммофон, а его друг выделяет какие-то замысловатые коленца вокруг столика с безделушками!

Мистер Крубер смущённо глянул на медвежонка поверх очков и пододвинул к нему стул.

— Не один вы, мистер Браун, опасаетесь нынче вечером сесть в лужу, — проговорил он, отдуваясь. — Никак не припомню эти фокстроты!

Но Паддингтону было вовсе не до «острот» — так он удивился, узнав, что, во-первых, мистер Крубер тоже умеет танцевать, а во-вторых, что он тоже приглашён к миссис Смит-Чомли. Вместо ответа его друг указал на здоровенную афишу, пришпиленную к стене.

— Приглашены почти все, кто живёт в нашей округе, — пояснил он. — Играет оркестр Альфа Фейдерзейна, а Норман и Хильда Чёрч обещали привести свою балетную группу!

Паддингтон наострил уши, и мистер Крубер объяснил ему, что Норман Чёрч — очень известный танцор и он не только приведёт своих учеников, но ещё и будет выступать судьей в разных танцевальных состязаниях, которые планируются на балу.

Тут мистер Крубер лукаво подмигнул, протянул руку к полке и достал оттуда книжку, написанную

самим мистером Чёрчем. Паддингтон чуть не запрыгал от радости. Он не сомневался, что, прочитав её от корки до корки, обязательно получит первый приз!

После этого, если не считать завываний виолончели да редких глухих ударов в пол, в доме номер тридцать два по Виндзорскому Саду до самого вечера царила непривычная тишина — все собирались на бал.

Паддингтон чуть ли не с обеда околачивался в прихожей; в одной лапе он держал книжку мистера Крубера, в другой — будильник и время от времени совершал пробные променады вдоль входной двери.

Хотя в книжке Нормана Чёрча было полно рисунков, показывающих, как делать какое-то, толку от этого оказалось немного, потому что на одних стояла пометка «по часовой стрелке», на других — «против часовой стрелки» и Паддингтон постоянно сбивался, пытаясь одновременно глядеть и в книжку, и на будильник.

Книжка называлась «Как освоить танцы и танцевальный этикет за двадцать пять несложных уроков». Паддингтон довольно скоро пожалел, что мистер Чёрч не сократил их до пяти сложных, потому что уже в названии он споткнулся о слово «этикет», а дальше пошло только хуже.

Впрочем, когда они отправились в путь, он вскоре заразился общим весельем, и чем ближе к дому миссис Смит-Чомли, тем труднее ему было усидеть на месте.

Но самое интересное началось, когда они наконец вошли внутрь и медвежонок, вручив швейцару своё синее пальтишко, смог оглядеться по сторонам.

Огромная двустворчатая дверь, за которой начинались ступеньки, ведущие в танцевальный зал, была распахнута настежь, и оттуда долетали звуки музыки; всюду кружились пары в вечерних туалетах, и по лицам скользили блики света, отбрасываемые вращающимся под потолком зеркальным шаром.

Брауны присоединились к небольшому хвосту новоприбывших, в котором обнаружился и мистер Крубер, и мистер Браун прислушался к музыке.

— «Прощальный блюз»! — обрадовался он. — Одна из моих любимых мелодий...

— «Прощальный блюз»? — сразу упав духом, повторил Паддингтон. — Но мы ведь только приехали!

Мистер Крубер тактично кашлянул.

— Не волнуйтесь, мистер Браун, скорее всего, до прощания ещё далеко, — успокоил он.

Тут он наклонился и отодвинул Паддингтона чуть в сторонку; хвост тем временем быстро рассасывался.

— Возьмите себя в лапы покрепче, мистер Браун, — прошептал он. — Похоже, сейчас вас будут представлять.

Мистер Крубер указал на внушительного вида дяденьку в мудрёном костюме и пышном парике,

который стоял на верхней площадке лестницы, и медвежонок чуть не скатился вниз от удивления, когда имена мистера и миссис Браун прогремели на весь зал.

— Меня ещё никогда не представляли, мистер Крубер, — шепнул он, принимаясь торопливо запихивать свои вещички под сюртук.

— Ох, растяпа! — всполошилась Джуди, окидывая напоследок взглядом его костюм. — Ты так и не снял велосипедные зажимы!

Миссис Браун услышала эти слова и посмотрела через плечо.

— Сними их, милый, — посоветовала она. — А то хлопот не оберёшься!

Паддингтон принял очень близко к сердцу слова миссис Бёрд о том, что костюм надо беречь, и, услышав, что вечером обещают снегопад, решил на всякий случай закрепить велосипедными зажимами штанины, которые были длинноваты и волочились по земле, однако после слов миссис Браун он послушно согнулся пополам и в таком виде подошёл к внушительного вида дяденьке.

— Извините, пожалуйста, — проговорил он в пол. — Я мистер Браун, только мне что-то никак не снять эти штуки. Только расстегну — они хлоп...

— Мистер Неклоп Браун! — звучно возгласил дяденька.

— Почему я Неклоп? — возмутился Паддингтон. Он выпрямился, держа в лапах велосипедные зажимы, страшно огорчённый тем, что первый

в его жизни бал начинается так неудачно. Но пока он переживал, дяденька уже выкрикнул имя мистера Крубера, а Паддингтон оказался лицом к лицу с миссис Смит-Чомли, которая встречала гостей на нижней ступеньке.

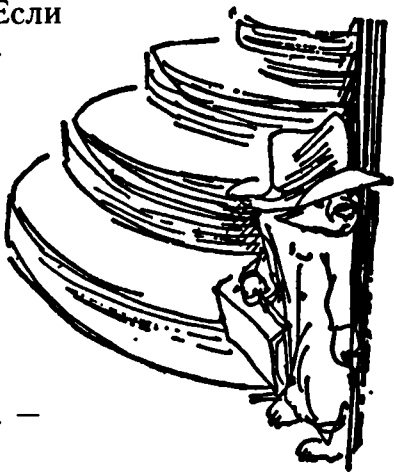
— Какая неприятность! — проговорила миссис Смит-Чомли, пытаясь весёлой улыбкой замять недоразумение. Она взяла медвежонка за лапу. — Конечно же, милый, ты никакой не клоп...

Тут она осеклась, потому что поняла: медвежонок уже начисто забыл про «клопа». Он смотрел совсем в другую сторону.

— Это мистер Чёрч, — пояснила миссис Смит-Чомли, имея в виду щеголеватого танцора, который стоял в круге света. — Он открывает танец.

Грянула музыка, и миссис Смит-Чомли опять повернулась к медвежонку.

— А ты, похоже, неплохо подготовился, — проговорила она, кивая на книжку мистера Крубера. — Если мистер Чёрч вдруг перепутает па, ему будет к кому обратиться... — Миссис Смит-Чомли вновь осеклась, и на лице её появился лёгкий испуг. — Но пока он ничего не перепутал! — крикнула она вдогонку. — Я просто пошутила. Я...

Поздно! Паддингтон уже со всех лап спешил на выручку.

— Не бойтесь, мистер Чёрч! — завопил он. — Я сейчас! Это, кажется, на сорок пятой странице!

Паддингтон выскочил в центр зала, как раз когда туда вплывали первые пары. Балетная группа Нормана и Хильды Чёрч выделявала какую-то замысловатую фигуру, и если улыбка на лице миссис Смит-Чомли казалась несколько натянутой, мистер Чёрч производил такое впечатление, будто кончики его губ приклеили к ушам.

— С дороги! — прошипел он, когда медвежонок подёргал его за рукав. — Ты испортишь полонез!

Мистер Чёрч как раз, видимо, сообразил (с некоторым опозданием), что не мешало бы добавить ещё несколько пунктов к главе о танцевальном этикете, но он не успел обратить их в слова, потому что тут случилось нечто и вовсе невообразимое.

Едва танцоры развернулись, чтобы плавным шагом отступить в конец зала, где-то в самой их гуще отчаянно задребезжал колокольчик.

От неожиданности первая пара оступилась. Остальные поналетали друг на друга, и в одно мгновение — его не хватило бы, даже чтобы построиться для кадрили, — всё смешалось в кучу.

Танцоры, застигнутые врасплох в центре круга, вообразили, что за оркестровой площадкой вспыхнул пожар, и столкнулись лбами с парами, стоявшими на краю; а те, пребывая в твёрдом убеждении, что проломился пол, в свою очередь, ринулись на

зрителей, которые просто пытались разглядеть, в чём дело.

Среди всей этой сумятицы Паддингтон вдруг догадался запустить лапу в карман.

— Не волнуйтесь, мистер Чёрч! — закричал он, вытаскивая оттуда что-то круглое и блестящее. — Это просто мой будильник звенит!

Во внезапно наступившей тишине необычайно громко прозвучал голос мистера Брауна.

— Две минуты! — простонал он. — Мы пробывали здесь всего две минуты — и вот, полюбуйтесь!

В особом приглашении никто не нуждался, поскольку остальные Брауны и так прекрасно видели, какой вокруг царит кавардак.

А Паддингтон, который выбрался из толпы, желал только одного — чтобы пол и вправду проломился и можно было незаметно скрыться с глаз.

— Ничего страшного, — проговорила Джуди, выходя ему навстречу. — Мы ведь знаем, что ты не специально.

— Спасибо, — удручённо отозвался Паддингтон. — Объяснить бы это ещё мистеру Чёрчу...

Тревожно оглянувшись через плечо, он под защитой Джуди скромно отошёл в сторонку, где стояли столики и стулья.

— Благодарю вас, я, пожалуй, пропущу следующий танец, — оповестил он, сверившись со своей книгой.

В ней, правда, не было ну ничегошеньки о том, что говорить, если ты устроил этакую катавасию, зато мистер Чёрч приводил целый список фраз,

которые годились, чтобы вежливо отказаться от танца, и Паддингтон решил, что самое время испытать их на деле.

— Вряд ли кто теперь пригласит его, — огорчённо заметил мистер Браун, проносясь в вальсе мимо стола.

— Как обидно! — согласилась миссис Браун, заметив, что Паддингтон так и сидит один-одинёшенек, углубившись в свою книжку. — Он так старался! А теперь скучает у стенки, точно бедный сиротинушка...

Мистер Браун фыркнул.

— Вот уж на кого этот мишка не похож, так это на бедного сиротинушку, — здраво рассудил он.

И он хотел было добавить, что радоваться рано, потому что вечер ещё не кончился, но тут загрели барабаны и все взоры обратились к оркестровой площадке: на неё вскарабкался мистер Норман Чёрч и, взяв микрофон, объявил начало состязаний.

Если не считать скандала с полонезом, всё шло как по маслу, и мистер Чёрч снова воспрянул духом.

— Я хочу, чтобы танцевали абсолютно все! — подзадоривал он. — Вас ждет множество танцев... множество призов... а лучшая пара вечера получит Великанскую Корзину с рождественскими лакомствами...

В зале поднялась некоторая суматоха, но мистер Чёрч прекрасно справлялся со своими обязанностями распорядителя. Вскоре под его руковод-

ством все так ритмично шаркали и притоптывали, что даже Паддингтон засмотрелся, и кусок булки с мармеладом, который он принёс, чтобы скоротать время, лежал нетронутым на столе.

Гости веселились вовсю, и тут миссис Смит-Чомли заметила медвежонка, который по-прежнему сидел в сторонке.

— Идём! — позвала она. — Ты слышал, что сказал мистер Чёрч? Танцуют все!

Паддингтон встрепнулся.

— Большое спасибо, миссис Смит-Чомли! — выпалил он. — Я с удовольствием!

— О!.. — Лицо миссис Смит-Чомли разом потухло. — Я не имела в виду... то есть я... э-э... — Она в замешательстве посмотрела на медвежонка, а потом сверилась со своей программкой. — Ну, что поделаешь. Сейчас как раз будут латиноамериканские танцы, а ты ведь, кажется, оттуда и приехал.

— Угу, — кивнул Паддингтон. — Из Дремучего Перу.

Миссис Смит-Чомли нервно хихикнула.

— Боюсь, мистер Фейдерзейн не знает перуанских танцев, тем более дремучих, — попыталась пошутить она. — Но если хочешь, пойдём танцевать румбу.

— С удовольствием! — обрадовался Паддингтон. — Я такого никогда ещё не танцевал!

Он вообще любил всё новое, поэтому для сохранности поспешно засунул велосипедные зажимы в рукав, спрятал булку с мармеладом за спину, прихватил свою книжку и вскочил из-за стола.

— Ты, я вижу, поднаторел в танцах, — заметила миссис Смит-Чомли, приняв его суматошные сборы за какое-то особенное па.

Паддингтон крепко обхватил свою даму обеими лапами.

— Я очень постараюсь ничего больше не повторить, — пообещал он.

Заглянув за спину партнёрши, он ещё раз сверился с книжкой мистера Чёрча и вежливо осведомился:

— Вы часто бываете в этом доме?

Миссис Смит-Чомли бросила унылый взгляд на свои ноги, крепко притиснутые к полу Паддингтоновыми лапами.

— Нет, — проговорила она таким тоном, точно очень сожалела, что вообще сюда попала. — Ты не мог бы не так сильно нажимать на педали?

Паддингтон тут же вспомнил про свои зажимы.

— Нажимать на педали? — удивился он. — Но у меня даже нет велосипеда!

Миссис Смит-Чомли бросила на него очень странный взгляд.

— Лучше бы был, — проговорила она, отдуваясь, потому что изо всех сил пыталась переставлять Паддингтоновы лапы в такт музыке. — Ты бы уехал отсюда далеко-далеко...

Паддингтон уставился ей в лицо. Разговор получался какой-то глупый и совсем не походил на примеры из книжки мистера Чёрча, где дамы и кавалеры в основном обменивались любезностями на балконах, отдыхая и перекусывая.

— Зато у мистера Брауна есть мопед, — продолжил он светскую беседу. — Если угодно, он потом отвезёт вас домой.

— Очень может быть, что так и придётся сделать, — сквозь зубы процедила миссис Смит-Чомли, — если ты не перестанешь наступать мне на ноги!

Коготки у Паддингтона были довольно острые, и с каждой минутой они всё более впивались миссис Смит-Чомли в кожу.

Паддингтон чуть ослабил хватку на её талии и честно попробовал отцепиться.

— Не получается, — пропыхтел он. — Кажется, я застрял в ваших бантиках.

Вдруг миссис Смит-Чомли ужасно изменилась в лице. Более того, она ни с того ни с сего начала дёргаться и извиваться, пренебрегая всеми танцевальными правилами и предписаниями мистера Чёрча.

— Ай-ай-ай! — верещала она. — Кто-то ползёт по моей спине!

Изогнувшись, она запустила руку в вырез на платье и извлекла оттуда что-то длинное, золотистое и мокрое. Глаза её наполнились ужасом.

— Липкое, скользкое... Фу, мерзость какая!

Паддингтон повнимательнее взгляделся в непонятную закорючку, которую миссис Смит-Чомли безразлично держала двумя пальцами.

— Это не кто-то, миссис Смит-Чомли, — вдруг сообразил он. — Это апельсиновая корочка. Я, кажется, случайно уронил булку с мармеладом в ваше платье.

Мистер Браун, который и не подозревал, какая драма разыгрывается за спиной у хозяйки бала, подтолкнул жену:

— Гляди-ка, Мэри! Вот это пара! Глаз не отвести!

Миссис Браун повернулась в дальний конец зала.

— Ну и ну! — изумилась она. — Кто бы мог подумать?

А остальные танцоры, глядя на стремительно кружащуюся пару, испытывали не столько изумление, сколько восторг.

Одна за другой пары покидали круг, чтобы насладиться видом Паддингтона и миссис Смит-Чомли, которые, точно слившись воедино, изгибались, кружились и подпрыгивали в такт музыке.

По знаку мистера Чёрча луч прожектора поймал танцующую пару; Альф Фейдерзейн старательней прежнего замахал дирижёрской палочкой, и вскоре зал заходил ходуном от аплодисментов, криков одобрения и ободряющего топота.

Паддингтон, намертво прикованный к своей партнёрше, запутывался всё сильнее и сильнее и уже не раз пожалел, что принес будильник, а не компас — тогда бы хоть можно было разобраться, в какую же всё-таки сторону они крутятся.

А в зале никто уже и не сомневался, кому достанется Великанская Корзина с лакомствами. Если бы кто и попытался возразить, его всё равно заглушили бы вопли восторга, поднявшиеся, когда музыка смолкла.

Ко всеобщему удивлению, едва чьи-то сострадательные руки отцепили Паддингтона от балльных туфель миссис Смит-Чомли, она вихрем умчалась прочь. Впрочем, вскоре она возвратилась, в другом платье, но в суматохе почти никто не обратил на это внимания.

— Великолепно! — возгласил Норман Чёрч, вручая медвежонку приз. — Какая слаженность движений! Не могли бы вы с вашей очаровательной дамой поучаствовать в заключительном выступлении моей балетной группы?

Миссис Смит-Чомли содрогнулась.

— Боюсь, мы с мистером Брауном вынуждены будем отклонить ваше предложение, — поспешно закрыла она тему, заметив, как блеснули у медвежонка глаза.

Паддингтон кивнул.

— У меня и булки с мармеладом больше нет, — сообщил он.

— А, вот оно что... — озадаченно протянул мистер Чёрч. — Кстати, о булке с мармеладом. Что вы собираетесь делать со всеми этими лакомствами?

Паддингтон поглядел на свой приз. Корзина и правда была огромная. Трудно было даже себе представить, сколько в неё помещается всяких вкусных вещей.

— Я хотел бы отправить свою половину в Дом для престарелых медведей в Лиме, если только она успеет дойти до Рождества. Видите ли, им очень редко удаётся полакомиться, — ответил медвежонок, и все захлопали.

— Это будет сделано, — пообещал мистер Чёрч. — Даже если мне придётся самому лететь туда и делить её прямо на месте!

— Делить незачем, — вмешалась миссис Смит-Чомли, и аплодисменты стали ещё громче. — Пусть полакомятся и моей половиной. В конце концов, времени в обрез, а дело того стоит. В особенности, — тут она с улыбкой поглядела на своего партнёра, — если все медведи там такие, как Паддингтон. Разве можно оставлять их без мармелада?

* * *

— Интересно, что она имела в виду? — недоумевал мистер Браун, когда они ехали домой, усталые, но довольные. Он покосился на сидящего рядом Паддингтона: — Не знаешь, а, мишутка?

Паддингтон протёр лапой запотевшее стекло и поглядел в темноту.

— Это всё корочки, мистер Браун, — туманно пояснил он.

Миссис Браун вздохнула. Сколько ни живи в одном доме с медведем, всех загадок никогда не разгадаешь.

— Одно точно, — проговорила она. — Хотя я и уверена, что все обитатели Дома престарелых, в особенности тётя Люси, — достойные, почтенные медведи, вряд ли среди них найдётся хоть один такой медведь, как Паддингтон.

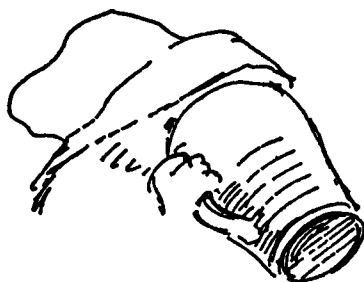
— Это уж точно, — кивнула миссис Бёрд.

— Ещё бы! — поддержала Джуди.

— На все сто! — подхватил Джонатан.

Но Паддингтон пропустил всё это мимо ушей. В воздухе кружились первые белые хлопья, предвещающая снегопад, а с ним — Рождество и много-много новых приключений.

— Знаете что? — сказал он во всеуслышание. — Я, наверное, не буду снимать сегодня на ночь велосипедных зажимов. А то вдруг я без них замёрзну или мало ли что ещё приключится!

СОДЕРЖАНИЕ

А вы ещё не знакомы с медвежонком Паддингтоном?	5
«Уходной» мистера Крубера	9
Паддингтон в театре	25
Похождения в доме и на крыше	42
Паддингтон-победитель	57
Ириски в миске	75
Медвежья услуга	90
Небывалая церемония	105
Как Паддингтон вылетел в трубу	123
Поездка-загадка	138
День на пляже	155
Меткий удар	174
В больнице	193
Лекарство от всех болезней	209
Последний штрих	226
Подал — получи	243
Паддингтон в центре Лондона	262
Как брюки в переделку попали	279
Скачка во весь дух	294
У зубного врача	310
Паддингтон рекомендует	327
Танец на закуску	344

**ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ
КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА» ОБРАЩАТЬСЯ:**

Санкт-Петербург: *издательство «Азбука»
тел. (812) 327-04-56,
факс 327-01-60
«Книжный клуб «Снарк»
тел. (812) 703-06-07
ООО «Русич-Сан»,
тел. (812) 589-29-75*

Москва: *ООО «Азбука-Максимум»
тел. (495) 150-52-11,
792-50-68, 792-50-69
Интернет-магазин «Лабиринт»
www.labirint-shop.ru*

Екатеринбург: *ООО «Валео Книга»
тел. (3432) 42-07-75*

Новосибирск: *ООО «Топ-книга»
тел. (3832) 36-10-28; www.opt-kniga.ru*

Калининград: *Сеть магазинов «Книги и книжечки»
тел. (0112) 56-65-68, 35-38-38*

Хабаровск: *ООО «МИРС»
тел. (4212) 29-25-65, 29-25-67;
sale_book@bookmirs.khv.ru*

Челябинск: *ООО «ИнтерСервис ЛТД»
тел. (3512) 21-33-74, 21-26-52*

Казань: *ООО «Таис»
тел. (8432) 72-34-55, 72-27-82
tais@bancorp.ru*

INTERNET-МАГАЗИН

*Все книги издательства в Internet-магазине «Озон»
<http://www.ozon.ru/>*

**Издательство «Азбука» представляет
новую детскую серию:**

«The Best • Children»

Дженни Ниммо «ЧАРЛИ БОН»

Смелость и дружба против коварной магии!

**Книги Дженни Ниммо о приключениях Чарли Бона
переведены на 15 языков и проданы общим
тиражом более 2 миллионов экземпляров.**

Стоит обнаружить, что обладаешь волшебными способностями — и прости-прощай, спокойная жизнь.

Именно в этом убедился Чарли Бон, который в один прекрасный день вдруг начал слышать, о чем разговаривают люди на фотографиях. Чарли начинает разматывать запутанный клубок семейных тайн и в результате оказывается в мрачной академии Блура, где учатся другие обладатели необычайных способностей — те, кто понимает язык животных, умеет летать, владеет гипнозом, а также талантливые юные актеры и музыканты. В академии Чарли обзаводится новыми друзьями и новыми врагами и вскоре на собственном опыте понимает, что смелость и дружба способны противостоять самой коварной магии. Тайны растут, как снежный ком, но Чарли не сдается — он знает, что может помочь многим людям, а возможно, даже найти собственного отца.

«Сегодня все книги, в которых рассказывается о школах для будущих волшебников, неизбежно сравнивают с серией о Гарри Поттере... но эта история — совершенно другая. Здесь дружба важнее волшебства. ...Живой стиль, необычные персонажи, а главный герой Чарли Бон — такой обаятельный мальчишка!

«School Library Journal»

Продолжение следует...

**КНИГА—ПОЧТОЙ: (812) 774-40-63; СПб., 192242, а/я 300
www.areal.com.ru, e-mail: postbook@areal.com.ru**

Издательство «Азбука» представляет:

Эдит Патту
«ВОСТОК»

Книга выходит в новой серии издательства

«The Best • Children»

Таинственный рассказ о девочке Роуз и Белом Медведе завораживает и увлекает филигранным сюжетом, отточенным стилем, великолепными аллегориями, напряженным действием, которое не отпускает с первой до последней страницы.

Чтобы уберечь дочь от скитаний и бед, родители Роуз скрывают тайну ее рождения. Но приходит день, и ради спасения семьи Роуз все-таки уходит в снежную пустыню. Так начинается прекрасная история о верности, любви и дружбе.

Эдит Патту подобно искусному алхимику сплавляет миф и реальность, и ее волшебный мир влечет нас, как таинственная сокровищница.

School Library Journal

*Ваши дети и Вы сами будете очарованы книгой
Эдит Патту!*

Publisher Weekly

*«Восток» — одна из тех редких книг, которые
сложно закрыть, не дочитав до конца.*

Ottakar's Children's Books

КНИГА—ПОЧТОЙ: (812) 774-40-63; СПб., 192242, а/я 300
www.areal.com.ru, e-mail: postbook@areal.com.ru

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН OZON.RU ЭТО:

**широкий ассортимент, информация о новинках
и бестселлерах, подробное описание товаров, удобство
поиска, простота покупки, быстрая доставка**

Самый большой в России выбор:

Книг (более 350 000 наименований)

- художественная литература, биографии, мемуары, искусство, культура, филология, общественные и гуманитарные науки, книги на иностранных языках
- детективы, триллеры, фантастика и фэнтези
- бизнес-литература, общественные и гуманитарные науки, компьютеры и интернет, наука, техника, медицина, энциклопедии, справочники, словари
- путешествия, отдых, хобби, спорт
- детская литература

DVD (более 8 000 наименований)

Видеокассет (более 13 000 наименований)

Аудио CD (более 70 000 наименований)

Игр и компьютерных программ (более 5 000)

Товаров для детей (более 3 500)

Большой выбор электроники и цифровой техники

Сделать заказ можно:

- на сайте www.ozon.ru
- по телефону: в Москве - (495) 797-92-84,
в Санкт-Петербурге - (812) 740-60-61;
России (495) 788-88-88

Доставка по территории России и всему миру.

 OZON
ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН
www.ozon.ru

**ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ
КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА» ОБРАЩАТЬСЯ:**

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПАРТНЕРЫ

Украина: 000 «Азбука-Украина», 04073
г. Киев, Московский пр., 6
(2 этаж, офис 19)
тел. (+38044) 490-35-67;
sale@azbooka.net

Израиль: «Спутник», P.O.B. 2462, Kefar-Sava,
Israel, тел. +972-9-767-99-96,
dob@sputnik-books.com

Германия: Каталог «Аврора»,
официальный представитель
издательства «Азбука»,
Франкфурт-на-Майне
тел. (069) 37564252;
avrora-katalog@yandex.ru

Уважаемые читатели!

*Приглашаем вас посетить интернет-сайт
издательства «АЗБУКА» по адресу*

www.azbooka.ru

*На нашем сайте вы найдете каталог книг издательства,
информацию о новинках и планах на будущее, отрывки
из новых книг и многое другое.*

*Здесь можно задать интересующие вас вопросы
и высказать свои пожелания.*

*На сайте вы также найдете ссылки
на интернет-магазины, торгующие книгами
издательства «Азбука».*

Ждем вас круглосуточно, каждый день!

КНИГА — ПОЧТОЙ

ЗАО «Ареал», СПб., 192242, а/я 300; тел.: (812) 774-40-63;
www.areal.com.ru; e-mail: postbook@areal.com.ru

Литературно-художественное издание

Майкл Бонд

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
МЕДВЕЖОНКА
ПАДДИНГТОНА**

Ответственный редактор *Ольга Миклухо-Маклай*

Редактор *Ольга Кустова*

Художественный редактор *Юлия Колесникова*

Технический редактор *Мария Антипова*

Корректоры *Эмилия Коваленко, Нина Тюрина*

Подготовка иллюстраций *Олега Рябова*

Верстка *Анастасии Золотухиной*

Директор издательства *Максим Крютченко*

Подписано в печать 23.03.2006. Формат издания 60×90¹/₁₆.

Печать офсетная. Тираж 10000 экз. Усл. печ. л. 23.

Изд. № 1835. Заказ № 0603280.

Гигиенический сертификат
№ 78.01.07.953. П. 004388.09.04 от 16.09.2004 г.

Издательство «Азбука-классика»
196105. Санкт-Петербург, а/я 192
www.azbooka.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

2222720
166.00

Майкл Бонд

Истории английского писателя Майкла Бонда о медвежонке по имени Паддингтон давно уже стали классикой английской детской литературы. Если речь заходит о самых знаменитых литературных медведях, англичане обязательно называют Винни Пуха и Паддингтона.

Эта история началась в Лондоне, на Паддингтонском вокзале. Маленький медвежонок, приехавший из Дремучего Перу, стоял в сторонке и терпеливо ждал, когда кто-нибудь обратит на него внимание. К счастью, мистер и миссис Браун решили позаботиться об отважном путешественнике и даже придумали для него звучное имя — Паддингтон.

С тех пор медвежонок многому научился. Он почти без происшествий ездит на метро, ходит за покупками, иногда готовит ужин (и при этом обходится без пострадавших). Но Паддингтон по-прежнему может забыть обо всем на свете, увидев пакетик ирисок абыть обо всем на свете, увидев пакетик ирисок появляются Идеи, и тогда в доме Браунов вновь забывают про покой и порядок.

ISBN 5-352-01835-0

9 785352 018354

www.azbuka.ru